

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

Ю. В. БОГОЯВЛЕНСКАЯ

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ю. В. Богоявленская

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В РУССКОМ
И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ:
ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 81'367
ББК Ш102.2
Б747

Р е ц е н з е н т ы:

А. П. Чудинов, доктор филологических наук,
профессор кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного
Уральского государственного педагогического университета;
С. В. Шустова, доктор филологических наук, профессор кафедры
лингвистики и перевода Пермского государственного
национального исследовательского университета

Богоявленская, Ю. В.

Б747 Парцелляция в русском и французском языках: опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования : монография / Ю. В. Богоявленская ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – [2-е изд., дораб.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 214 с. – Библиогр.: с. 189–212. – ISBN 978-5-7996-3289-2. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7996-3289-2

В монографии рассматривается феномен парцелляции в когнитивно-семиотическом ракурсе. Выявляется сущность парцеллемы, исследуются ее конструктивные и семантические особенности.

Для специалистов в области сопоставительного синтаксиса, лингвокогнитологии, лингвосемиотики, аспирантов, магистрантов и студентов филологических специальностей и направлений.

УДК 81'367
ББК Ш102.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. ТРАДИЦИИ, НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	12
1.1. Парцелляция как объект научного исследования	12
1.1.1. Этапы и направления исследования парцелляции в зарубежной лингвистике	14
1.1.2. Этапы и направления исследования парцелляции в отечественной лингвистике	33
1.1.2.1. Исторический обзор исследований парцелляции	33
1.1.2.2. Дефиниции парцелляции. Круг смежных явлений. Критерии идентификации	39
1.2. Проблемные области теории парцелляции и методологии ее исследования на современном этапе развития лингвистики	49
Выводы	56
2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНО- СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ	61
2.1. Лингвокогнитология и лингвосемиотика: точки пересечения. Когнитивно-семиотические подходы к изучению языковых единиц. Теории аттенциальности: распределение внимания как когнитивная проблема	61
2.2. Исходный понятийно-терминологический инструментарий когнитивно-семиотического исследования парцелляции	68
Выводы	92
3. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	94
3.1. Когнитивно-семиотическая природа парцеллятного знака	94
3.1.1. Когнитивно-семиотическая трактовка парцеллятного знака	94

3.1.2. Парцеллографема и парцеллятная сетка	103
3.1.2.1. Единая парцеллятная сетка (ЕПС)	105
3.1.2.2. Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)	111
3.2. Синтактика и семантика: сопоставительно-параметрический анализ парцеллем	120
3.2.1. Конструктивные свойства парцеллемы во французском и русском языках	122
3.2.1.1. Локализация парцеллята по отношению к основе: ретроспективные и проспективные парцелляты	123
3.2.1.2. Типы парцеллятов по степени удаленности	128
3.2.1.3. Количественный признак при определении типа парцеллемы	132
3.2.1.4. Семантика парцеллятных отношений	136
3.2.2. Модели парцеллем	152
3.2.2.1. Принципы парцелляции: линейный, параллельный и комбинированный	152
3.2.2.2. Инвариантная модель парцеллемы	156
3.2.2.3. Модели однопарцеллятных конструкций	158
3.2.2.4. Модели парцеллем с двумя парцеллятами	160
3.2.2.5. Модели полипарцеллятных построений	162
3.2.2.6. Модели конструкций комбинированного типа	164
<i>Выводы</i>	172
Заключение	180
Библиографические ссылки	189
<i>Приложение. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ Linquistia</i>	213

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике единодушно признается, что парцелляция – явление живое, активное, преуспевающее, широко используемое как в газетно-публицистической, так и в художественной речи. Исследовательский интерес к парцелляции в отечественной и в зарубежной лингвистике возник в 50-х годах XX века. В российский научный обиход этот термин был введен А. Ф. Ефремовым. Он прочно закрепился и используется по сей день. Французские лингвисты первоначально пользовались термином «парцеллят» (*parcelle*), которому впоследствии предпочли термин «добавление после точки» (*ajout après le point*). С середины XX века и вплоть до настоящего времени парцелляция приковывает к себе пристальное внимание исследователей: нам известны более 400 работ, выполненных на материале различных языков и в русле различных направлений. В качестве объекта исследования называются те или иные аспекты парцелляции. Систематизация научного опыта позволяет нам выделить основные подходы к ее исследованию: синтаксический (О. В. Александрова, Н. С. Валгина, Ю. В. Ванников, В. Г. Гак, Е. А. Иванчикова, Б. Ю. Норман, А. П. Сковородников, B. Bosredon, B. Combettes, B. Delorme, A. Gautier, A. Kuyumcuyan, F. Lefeuvre, I. Tamba-Mecz), риторико-стилистический (Г. А. Копнина, А. П. Сковородников, Т. Г. Хазагеров, D. Boliger, C. Emmott, E. Havu, M. Noailly), прагматический (Н. К. Молош, З. Я. Омаева, Л. С. Суровенкова, А. З. Хаймурзина, F. Cicurel, B. Combettes). Фрагментарно описаны особенности ее восприятия (Р. О. Зелепукин, B. Bosredon, I. Tamba-Mecz), когнитивные особенности (M. Fayol, A. Sanford) и диахроническая динамика (Е. В. Литвиненко, B. Combettes).

Несмотря на то, что современной лингвистикой накоплен значительный объем знаний о парцелляции, ее рассмотрение и интерпретация, как мы покажем далее, осуществляются преимущественно через призму традиционной лингвистики. Многие вопросы,

связанные с сущностью парцелляции, ее природой, механизмами построения и функционирования в дискурсе, ее национальными особенностями, еще не получили должного освещения. Существует лишь несколько работ, затрагивающих сопоставительный аспект данного явления.

Констатация этих фактов подводит к необходимости рассмотрения интересующего нас феномена с такого «угла зрения», который бы позволил более глубоко проникнуть в природу парцелляции и создать концепцию, объясняющую специфику ее сущности и функционирования. Оптимальной стратегией для решения данной задачи нам представляется интеграция востребованных в современной лингвистической науке когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и корпусного подходов.

Таким образом, разработанная для исследования методология имеет комплексный характер. Она сложилась в первую очередь под влиянием теорий парцелляции в романистике, германистике и русистике (Ю. В. Ванников, В. Г. Гак, Р. О. Зелепукин, Е. А. Иванчикова, Е. В. Литвиненко, Б. Ю. Норман, Е. А. Реферовская, А. П. Сковородников, М. О. Ступкина, Л. С. Суровенкова, А. З. Хаймурзина, М. Cohen, B. Combettes, A. Dauzat, G. Dubois, C. Emmott, A. Gautier, A. Kuymucuyan, M. Noailly, P. Roberts, A. J. Sanford и др.).

Мы также опираемся на положения таких отраслей языкознания, как:

- лингвокогнитология (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, О. К. Ирисханова, А. А. Кибрик, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, Т. А. van Dijk, R. Langacker, L. Talmy, B. Warwick и др.);

- лингвосомиотика (Н. Б. Мечковская, В. Т. Садченко, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, А. А. Худяков, N. Catach, I. Fonagy, S. Pétillon-Boucheron, C. Tournier и др.);

- сопоставительная лингвистика (Г. М. Алимжанова, В. Д. Аракин, В. Г. Гак, А. Гудавичюс, К. Джеймс, А. П. Евдошенко, Э. Косериу, И. Н. Кузнецова, В. Матезиус, З. Д. Попова, В. Скаличка, У. К. Юсупов, В. Н. Ярцева и др.).

Значительную роль играют исследования в области аттенциальности в когнитивной психологии и лингвистике (О. К. Ирисханова, Р. Л. Солсо, Ю. Щербатых, О. Houdé, R. Langacker, P. Lemaire, R. E. MacLaury, M. W. Matlin, L. Talmy, G. Taylor, A. Triesman, B. Warwick) и работы, выполненные в русле когнитивно-семиотического (семиологического) подхода (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, И. В. Рогозина, А. С. Самигуллина, С. Н. Сыроваткин, А. А. Худяков). Важное место в нашей методологической системе занимают достижения отечественной и зарубежной корпусной лингвистики (А. Н. Баранов, А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, В. В. Рыков, B. Cartoni, L. Deléger, L. Goeuriot, B. Habert, A. Kilgariff, G. Leech, J. Sinclair и др.).

Мы определяем актуальность создания новой концепции парцелляции тремя факторами.

Первый фактор – это становление когнитивно-дискурсивной парадигмы, предлагающей качественно новое понимание объекта лингвистики. Предлагаемый когнитивно-семиотический ракурс исследования относится к актуальным направлениям когнитивно-дискурсивной парадигмы и позволяет исследовать проблемы парцелляции с опорой на данные экспериментальной и когнитивной психологии.

Второй важный фактор – развитие компьютерных технологий и корпусной лингвистики, которые дают возможность многократно увеличить объем эмпирического материала, качество и скорость его обработки, а также обеспечить достоверность получаемых количественных результатов, представляющих основу для последующих интерпретаций и выявления качественных характеристик изучаемых объектов.

Третий фактор – необходимость дифференциации, с одной стороны, закономерностей парцелляции, проявляющихся в различных языках, а с другой – ее национальных особенностей, характерных преимущественно для отдельных языков. Показательно, что абсолютное большинство исследований выполнено на материале какого-то одного языка. Вопрос о межязыковых соответствиях и национальных особенностях в сфере парцелляции до настоящего

времени не был предметом специального монографического исследования и лишь частично затрагивался в отдельных публикациях.

Приступая к исследованию, мы ставим перед собой такие задачи:

- выявить и описать основные этапы и направления развития теории парцелляции в зарубежной и российской лингвистике, выделить актуальные и не решенные на современном этапе развития науки проблемы теории парцелляции;

- разработать методологическую базу исследования парцелляции, опирающуюся на интеграцию заявленных подходов, систематизировать и уточнить понятийно-терминологический аппарат исследования;

- теоретически обосновать когнитивно-семиотическую концепцию парцелляции;

- инвентаризировать разновидности французских и русских парцеллем, разработать их типологию по параметрам, позволяющим «измерить» и сопоставить их синтаксические и семантические свойства, выявляя значимые сходства, различия и национальную специфику.

Для решения этих задач нами сформирован сопоставительный объектно-ориентированный корпус¹, включающий статьи из наиболее популярных французских и русских газет, относящихся к респектабельной и массовой прессе: *La Tribune*, *Le Figaro*, *Le Monde*, *L'Humanité*, *Libération*, «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Российская газета». Корпус обработан при помощи компьютерной программы *Linguistica* (свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014)².

Теоретико-методологические результаты настоящего исследования, как представляется, могут быть не только экстраполированы

¹ Понятие «(сопоставительный) объектно-ориентированный корпус» введено нами.

² Идея, разработка концепции программы, интерфейса, тестирование и так далее, а также правообладание: Ю. В. Богоявленская; автор-программист: С. А. Александров. Сертификат о государственной регистрации в Роспатенте см. в Приложении.

на изучение парцелляции в других дискурсах и языках, но и востребованы в сопоставительно-корпусных исследованиях любых других лингвистических объектов.

Структура монографии определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. В первой главе рассматривается становление и развитие теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике. Очерчивается круг смежных явлений и разрабатываются критерии идентификации парцеллированной структуры. Выявляются проблемные зоны парцелляции на современном этапе лингвистических исследований, в частности тот парадоксальный факт, что парцелляция изучалась преимущественно на уровне предложения. Отмечается, что вопросы, связанные с природой парцелляции, ее когнитивными особенностями, восприятием и интерпретацией, не получили удовлетворительного ответа; до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования. Определяется междисциплинарный подход, который позволил бы решить обозначенные проблемы.

Во второй главе рассматриваются теоретико-методологические основания когнитивно-семиотического исследования парцелляции с опорой на достижения экспериментальной и когнитивной психологии; уточняется исходный терминологический инструментарий исследования. Обсуждается вопрос о статусе пунктуационных знаков и непосредственно финальной синграфемы, используемой для парцелляции. Пунктуационные знаки определяются как невербальные синграфические языковые знаки, вступающие в отношения интеграции с вербальными знаками и активно участвующие в пространственной (графической) и смысловой (содержательной) организации текста. Значение парцеллирующей синграфемы определяется как *наиболее важное, новое в текущем высказывании*. Отмечается, что парцеллограмма, отвечая всем условиям семиотизации, характеризуется достаточно высокой семиотической стабильностью. Далее рассматриваются вопросы распределения внимания, освещенные в исследованиях когнитивных психологов и лингвокогнитологов. Раскрываются понятия

«конструирование», «точка обзора», «салиентность», «фигура и фон», «фокусирование» и «дефокусирование», значимые для настоящего исследования; анализируются средства фокусирования внимания в синтаксическом формате.

В третьей главе представлено сопоставительное исследование парцелляции в когнитивно-семиотическом освещении. Уточняется объем понятия «парцелляция», предлагается и обосновывается введение понятий «парцеллема», «парцеллографема», «парцеллятная пунктуационная сетка», «парцеллятная конфигурация» и других. Парцелляция предстает, во-первых, как результат когнитивно-семиотической деятельности, свидетельствующий о том, как продуцент речи конструирует в сознании и, соответственно, в языке описываемую сцену, какие ее составляющие и свойства являются для него салиентными и какой он хочет представить эту сцену адресату. Проведенное исследование показывает, что парцелляция – это осознанный и контролируемый продуцентом отбор и размещение в аттенциальном фокусе какого-либо свойства объекта / ситуации, представляющегося продуценту значимым, важным. Материальное воплощение парцеллемы конструируется с помощью парцеллографемы, невербального графического знака, создающего специфический графический «рельеф» и регулирующего локализацию аттенциального фокуса. Во-вторых, под парцелляцией мы понимаем специальную визуально-графическую операцию, назначение которой заключается в расчленении единой структуры на трехчастную парцеллему, включающую основу, парцеллографему и парцеллят. Выводится инвариантная модель парцеллемы, включающая основу, парцеллографему, парцеллят (парцелляты) и финальные синграфемы. Устанавливается, что в ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором, в соответствии с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллографеме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Парцеллятная «упаковка» рассматривается как средство повышения помехоустойчивости. Далее выявляются составляющие парцеллятной сетки и их функциональная нагрузка. Производится инвен-

таризация парцеллятной графики, выделяются и сопоставляются типы парцеллятной сетки. Предлагается сопоставительная типология парцеллятов в синтаксическом (с позиции их локализации, удаленности от основы, количества парцеллятов) и семантическом (семантика парцеллятных отношений) измерениях с учетом специфики аттенциального фокусирования. Корпусная статистика позволяет определить более и менее частотные, а также редкие и окказиональные типы парцеллем по выделенным параметрам. Выявляются принципы парцеллятного членения: линейный, параллельный и комбинированный. На их основе выделяются и сопоставляются модели парцеллем и их варианты, свойственные французскому и русскому медиадискурсу. Сопоставительно-параметрический анализ приводит к выводу о существенных сходствах французских и русских парцеллем при их семантическом и, особенно, синтаксическом измерениях. Расхождения концентрируются на периферии парцелляции; специфические параметры, свойственные только одному из языков, не частотны.

В заключении делаются основные выводы по результатам проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения парцелляции.

1. ТРАДИЦИИ, НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В настоящей главе рассматривается теоретико-методологическая база исследования парцелляции, которая опирается на достижения различных направлений, в рамках которых разрабатывались теории парцелляции. Поставленная цель определяет композицию главы: прежде всего описано становление теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике, выделяются ведущие аспекты исследования данного феномена в рамках современных научных школ и направлений. Далее освещены дискуссионные вопросы основных для теории парцелляции проблем; парцелляция отграничивается от смежных явлений: присоединения, номинативных предложений, обособления, эллипсиса; определяются критерии идентификации парцеллированной конструкции.

1.1. Парцелляция как объект научного исследования

Рассмотрение современных представлений о парцелляции логично начать с обращения к истокам формирования и эволюции теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике. Такой ретроспективный подход поможет лучше осмыслить особенности и вклад существующих научных школ в ее развитие.

Следует отметить, что эволюция теории парцелляции имеет национально-специфический характер. Вопреки общей тенденции активного взаимодействия национальных школ, доступности научной информации и процессу интернационализации лингвистического знания [Сусов, 2006б] теории парцелляции во французской,

британской, американской и российской лингвистике развивались каждая своим путем, фактически не испытывая влияния со стороны друг друга. В научных исследованиях практически отсутствуют ссылки на работы ученых других стран, внимание зарубежных лингвистов сосредоточено на особенностях парцелляции, свойственных их родному языку.

Одной из серьезных проблем, послужившей, по-видимому, препятствием для распространения научного знания о парцелляции, стали терминологическая разногласия и отсутствие полного тождества в объеме и содержании понятий, используемых в тех или иных национальных лингвистических традициях. В российском научном обиходе установился термин *парцелляция* (крайне редко в этом значении встречается термин «присоединение» или используются другие терминологические наименования); в современных франкоязычных научных работах фигурируют термины *ajout après le point* (добавление после точки), *annexe* (приложение) или *addition* (добавление) / *construction en annexe* (добавочная конструкция) и другие; в англоязычных – *fragmentary sentence* (предложение, расчлененное на фрагменты) / *sentence fragmentation* (фрагментация предложения) / *sentence fragment* или *fragment of sentence* (фрагмент предложения).

Изолированное развитие теорий парцелляции и расхождения в используемой терминологии привели к тому, что научные дискуссии по проблемам парцелляции в зарубежной лингвистике не получили должного отражения в трудах российских исследователей, ее достижения не учитывались при построении концепций и подходов, разрабатываемых в отечественной лингвистике.

Этот факт обусловил необходимость подробного обзора исследований, предпринятых в рамках национальных лингвистик. Модификации теории парцелляции, обращение к различным дискурсивным источникам, типологии конструкций, активизация их использования в речи, разнообразные подходы – все это требует всестороннего осмысления истории и современного состояния названной теории для определения перспектив исследования в данной сфере.

1.1.1. Этапы и направления исследования парцелляции в зарубежной лингвистике

Во франкоязычной науке можно выделить две волны научного интереса к парцелляции. Первые упоминания о парцелляции относятся к 40-м годам XX века, активно она начала изучаться в 1950–1960-е годы.

В исследовании «История одного языка: французский» М. Коэн описывает зафиксированные им случаи расчленения сложных предложений и вынос за точку некоторых членов предложения: «Что действительно кажется новым, появилось примерно лет двадцать назад и все сильнее распространяется, так это независимость той части сложного предложения, которая при классическом подходе считается придаточным предложением... Еще один случай – это приобретенная самостоятельность фразового дополнения или наречия»³ [Cohen, 1973, 397]. М. Коэн отмечает недавнее возникновение этого приема (см.: [Cohen, 1966, 234]) и связывает его с изменениями в интонации, наблюдающимися в современном французском языке: «В современной письменной речи этот прием, очень частотный как в газетах, так и литературе, и, видимо, являющийся следствием изменений, происходящих в интонации французского языка, все чаще применяется в сложных предложениях с подчинительными относительными и обстоятельственными» [Cohen, 1973, 48]. Автор приводит следующие примеры: «C'est une calomnie indigne. *Qui ne restera pas impunie.* Il s'est mis à employer des imparfaits du subjonctif à tort et à travers. *Pour ne pas avoir l'air d'être un ignorant*» [Ibid.].

Французский лингвист подчеркивает, что эти структуры заслуживают широкого изучения, так как они представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, поскольку затрагивают традиционное понятие логической организации фразы. М. Коэн ввел понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллирующий стиль» (*style parcellaire*), которые, однако, не закрепились в научном обиходе, уступив впоследствии место иной терминологии.

³ Здесь и далее перевод наш.

Ж. Антуан пишет о том, что французский язык, стремясь к простоте и непринужденности, ищет новые формы литературного изложения, в основе которых – систематическое введение элементов разговорной речи [Antoine, 1962]. В число таких новых форм входит то явление, под которым мы понимаем парцеллированную конструкцию. Ж. Дюбуа отмечает частотность употребления этой конструкции и предпринимает попытку ее социологического истолкования (см.: [Dubois, 1961, 63–66]).

Некоторые французские ученые, обращавшиеся к анализу парцелляции в 40–60-е годы XX века, негативно оценивали ее применение в письменной речи, пренебрежительно рассматривали это явление как маргинальное и связывали его со стилистическими эффектами. Р. Жоржен видит в парцелляции средство для максимального выделения деталей и дезартикуляции основной части, но осуждает ее использование, называет дробление фразы «смешным, вычурным стилем» (*style poinilliste, papillotant*), расценивая его как негативный стилистический прием (см.: [Georgin, 1956, 205–208]). А. Доза подчеркивает также, что помещение придаточного предложения после точки выглядит искусственно, и называет этот прием «пунктуационным трюком» (*trucage de ponctuation*); как и М. Коэн, он относит его к особенностям авторского стиля (см.: [Dauzat, 1943, 234; Cohen, 1966, 228, 232–234]). Факт вынесения важных элементов в конец предложения связывался французскими лингвистами с влиянием разговорной речи, где позиции слов гораздо подвижнее [Bar, 1958].

В 1970–1990-е годы интерес к парцелляции несколько спадает, появляются лишь отдельные работы, рассматривающие ее в рамках обособления (см. диссертацию С. Тюше, в которой он пишет о парцелляции как об «усиленном обособлении» – *détachement fort* [Tuchais, 1996], и статью Б. Комбетта [Combettes, 1992]). Лингвисты сходятся в том, что парцелляция репрезентирует «новый стиль» в литературе (см.: [Ballard, 1995, 150]).

После значительного временного перерыва новая волна научного интереса к данному феномену поднялась только в 2000-е годы. Парцелляция стала исследоваться то в контексте фрагментации

текста, то как вид обособления, то как добавление, восходящее к риторической фигуре гипербатона⁴, широко используемого в классической литературе [Grunig, 2002; Noailly, 2002; Gautier, 2006, 2010a, 2010b; Combettes, 2007a, 2007b, 2011a; Havu, 2011, 2013; и др.].

Преимущественно негативное отношение к парцелляции, отмечавшееся в середине XX века, сменилось острым интересом к ней, ее пониманием как одного из ярких явлений современного синтаксиса. Внимание исследователей вызвали различные аспекты структуры парцелляции, ее семантики и функционирования в тексте, что отразилось в десятках статей, коллективных монографиях и специализированных международных коллоквиумах, семинарах и конференциях, наиболее известными из которых являются:

1) «Фрагментированные сегменты во французском языке» (*Les séquences fragmentaires en français*), исследовательский семинар (Брюссель, 30–31 мая 2011 г.);

2) «Лингвистики обособления» (*Les linguistiques du détachement*), международный коллоквиум (Нанси, 7–9 июня 2006 г.);

3) «Фигура добавления: фраза, текст, письменная речь» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), коллективная монография (Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002);

4) «Эллипсис и фрагмент» (*Ellipse et fragment – Morceaux choisis*), выпуск научного журнала (Bruxelles : Peter Lang, 2013);

5) «Гипербатон. На границах фразы» (*L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase*), конференция, организованная Высшей Национальной школой, 9–10 июня 2010 г. (Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011).

На современном этапе развития теории парцелляции для обозначения сегмента, вынесенного за точку, чаще всего используется термин «добавление после точки» – *ajout après le point* (в вариантах *ajout aprus un point* и *ajouts après point*). Под этим термином

⁴ Гипербатон – стилистическая фигура, предназначенная для «добавления к фразе, которая кажется законченной, слова или группы слов для их выделения» [Ricalens-Pourchot, 2011, 74–75]. При этом создается некоторая дистанция между словами, непосредственно сочетающимися по смыслу, нарушается нормальная синтаксическая последовательность слов.

и его вариантами понимаются собственно парцелляты – «синтаксические конституенты, зависящие от предыдущей фразы» [Курумсуян, 2009, 318], «элементы, которые дополняют после точки высказывание, которое казалось законченным» [Combettes, 2007a, 111].

Однако нельзя утверждать, что этот термин прочно устоялся в научном обиходе. Исследователи, находясь в активных поисках адекватных для описания терминов, вынуждены обращаться к «проблеме метаязыка» [Gautier, 2006, 294]. Конкурентами *добавления после точки* выступают *графически изолированный сегмент* (*segment graphique isolé*), *обособленная точкой конструкция* (*construction détachée par un point*), *графический блок* (*block graphique*) [Bosredon, Tamba-Mecz, 2003], *обособленный сильной пунктуацией отрезок* (*séquence détachée par une ponctuation forte*) [Havu, 2013], *прибавление* (*addition*), *приложение* (*annexe*) [Neveu, 2001; Gautier, 2006, 2010a, 2010b], *фрагментированный отрывок* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян, 2013] и так далее.

Рассуждая о значении терминов «добавление» и «обособление», Ф. Неве пишет: «Экспликативные понятия “прибавление” (*addition*) или “добавление” (*ajout*) – с одной стороны, “обособление” (*détachement*) – с другой, часто ассоциируемые в анализе, предполагают на самом деле радикально различные намерения. Обособление, в строгом смысле слова, предполагает выход за пропозициональную рамку, то есть внутреннюю, а значит, и локальную точку наблюдения. Прибавление и добавление предполагают вход в эту рамку и, следовательно, внешнюю и глобальную точку наблюдения» [Neveu, 2001, 12]. Дескриптивный термин не удовлетворяет некоторых исследователей. В последних работах Б. Комбетт переходит от *добавления после точки* к терминологическому дублету *фрагмент после точки* (*fragment après le point*), лучше, на его взгляд, отражающий суть данного явления [Combettes, 2012a, 2012b, 2013], А. Кьюмкьюян – к *фрагментированному отрезку* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян, 2013] и так далее.

Номинация основной (базовой) части конструкции в работах либо отсутствует вовсе, либо используются разнообразные на-

именования, имеющие индивидуально-авторский «личностный»⁵ характер. Их применение ограничено порой одной научной работой: *сегмент-источник* (*segment source*) [Combettes, Kuyumcuyan, 2010a], *принимаящая фраза* (*phrase d'accueil*) и *исходная фраза* (*phrase de départ*) [Combettes, 2007a], *фраза-источник* (*phrase source*) [Combettes, 2013], *матричная структура* (*structure matrice*) [Combettes, Kuyumcuyan, 2010b], *матричная база* (*base matrice*), *матричная фраза* (*phrase matrice*), *рамочная структура* (*structure cadre*) [Gautier, 2006].

Термин «парцелляция», широко применяемый в российской научной литературе для обозначения самого феномена расчленения структуры предложения на составные части, не имеет эквивалента во франкоязычной лингвистике.

На наш взгляд, терминологический разнобой, связанный с обозначением одного и того же явления, косвенно свидетельствует о его недостаточной изученности. Данный феномен только недавно попал в центр внимания лингвистов, отказавшихся от более ранней терминологии. Процесс «складывания» данной терминосистемы безусловно свидетельствует о стремлении ученых постичь сущность и свойства исследуемого объекта, дать ему адекватное наименование.

В настоящее время наметились два направления исследований «добавлений после точки». Первое связано с рассмотрением феномена «добавления» во всем разнообразии его проявления, то есть в границах как простого, так и сложного предложения (работы А. Готье, Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, М. Ноайи и др.) или в целом феномена добавления. Второе – с изучением отдельных видов «добавления» (как правило, беспредложных субстантивов или адъективов). В этом случае «добавление после точки» вписывается в более широкий контекст «безглагольной фразы (сегмента / высказывания)» или «фрагментированного сегмента (структуры)», которые выступают гиперонимами по отношению к термину «добавление» или противопоставляются ему. Большое внимание в таких

⁵ О «личностных» терминосистемах, их формальном и семантико-понятийном своеобразии см.: [Головин, 1981, 8–9], об «идиолектах» ученых см.: [Ахманова, 1961, 115].

работах обращается на выявление границ между «добавлением» и другими видами безглагольной фразы.

Важным этапом в развитии теории «добавления после точки» стала коллективная монография «Фигуры добавления: фраза, текст, стиль» (Париж, 2002) (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), объединившая разноаспектные исследования широко трактуемого феномена добавления: от выделенного точкой «добавления» до расширения структуры предложения за счет однородных «добавлений», связанных сочинительной связью. Главные редакторы и рецензент монографии пишут: «Добавление, будучи второстепенным по отношению к базе движением, является местом *рефлексивного раздвоения* фигуры говорящего» [Authier-Revuz, Lala, 2002, 10], который «берет дистанцию, оценивает, уточняет, поправляет свою речь в соответствии с динамикой испытываемых чувств, более или менее контролируемых или контролирующих» [Bordas, 2005, 161].

В первой части этой монографии, носящей название «Приступая к анализу добавления: подходы и ограничения», мы бы отметили статью П. М. де Биези, А. Х. Пьерро и Ж. Неф «Добавление и генезис», в которой выделяются два типа добавлений: «графические» и «генетические».

Во второй части («Пересечение точек зрения: прагматической, дискурсивной, процессуальной») значимыми являются три статьи. Ф. Сиркюрель, основываясь на трудах Ж. Женетта, определяет функцию добавления не только как «крепления» предложения, но и как «место нюанса», поправки, «места свободы прочтения» [Cicurel, 2002, 63]. Текстуальность, которую оно открывает, заключается, как считает автор, в «способности играть с перспективой» [Ibid.]. Е. Орланди работает с пунктуацией, рассматривает «добавление» как «след стратификации», как «дискурсивный уплотнитель» (вслед за Фуко и Пеше), «разбивающийся о текстовую линейность как напоминание о рубце на лоне текстуализации дискурса» [Orlandi, 2002, 65]. Б. Н. Грюниг изучает «добавления» до и после базы и указывает на то, что процесс создания «добавления» и его интерпретация – два разных процесса, приводящих к разным результатам [Grunig, 2002, 79–93].

Третья часть монографии носит название «Добавление во фразе: вопросы грамматики». Добавление здесь рассматривается как «форма разрешения напряжения между линейностью и дискурсивной памятью» [Badiou-Monferran, 2002, 95]. Автор исследует синтаксическую однородность и неоднородность сочиненных добавлений. Сочинение для нее – «диалектическая форма добавления, которая вызывает другое, чтобы его лучшим образом разместить в соответствии с общим топиком, в том же плане» [Ibid., 106]. Одна из основополагающих публикаций, без цитирования которой не обходится практически ни одно исследование «добавлений после точки», – работа М. Ноайи «Добавление после точки всего лишь графический прием?». В этой работе автор представляет синтаксическую классификацию графически изолированных «добавлений», впервые формулирует критерий идентификации этой конструкции, исследует ее как стилистический ресурс и приходит к выводу, что эти структуры часто сигнализируют об изменении точки зрения и напоминают поток сознания и внутренний монолог [Noailly, 2002].

Ключевыми работами, предопределившими дальнейшие научные изыскания в этой области, стали также многочисленные статьи Б. Босредона, А. Готье, Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, И. Тамба-Мекс и других лингвистов.

На современном этапе развития французской лингвистики можно выделить несколько взаимодополняющих, развивающихся подходов к исследованию феномена добавления, рассматривающих его как объекты синтаксиса, лингвистики текста, стилистики, идиостилистических исследований, лингвопоэтики, психолингвистики, прагматики, лингвосемиотики, лингвокогнитологии, исследований дискурса.

Синтаксические особенности «добавления после точки» достаточно хорошо исследованы и представлены в работах Е. Авю, А. Готье, Б. Комбетта, Ф. Лефевра, М. Ноайи и других лингвистов.

Б. Комбетт полагает, что морфосинтаксический анализ «добавления после точки» должен базироваться на характеристиках его форм и функций. Что касается основной части конструкции, то она «не вызывает особого интереса с синтаксической точки зрения»

[Combettes, 2007a, 114], так как это может быть предложение любого типа: повествовательное, восклицательное, вопросительное; определенно-личное и неопределенно-личное; с глаголом в пассивном залоге, с выделительной конструкцией и так далее. «Любая единица, расположенная после глагола, может использоваться в качестве добавления, даже вместе с другими компонентами, расположенными справа, в том числе абсолютные конструкции», — пишет Б. Комбетт; с точки зрения синтаксиса в «добавлении» может быть представлена «вся гамма отношений зависимости» [Ibid., 121]. При этом исследователь отмечает, что предложные, беспредложные обстоятельства и обстоятельственные придаточные «в конечном счете эксплицируют автономность, которая подтверждается как в синтаксическом, так и в семантическом и прагматическом планах», поэтому они проявляют высокую способность к отчленению [Combettes, 2007b, 124].

А. Готье в описании типов «добавочных конструкций» опирается на морфосинтаксический принцип. В конструкциях может быть представлено «большинство синтагматических типов: номинативные синтагмы, адъективные, предложные, адverbиальные. Также часто встречаются придаточные различных видов» [Gautier, 2010a, 7–8].

Как указывает В. Дале, разрыв точкой возможен в позиции не только межядерных (*sites internucléaires*) синтагматических классов, но и в позиции классов внутрядерных (*sites intranucléaires*). Под внутрядерными понимаются минимальные единицы в синтаксико-семантическом плане, то есть те, которые обычно рассматриваются как нерасчлняемые (см.: [Dahlet, 2003, 133]).

«Добавление после точки» анализируется и с позиции синтаксической предикативности. Б. Делорм и Ф. Лефевр сосредотачивают свое внимание на неравномерных способностях выражения предикативности адъективными сегментами после точки. Выделяются сегменты с вторичной предикативностью (в этом случае их можно считать «добавлением после точки») и с автономной предикативностью (самостоятельные предложения) [Delorme, Lefevre, 2004].

Иной подход предлагают Б. Босредон и И. Тамба-Мекс. Положив в основу своей классификации синтаксический принцип, лингвисты выделяют две группы графически изолированных сегментов.

1. Управляемые моносегментные структуры – эндоцентрические конструкции, включающие маркер внутрифразового (предлог) или межфразового (союз) управления. С синтактико-семантической точки зрения данные структуры легко интегрируются в предыдущее предложение.

2. Моносегментные структуры, построенные по принципу обособленных запятой или двоеточием конструкций. Эти структуры включают «синтаксически периферийные компоненты» – «аппозитивные обособления» [Neveu, 2000; Noailly, 2000], характеризующиеся относительной свободой расположения, вторичной предикативностью, синтаксической и референциальной зависимостью от существительного в основной части (см.: [Bosredon, Tamba-Mecz, 2003, 29]).

Б. Босредон и И. Тамба-Мекс считают, что рассматриваемые сегменты «представляют собой некоторые “аномалии” по отношению к каноническим моделям фраз, которые предлагают грамматические или лингвистические теории» [Bosredon, Tamba-Mecz, 2003, 28]. Для М. Ноайи «аномалия» заключается в том, что вместо запятой стоит «синтаксически неоправданная» точка [Noailly, 2002, 133]. Однако А. Кюйюмкюйан призывает воздержаться от отнесения данных сегментов к «аномалиям», даже если они противоречат нормативным представлениям о пунктуации, так как «благодаря этим намеренным отклонениям узус, анархический либо незаконный, если можно так выразиться, но совершенно точно интенциональный, придает точке значительное разнообразие эффектов, которое контрастирует с бедностью школьных прескрипций» [Kuyumcuyan, 2009, 319].

В ряде случаев «добавление после точки» рассматривается как одно из явлений, свидетельствующих о деконденсации, то есть ослаблении связей в предложении [Tuchais, 1996; Combettes, 2011b], об изменениях в структуре высказывания, ее реорганизации, свойственной многим современным языкам [Combettes, 2011b, 24–29].

При всей высокой ценности синтаксических исследований, сконцентрированных на структуре и семантике парцелированных конструкций, очевидно, что вскрыть их сущность и характер функционирования невозможно, оставаясь только на уровне микро-синтаксиса, без обращения к более сложной единице, чем предложение, – к тексту.

Точка, отделяющая «добавление» от основной части, является откликом на различные функциональные потребности, инвентарь которых находится в центре внимания целого ряда лингвистов [Anis, 2004; Catach, 1980, 1987, 1994, 1998; Dahlet, 2003; Delofeu, 2011; Favriaud, 2010; Jaffré, 2014; Lukeman, 2006; Marnette, 2008; Meschonnic, 2000; Pétillon, 2004; Seguin, 2003; Védénina, 1980].

А. Кьюмкьюян пишет о том, что точка – маркер текстового уровня, и этот маркер позволяет лучше понять механизмы построения текста, поэтому изучать «экстрафразистический перенос» (*rejet extraphrastique*) необходимо с позиций грамматики текста. Опираясь на корпус «добавлений после точки», представляющих собой дополнения различного типа (дополнения к глаголу, существительному, прилагательному и фразовые дополнения), «гетерогенные с морфосинтаксической точки зрения», он исследует «текстуальный аспект феномена» (*aspect textuel du phénomène*), а именно «дискурсивное, интерактивное отношение»⁶ (*relation discursive, interactive*), подвергаемое разрыву, и выявляет три типа этого отношения: координация, повторная формулировка / иллюстрация, уступка / утверждение. Исследователь отмечает массивное использование «добавления после точки» в текстах прессы, объясняя этот факт способностью «текстового построения точки зрения», проявлением субъективности, «последствия от которой в выполнении межличностной функции отражаются в терминах эмпатии» [Kuyumcuyan, 2009, 31–32].

Обращаясь к анализу «добавлений после точки», имеющих «аргументативную антиориентацию», то есть выражающих опровер-

⁶ А. Кьюмкьюян определяет это «дискурсивное интерактивное отношение» как «аргументативное в широком смысле, охватывающее в том числе и контр-аргументативные движения» [Kuyumcuyan, 2009, 320].

жение основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан выявляют большой потенциал данной конструкции в выполнении обозначенной функции в тексте [Combettes, Kuyumcuayan, 2010b].

Несмотря на то, что французские лингвисты отмечают стилистическую маркированность «добавления» и определяют его как стилистическое средство, восходящее к фигуре гипербатона [Noailly, 2002; Gautier, 2006; Combettes, Kuyumcuayan, 2010b; Combettes, 2013; и др.], исследований, направленных на выявление стилистического потенциала, практически нет. Одной из немногих работ, обращенных к стилистическому аспекту «добавления», является работа М. Ноайи, в которой лингвист пишет, что точка, отсоединяющая «добавление», играет «двусмысленную роль»: с одной стороны, изолирует элемент, с другой – присоединяет его в основной части, что создает прежде всего эффект обманутого ожидания, «игры в кажущуюся завершенность» (*jeu de fausse clôture*). Автор отмечает, что гипербатон создается изменением порядка слов и запятой на письме, однако возможности «добавления» шире, поскольку отчленяться могут и такие элементы, которые невозможно было бы отделить только при помощи запятой. Построение речи при помощи «добавления» призвано показать паузы в размышлениях персонажей, естественный прерывистый ход движений мыслей, показать «полусознательную стадию» внутренней жизни. Эта «сюрпунктуация», пишет М. Ноайи, «родилась, без сомнения, вместе с необходимостью передать движение сознания. Но остроумно, что для того, чтобы передать этот поток сознания, используется знак, предназначенный для разрыва, – знак точки» [Noailly, 2002, 144].

Что касается стилистических ограничений использования данного приема, лингвистами подчеркивается, что сферами его применения являются художественная литература и пресса. Писатели и поэты в неравной степени прибегают к «добавлению после точки». Е. Авю замечает, что наибольшее количество «добавлений» зафиксировано ею в произведениях А. Гавальда, М. Дюрас, значительно меньше – у Ж. Ешеноза, и они практически отсутствуют у А. Нотомб (см.: [Navu, 2013, 79]). Б. Комбетт, Б. Босредон, И. Тамба-Мекс и многие другие исследователи обращаются к про-

изведениям Ж. Сименона, богатым на «добавления». Исследователями признается, что «добавление после точки» – специфический элемент идиостиля писателя.

Анализ восприятия отчлененных компонентов представлен в работе Б. Босредона и И. Тамба-Мекс: «Вначале глаз читателя фиксирует графическое расчленение, маркированное точками и заглавной буквой, что приводит к изоляции сегмента, размещенного между двумя точками. Но, обращаясь к этому сегменту, читатель обнаруживает синтаксическую связь, которая бесспорно маркирует возможность интеграции сегмента в предложение, которое ему предшествует. Тогда читатель начинает осознавать, что есть некое несоответствие между графическими и синтаксическими границами предложения, которые обычно совпадают. Он без труда признает в этом расхождение двух систем организации фразистической единицы. И так как пунктуация является неавтономной системой сегментации, иерархически подчиненной лексико-синтаксической конфигурации, именно синтаксическое управление будет в первую очередь направлять интерпретацию этих графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz, 2003, 33].

Значимыми для нашей работы являются результаты диссертационного исследования А. Готье. Подходя к изучению «добавления после точки» с семиотической точки зрения, А. Готье замечает, что в данном случае фиксируется конфликт⁷, в который входит пунктуация с синтаксисом и смыслом: графически самостоятельное «добавление» обнаруживает зависимость на других уровнях (синтаксическом, семантическом, прагматическом). Финальная точка рассматривается А. Готье как семиотический маркер завершенности, «как след действия, выполненного пишущим, решившим, по разным причинам, поставить для себя и читателя веху в графической континуальности» [Gautier, 2006, 269], в результате чего континуальность нарушается, уступая место дисконтинуальности. Исследователь считает, что данный феномен «угрожает» целостности графической фразы (см.: [Ibid., 229, 293]).

⁷ Как «конфликт» между графикой, синтаксисом и семантикой «добавление» рассценивается и другими исследователями (см.: [Ноайи, 2002; Кьюмкьюан, 2009]).

А. Готье отмечает: «С функциональной точки зрения фразовая граница ассоциативно маркирована чаще всего финальной точкой и заглавной буквой. Для пишущего эта фразовая граница является знаком завершения коммуникативной микропрограммы; для читателя она представляет собой сигнал, что он может (и даже должен) произвести некоторые операции по переработке информации для построения глобального смысла текста. Ясно, что это значение тесным образом связано с означаемым самой точки и подвержено варьированию» [Gautier, 2010b, 3]. На изменения в системе пунктуации французского языка, переживающей серьезные изменения с XVIII века, указывают Н. Каташ [Catach, 1992], Ж. П. Сегин [Seguin, 1993], Б. Комбетт [Combette, 2013] и многие другие лингвисты. «Письменная фраза больше не воспринимается как средство передачи устной фразы, но как вектор самостоятельной информации, которая обращается к мысли напрямую», для чего ей необходима адаптированная для этой задачи пунктуация. Актуальной для нас также является мысль о том, что точка в данной конструкции «должна разделять сообщения для глаза (и мысли) для того, чтобы облегчить когнитивную обработку письменного сообщения» [Gautier, 2010b, 3–4].

М. Фейоль в своей работе «От идей к тексту, когнитивная психология словесного произведения, устного и письменного» пишет, что сигнал конца фразы влечет уплотнение (*compactage*) сообщения, которое хранится в оперативной памяти в форме, близкой к резюме темы и ремы, более упрощенной, нежели сохранение в виде «слово в слово»: «Все происходит так, как если бы за фразой субъекты представляли значимые единицы, соответствующие неким “блокам”, более или менее разграниченным поверхностными маркерами» [Fayol, 1997, 131]. Точка является тем самым поверхностным маркером, который позволяет выделить значимый блок.

Выводы М. Фейоля созвучны выводам американских психологов и лингвокогнитологов, которые экспериментально установили, что чтение слова, стоящего перед графической границей, то есть точкой, сопровождается довольно длительной остановкой взгляда. Резюмировать интерпретацию этого результата можно следующим образом: остановка взгляда соответствует ментальной операции

упаковки (wrap-up effect), которая состоит в сокращении потенциальной двусмысленности предложения, в осмыслении еще не разрешенных синтаксических зависимостей, в интерпретации интерфразовых отношений и, наконец, в интеграции фразы в дискурсивные представления; только после этого субъект приступает к чтению следующего предложения [Just, Carpenter, 1980; Hirotoni, Frazier, Rayner, 2006; Reichle, Warren, McConnell, 2009].

В работах исследователей из Великобритании и США изучаемый нами феномен рассматривается в рамках понятия «фрагменты предложения» и определяется достаточно широко:

– «слова, выражения и клаузы, которые не могут быть классифицированы как синтаксически полные предложения, но тем не менее отделены графически как предложения» [Emmott, Sanford, Morrow, 2006, 2];

– «выражение или клауза, которые отделены финальными знаками препинания и начинаются с заглавной буквы как предложение, но не составляют грамматически полного предложения» [Dictionary of the English Language, 2011] и так далее.

В ряде случаев в рамках понятия «фрагментированное предложение» объединяются такие явления, как:

– части предложения, вынесенные за точку, что сближает данное понятие с термином «парцелляция», устоявшимся в российской лингвистике;

– неполное (эллиптическое) предложение⁸;

– редко – любой обособленный (в том числе запятой) компонент.

В последнем случае выделяются следующие типы фрагментов: Prepositional phrase, Appositional phrase, Participial phrase, Gerund phrase, Infinitive phrase, Adverb clause, Adjective clause [Reynolds, 1977].

⁸ Ср.: «Мы встречаем фрагментированные предложения тогда, когда в них отсутствует либо подлежащее (чаще существительное), либо предикат» // Walden University Grammar: Run-On Sentences and Sentence Fragments : [сайт]. URL: <http://academicguides.waldenu.edu/writingcenter/grammar/runonsentences> (дата обращения: 15.06.2021); фрагментированное предложение – это «группа слов, которые вынесены за пределы предложения, но в них не хватает подлежащего или предиката» // Merriam-Webster's Learner's Dictionary : [сайт]. URL: <http://www.learnersdictionary.com/definition/sentence%20fragment> (дата обращения: 15.06.2021).

Чаще всего понятие «фрагментированное предложение» используется в первом или втором значении, однако нередко исследователи их объединяют и рассматривают данное явление в рамках еще более крупной проблемы – фрагментации текста.

Интерес к этому феномену начал проявляться в 60-е годы XX века. В центре внимания исследователей оказались структура «фрагментов» и их стилистические особенности [Roberts, 1962; Frett, 1968; Lodge, Frett, 1968; Crystal, Davy, 1969; Boliger, 1972; Leech, Short, 2007]. Ученые отмечают, что «фрагменты» широко и эффективно используются в различных газетно-публицистических жанрах, рекламе, литературе (см., например: [Fludernik, 1993, 235]). Данное явление упоминается в учебниках по английской грамматике (см.: [Comprehensive Grammar, 1985, 1446; Huddleston, Pullum, 2002, 944–945, 1735]), в учебниках, словарях и рекомендациях по практической стилистике (см.: [Allen, 2002, 57; King, 2004, 13–14]) и т. д.

В учебно-методической и дидактической литературе использование фрагментированного предложения часто получает отрицательную оценку, расценивается как пунктуационная ошибка, предлагаются пути решения этой проблемы у обучаемых [Comprehensive Grammar, 1985; Greenbaum, 1996]. Е. Шустер в статье «Свежий взгляд на фрагментированные сегменты», посвященной анализу использования фрагментов в ежегодной антологии «Лучшие американские эссе» (*The Best American Essays*), оправдывает их применение риторическими задачами, но призывает «остерегаться» фрагментов в практике преподавания [Shuster, 2006]. В ряде источников подчеркивается, что фрагменты не могут использоваться самостоятельно в нормативном английском языке⁹, что они нарушают норму современного английского языка, и с ними нужно бороться. Например, в учебнике по пунктуации приводятся такие примеры с фрагментами и способы их исправления:

Sentence with fragment: I always admired Gandhi. *The great Indian leader.* Correction: I always admired Gandhi, *the great Indian leader.*
Alternative: I always admired Gandhi. *He was a great Indian leader.*

⁹ См., например: Dictionary.com : [сайт]. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/sentence-fragment> (дата обращения: 15.06.2021).

Example: He was lost in his own world. *Dreaming of daring deeds in distant lands*. Correction: He was lost in his own world, *dreaming of daring deeds in distant lands*.

Example: We'll get lunch. *After we do our shopping*. Correction: We'll get lunch *after we do our shopping* [Halverson, 2001, 15–16].

В работе Дж. Лича и М. Шорта приводятся количественные данные встречаемости таких и подобных им стилистических приемов в определенных текстах или корпусах текстов. Эти исследования, в которых был осуществлен текстово-ориентированный подход, привели лингвистов к выводу о том, что нарушение автором пунктуационных норм может производить определенный эффект на читателей [Leech, Short, 2007].

Американские лингвисты Д. Блексли и Дж. Хугивин понимают под фрагментом «одинокый оборот» (an orphaned phrase), «фрагментированное выражение» (phrase fragment), например:

– фрагменты-приложения (To add a reddish cast to gold, medieval artists used dragon's blood. *A darkish red paint made from palm tree resin*);

– фрагменты-списки (For my birthday I want four kinds of cake. *Specifically, lemon, Germain chocolate, coconut with custard fillig, and Boston cream pie*) (см.: [Blakesley, Hoogeveen, 2011, 452–453]).

Подразделяя фрагменты на 1) «зависимые части сложного предложения» (dependent clauses) и 2) «преднамеренно выделенный фрагмент» (deliberate fragment), Д. Блексли и Дж. Хугивин проводят четкую границу между отчленением частей сложного предложения и части простого предложения. В обоих случаях рекомендуется избегать использования фрагментов, но во втором случае это ограничение касается только официально-деловых текстов и школьных сочинений; в хорошей художественной литературе фрагменты – хоть и редкий, но эффективный прием: «Важно понимать, что известные писатели используют фрагментированные предложения редко, но эффективно в различных контекстах» [Blakesley, Hoogeveen, 2011, 454].

Несмотря на неоднозначную оценку рассматриваемого феномена, исследователи сходятся на том, что «фрагментация» является особым стилистическим (риторическим) приемом, способным

усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений пунктуационно выделяемых фрагментов, и имеет очевидные преимущества по сравнению с нейтральными, каноническими структурами.

Авторы одной из наиболее любопытных работ, посвященных изучению эффектов, производимых на читателя фрагментированным предложением, опираются на методы традиционной стилистики и техники экспериментальной и когнитивной психологии [Emmott, Sanford, Morrow, 2006]. Эта интердисциплинарная методология была разработана в лаборатории Э. Сэнфорда (Университет Глазго, Великобритания), занимающейся экспериментами, связанными с изучением внимания реципиента, лингвистическими и нелингвистическими способами его привлечения или снижения (*attention-capturing or attention-lowering*) [Sanford, 2002; Sanford, Sturt, 2002, 2006; Emmott, 2003, 2006; Emmott, Sanford, Morrow, 2006; Bohan, Sanford, 2008].

На первом этапе исследования проводится стилистический анализ конструкций. Авторы указанных выше работ рассматривают фрагментацию как стилистическое средство и вводят понятие «кумулятивная фрагментация», под которой понимают совокупное использование фрагментации и других средств, потенциально выступающих как средства, захватывающие внимание читателя (*attention grabbers*). В более поздней работе продолжается изучение стилистических свойств фрагментированных предложений и отмечается также, что «использование фрагментов осуществляется в ключевых моментах литературных текстов» [Emmott, Sanford, 2012, 28].

Исследователи выделяют шесть типов фрагментации:

1) фрагментированные предложения с повтором и парафразом, которые особым образом подчеркивают информацию, содержащуюся во фрагменте;

2) фрагменты, выделяющие значимые детали, которые могли упоминаться в предыдущем контексте, но здесь приобретают особую важность, или значимые уточнения, которые передают мыслительный процесс героев;

3) фрагментированные предложения – «расколотые структуры», в которых «слова, которые, казалось бы, принадлежат концу предыдущего предложения, но встречаются как фрагменты, как если бы предыдущее предложение было расколото надвое», что производит особый драматический эффект [Emmott, Sanford, Morrow, 2006, 244];

4) фрагменты, представляющие собой оценки и выводы;

5) фрагменты, усиливающие отрицание или корректирующие их;

6) фрагменты, управляющие топиком, то есть выводящие в фокус внимания информацию, значимую для последующего развития эпизода.

На втором этапе Эммот, Сэнфорд и Морроу проводят психологический эксперимент, исследуя, как и насколько хорошо запоминаются читателями изучаемые фрагменты. Участникам эксперимента было предложено просмотреть на экранах компьютера файлы с тремя вариантами отрывков из текстов, содержащих: 1) стилистически нейтральное предложение, 2) фрагментированное предложение и 3) фрагментированное предложение, вынесенное в абзац (более подробно см.: [Emmott, Sanford, Morrow, 2006, 248–249]. Наибольшему запоминанию и осмыслению со стороны читателей подверглись второй и третий варианты, причем максимальное внимание привлек второй вариант, что не оправдало ожиданий исследователей, которые прогнозировали преобладание третьего варианта. Авторы указанной выше работы сделали вывод, что использование фрагментированных предложений действительно обеспечивает максимальное привлечение внимания читателей к их содержанию и в целом приводит к лучшей их запоминаемости. В понятие *фрагментированное предложение (sentence fragment)* Эммот, Сэнфорд и Морроу включают различные структуры, характеризующиеся неполнотой и краткостью: парцеллированные конструкции (см. ниже пример 1), эллиптические предложения (пример 2), короткие предложения, вынесенные в отдельный абзац (*mini-paragraphs*) (пример 3) и в ряде случаев представляющие собой абзацную парцелляцию (пример 4).

1. Money was just a score, that was all, the mark of your ingenuity.
And luck.

2. Everything was automatic now – down the stairs to the cellar, the light switch, the deep freeze, the hand inside the cabinet taking hold of the first object it met. She lifted it out and looked at it. It was wrapped in paper, so she took off the paper and looked at it again. **A leg of lamb.**

All right then, they would have lamb for supper.

3. His last labored actions governed by a tropism. An orientation urging him toward death, decay and nonbeing. A dismal alchemy controlled him; culminating in the grave. **He ascended another step.**

I'm going to make it, he realized.

4. There was clothing folded on a chair, a bag beneath it. As the doctor pulled out the bag, Rebus saw something. **A flat white cardboard box.**

A white cardboard pizza box [Emmott, Sanford, Morrow, 2006, 246]).

Результаты, полученные исследователями, подтверждаются и в работе Р. Мюллера [Müller, 2013] и обладают, безусловно, большой ценностью и для нашего исследования, являясь экспериментальным доказательством эффективности применения изучаемого феномена.

Исследования, посвященные функционированию фрагментированных предложений, выполнены на материале текстов художественной литературы. Самостоятельный анализ фрагментирования в газетных текстах, хотя он и отмечается как важный и необходимый, как и в политических и рекламных текстах [Emmott, Sanford, Morrow, 2006, 249], британскими и американскими исследователями не предпринимался.

За пределами исследовательского интереса британских и американских лингвистов остались грамматические, семантические, прагматические и дискурсивные особенности отчлняемых фрагментов. Дефиниции, используемые лингвистами, приводят к объединению под термином «фрагментация» разнородных синтаксических явлений.

Следует признать, что, несмотря на очевидную актуальность и наличие целого ряда интересных работ, стилистические функции

фрагментации изучены к данному времени тоже недостаточно, и только на материале текстов художественной литературы. Значительной ценностью обладают результаты исследования лингвистических средств, управляющих вниманием читателя, которые были получены в лаборатории когнитивной психологии Э. Сэнфорда.

1.1.2. Этапы и направления исследования парцелляции в отечественной лингвистике

Показательная особенность российской лингвистики – активный интерес к парцелляции в разных языках. Российскими исследователями было установлено, что парцелляция является межъязыковой универсалией и присуща языкам различных типов.

1.1.2.1. Исторический обзор исследований парцелляции

В научный обиход термин «парцелляция» вошел не сразу. В лингвистической литературе с 60-х годов XX века для обозначения изучаемого феномена данный термин использовался наряду с термином «присоединение», реже парцелляция ассоциировалась с *сепаратизацией* [Андриевская, 1969, 1973; Рыжикова, 1978], *подключением* [Колесников, 1971] и (так же, как и во французской лингвистике) с *добавлением*¹⁰ [Лаптева, 1976]. На современном этапе наиболее спорным остается содержание понятий «парцелляция» и «присоединение», границы между которыми так и остаются размытыми; остальные терминологические наименования не закрепились.

Развитие теории парцелляции в отечественной лингвистике шло иным путем, нежели на Западе. Это развитие можно охарактеризовать как непрерывное, поступательное и концентрическое: следуя за общими тенденциями в лингвистике, оно не отходило от структурного и синтактико-семантического аспектов изучения этого феномена.

¹⁰ Терминологическая ирония заключается в том, что в российском научном обиходе утвердился термин, восходящий к слову французского происхождения *parceller* («делить, дробить на части»). Французская лингвистика предпочла термин «добавление», что свидетельствует об ином осмыслении феномена.

Перейдем к историческому обзору. Впервые термин «парцелляция» в современном значении был предложен А. Ф. Ефремовым в работе, посвященной языку Н. Г. Чернышевского. Ученый определил парцелляцию как прием, который «как бы разламывает предложение на части, превращая их в эквиваленты самостоятельных предложений» [Ефремов, 1951, 78]. При этом структура предложения деформируется «своеобразной расстановкой знаков препинания, нарушающей общепринятые правила» [Там же, 76]. Необходимо при этом заметить, что явление парцелляции фиксировалось и ранее¹¹, но не получало в лингвистике описания и до указанной работы не имело терминологического обозначения.

Фундаментальными исследованиями в области парцелляции ознаменовались 1960-е годы. Важным этапом в формировании и развитии теории парцелляции стало появление диссертационного исследования Ю. В. Ванникова. В нем были сформулированы основные теоретические положения, на многие десятилетия предопределившие развитие этой теории, дано определение парцелляции, являющееся основой современных дефиниций, выявлены структурные типы, логико-семантические и экспрессивные особенности конструкции [Ванников, 1965].

В конце 1960-х – 1970-х годах в центре изучения исследователей парцелляции оказались структурные особенности парцеллированных конструкций [Рыбакова, 1969; Стрельцов, 1974; и др.]; их интонационные характеристики [Лисиченко, 1972; Сержан, 1973]. Развитие функционально-стилистического направления в лингвистике отразилось на появлении значительного числа работ, посвя-

¹¹ «Мы находим точку не только между грамматическими предложениями, но и, что важнее всего, между такими формами, которые, не будь между ними точки, непременно читались и сознавались бы как члены одного и того же грамматического предложения. И если мы не хотим попасть в порочный круг, объявить “предложением” то, что отделено точкой, то мы должны будем признать, что дело тут не в границах между предложениями, а в чем-то ином. Это иное есть ритм и интонация того, что отделено точкой. Точка, несомненно, определенным образом читается, и потому-то пишущий и может ставить ее везде, где хочет вызвать соответствующее чтение» (*Пешиковский А. М. Избранные труды. Одесса : Учпедгиз, 1959. С. 20–21*).

щенных изучению стилистического аспекта парцелляции [Гаврилова, 1961; Азовцева, 1970; Андриевская, 1969, 1973; Авласевич, 1973; Гаибова, 1973; Киселева, 1974; Константинов, 1974; Астапова, 1975; Турсунов, 1975].

В 1970-е годы повышенный интерес к семантике углубил сферу исследования языковых явлений. Проблемы, разрабатываемые в этот период, были связаны с изучением семантических особенностей парцеллированных конструкций, их функционирования в тексте [Дулалаев, 1971; Колесников, 1971; Зельцер, 1973; Сержан, 1973; Рыжикова, 1978]. Исследователи, работающие в рамках структурно-функционального подхода, анализировали парцелляцию с позиций актуального членения [Ванников, 1965; Ким, 1965; Шафиро, 1965; Кобзев, 1966; Рыбакова, 1969; Винтман, 1973; Гаибова, 1973; Сержан, 1973; Стрельцов, 1974; Турсунов, 1975; Соколова, 1977; Рыжикова, 1978; Сковородников, 1978б].

В конце 1970-х годов стал намечаться новый поворот в развитии общей лингвистической теории, что было связано с прагматикой. Однако работы, посвященные определению коммуникативно-прагматических функций парцелляции, появились в 1980–1990-е годы [Суровенкова, 1982; Кузнецов, 1986; Вильчицкая, 1991].

Достаточно подробно в 1980-е и 1990-е годы на материале различных языков были изучены коммуникативные [Филонова, 1982, 1989; Фролова, 1986; Скоробогатова, 1990] и стилистические особенности парцелляции [Сковородников, 1982; Александрова, 1984; Белкина, 1993; Дмитриева, 2000].

Двухтысячные годы можно охарактеризовать как бум в исследованиях парцелляции, выразившийся в сотнях публикаций, которые, с одной стороны, продолжили уже заложенные традиции, а с другой – изыскивали новые подходы для ее изучения. Причиной этого стало формирование и быстрое развитие на стыке XX и XXI веков антропоцентрической парадигмы. Интересы исследователей переключились с объектов познания на субъекта, то есть стали анализироваться «человек в языке и язык в человеке» [Маслова, 2001, 5]. В центре лингвистического анализа оказалась лич-

ность носителя языка, что отразилось и на подходах к изучению парцелляции [Цумарев, 2003; Зелепукин, 2007; Орехова, 2010; Сабурова, 2012; Гурьева, 2013*а, б*; Абрамова, 2014; Горбунова, Лияскина, 2015; Макарова, 2015; Колокольцева, 2015].

Парцелляция изучалась в советском и российском языкознании с различных точек зрения, что объясняется неоднозначностью и многогранностью ее характера, и прежде всего – с позиций семантико-синтаксических функций, выполняемых парцеллятами, то есть в терминах предложения и членов предложения [Ванников, 1969; Винтман, 1973; Сержан, 1973; Литвиненко, 1984; Ступкина, 2008; Добрычева, 2010; Каркошко, 2011; Гурьева, 2012; Еливанова, 2013; Щебаршина, Пазова, 2013; Акыжанова, 2014; Белоусов, 2014; Хабочкина, 2015]. Учеными отмечается, что парцеллированию более всего подвержены примыкающие, слабоуправляемые и сочиненные элементы: обстоятельства, однородные члены предложения, реже – дополнения и определения. Результатами таких исследований становятся классификации парцеллированных конструкций по типам парцеллятов – членов предложений или частей сложного предложения; классификации, ориентированные на степень их экспрессивности, средств связи парцеллята с основной частью и др. Следует отметить, что на каждом новом исследовательском материале, ограниченном определенным языком, стилем, жанром, литературным направлением, автором, а также в зависимости от того, насколько узко или широко понималась парцелляция, лингвисты получали разные результаты, что стимулировало и продолжает стимулировать дальнейший научный поиск в данном русле.

Становление коммуникативной парадигмы поддерживает интерес к парцеллированным конструкциям как явлениям актуального (коммуникативного) синтаксиса, несущим в парцеллированной части дополнительную рему высказывания [Суровенкова, 1982; Кузнецов, 1986; Сербина, 1988; Филонова, 1982, 1989; Скоробогатова, 1990; Вильчицкая, 1991; Быкасов, 2009; Вьяльк, 2015].

Парцелляция рассматривается также в рамках трансформационного синтаксиса [Гурьева, 2010], но наибольшее количество работ

выполнено с опорой на достижения теории экспрессивного синтаксиса [Сковородников, 1981; Цумарев, 2003; Шушлебина, 2012; Гурьева, 2013б; Болотская, 2014; Еременко, 2014; Александрова, Астафьева, 2015; Голубева, Губарь, 2015; Макарова, 2015; и др.]. К актуальным проблемам парцелляции относят и ее реализацию на текстовом уровне [Калинина, 1985; Орехова, 2010; Марышова, 2011; Добрычева, 2012; Онькова, Лоскутова, 2014; Дедковская, 2015].

В центре внимания лингвистов оказываются и функционально-стилистические особенности парцелляции. При данном подходе парцелляция квалифицируется как стилистический прием, изучается ее функционирование в газетно-публицистических текстах [Ступакова, 1975; Сковородников, 1981; Атаджанова, 1988; Сербина, 1988; Пинегина, 2005], в рекламе [Орехова, 2010; Кузорова, 2014; Симонина, Башлыкова, 2014], в художественной литературе [Рыжикова, 1978; Калинина, 1985; Мясищева, 1993; Рубенкова, 1999; Каркошко, 2011; Добрычева, 2012, 2013; Шушлебина, 2012; Еливанова, 2013; Моторкова, 2013; Астафьева, 2014; Никифорова, 2014; Ступичева, 2015] и в анекдотах [Александрова, Астафьева, 2015].

Следует отметить огромный интерес лингвистов к проблемам парцелляции с позиций идиостилистики. Парцелляция признается одним из ведущих приемов В. Токаревой [Зелепукин, 2007; Ступичева, 2014, 2015], С. Довлатова [Добрычева, 2012, 2013; Щебаршина, Пазова, 2013], Л. Улицкой [Ступичева, 2015], В. Д. Дудинцева [Астафьева, 2014], В. Аксенова [Сибгатова, 2010], К. Г. Абрамова [Водясова, 2014], французских писателей А. Сомон [Петренко, Слепакова, 2007] и А. Макина [Кудряшова, 2014], якутского писателя Н. Габышева [Ефремова, Степанова, 2014]. Исследуются функции парцелляции в лирике Б. Пастернака [Голубева, Губарь, 2015], в поэзии З. Гиппиус [Яцуга, 2006], в публицистических произведениях И. Андроникова [Сабурова, 2012], в поэтике Г. Бакланова [Абрамова, 2014], в поэтической речи XIX–XX веков [Рубенкова, 1999], парцелляция рассматривается как доминанта поэтического синтаксиса Лины Костенко [Галив, 2014], как средство выделения художественной детали [Ступичева, 2014].

Еще одно направление в изучении парцелляции – выявление ее интонационных особенностей [Лисиченко, 1972; Виноградов, 1984; Вильницкая, 1991; Скрипка, 2010; Белоусов, 2014].

Прагматический подход к проблемам парцелляции в отечественной науке сводится в большинстве случаев к описанию функций парцеллированных конструкций в текстах (как правило, художественных, реже – газетно-публицистических) [Суровенкова, 1982; Вильницкая, 1991; Борисова, 2003; Пинегина, 2005; Хаймурзина, 2008]. Исследуется также потенциал парцеллированной конструкции с позиций теории речевого воздействия [Богоявленская, 2014].

Как и в зарубежных исследованиях, парцелляция иногда воспринимается как ненормативное явление, нарушение нормы [Бурло, Степанова, 1990; Пинегина, 2005], критикуется ее использование в письменном тексте. М. А. Ханутин трактует парцеллированные конструкции как «фрагментарные» предложения, «неудовлетворительные» с точки зрения нормы, и расценивает их как пунктуационную ошибку (см.: [Ханутин, 1983, 15]). И. А. Магеррамов пишет следующее: «не до конца понятно стремление журналиста, образованного и достаточно хорошо владеющего языком (как это видно из множества примеров), идти на сознательное нарушение грамматической нормы и разрушать устойчивый стереотип восприятия читателя» [Магеррамов, 2015, 313]. Использование парцелляции трактуется автором как «попытка мнимого достижения коммуникативных целей»¹², сопровождающаяся «устойчивым нарушением грамматических норм письменной разновидности современного русского языка» [Там же]. Р. П. Лисиченко, исследовавшая интонацию парцеллированного высказывания, также отрицательно реагировала на проникновение парцелляции в язык литературы и публицистики, усматривая в ней угрозу предложению (см.: [Лисиченко, 1972, 3]). Однако в более поздней работе автор корректирует свою позицию: «едва ли можно оправдать стремление, а и иногда и требование,

¹² Ср. также: «Парцелляции подвергаются практически любые отрезки предложения, и использование парцеллированных конструкций не кажется целесообразным и уместным» [Кормилицына, 2003, 60–61].

всегда оформлять высказывания только полными предложениями», так как «естественный процесс коммуникации вносит существенные коррективы в “нормативную грамматику”, ведь живая речь не всегда точно укладывается в канонизированные синтаксические рамки» [Лисиченко, 1973, 193]. Хотя и кажется на первый взгляд, что точка парцелляции – «незаконная», это не речевая ошибка. Парцелляция, как отмечает А. Ф. Прияткина, «это не обычное строение текста, а специальный стилистический прием, широко использующийся в художественной и публицистической речи в целях придания ей особой выразительности, экспрессии», и, соответственно, должна рассматриваться как нормативная для этих стилей [Прияткина, 2005, 93]. Мы считаем подобный подход обоснованным и принимаем вышеобозначенную позицию.

1.1.2.2. Дефиниции парцелляции.

Круг смежных явлений. Критерии идентификации

Анализ исследований, направленных на осмысление сущности парцелляции в соответствии со структурой определенного языка и с точки зрения того или иного подхода, делает очевидным тот факт, что полной ясности и согласованности позиций не достигнуто.

Сложности с определением парцелляции связаны с тем, что в «объектив» исследователей попадают 1–2 аспекта этого многогранного феномена (синтаксический и интонационный, синтаксический и коммуникативный, стилистический, риторический, синтаксический и прагматический и так далее). «За кадром» остаются другие, важные для его понимания, «границы».

В работах Ю. В. Ванникова было постулировано содержание понятия «парцелляция» как расчленение единой синтаксической структуры предложения, при которой она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах-фразах, отделенных друг от друга точкой на письме, паузой в устной речи [Ванников, 1965, 1968, 1969, 1979]. Уточняя определение Ю. В. Ванникова, Е. А. Иванчикова отмечает, что под парцелляцией следует понимать «прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчлене-

нии синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [Иванчикова, 1968, 279]. Е. И. Иванчикова видит в парцелляции «речевое дробление грамматической модели предложения в целях логической и стилистической выразительности» [Там же, 278].

По мнению В. Г. Гака, парцелляция является промежуточной формой между предложением и сверхфразовым единством, обладающей способностью «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативным заданием высказывания» [Гак, 1981, 204].

Исследуя функциональную перспективу парцеллированного высказывания, Н. К. Филонова называет эту конструкцию «единым тема-рематическим комплексом, опирающимся на единую конструкцию, которая реализует определенную модель предложения» [Филонова, 1989, 32].

Т. Г. Сербина учитывает в своей работе стилистическое и коммуникативное назначение парцелляции и определяет ее как «экспрессивный прием синтаксиса, сущность которого заключается в преднамеренном максимальном интонационном и позиционном отчленении элементов единой синтаксической структуры с целью актуализации какой-либо части высказывания» [Сербина, 1988, 4].

Развивая идеи предшественников в своей докторской диссертации, Е. В. Литвиненко приходит к выводу, что парцелляция является высшей ступенью обособления, которое следует понимать широко (см.: [Литвиненко, 1984, 94–95]).

Заслуживает внимания также трактовка парцелляции Е. А. Скоробогатовой, подчеркивающей важность рассмотрения этого явления на уровне текста. По мнению исследователя, парцелляция – это «текстовое по природе явление, находящее свое выражение в высказываниях, построенных по моделям предложений различных типов, расчлененных на несколько интонационно обособленных отрезков-фраз, которые имеют определенную коммуникативную самостоятельность» [Скоробогатова, 1990, 8].

Б. Ю. Норман метко называет парцелляцию «компактным», «напряженным единством», «пронизанным своими внутренними син-

таксическими силами» [Норман, 1978, 104]¹³. По мнению А. П. Сковородникова, под парцелляцией следует понимать стилистический прием, «представленность предложения в виде двух или нескольких фраз в экспрессивных целях» [Сковородников, 1981, 144]. Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина определяют парцелляцию как фигуру размещения, состоящую «в расчленении исходной целостной структуры (высказывания) на два интонационно обособленных отрезка», сопровождающемся «прерывистым ритмом (избыточной паузой) и интонацией пояснения, реализуемой в парцелляте; на письме этому соответствует знак точки» [Хазагеров, Ширина, 1994, 151, 251–252]. Функции парцелляции заключаются при данном подходе в символизации изменения эмоционального настроения и передаче неожиданной концентрации мысли на новом предмете, названном в парцелляте.

Парцелляция изучается и как средство графической репрезентации ритма. Г. Н. Гумовская в докторской диссертации рассматривает парцелляцию как экспрессивную модификацию синтаксической конструкции, механизмом реализации эстетической интенции автора в которой является «диссимилиативный синтаксический ритм с функциональным сбоем за счет недостаточности обязательных компонентов пропозиции». Функциональный сбой ритма отражает «авторскую позицию и имеет коммуникативно-прагматическую направленность» [Гумовская, 2000, 235].

Приведенный выше обзор исследовательских концепций позволяет выявить разнообразие подходов к изучению парцелляции. Прием, комплекс, синтаксема, единство, категория, средство, модификация, риторическая фигура и так далее – этот терминологический разнобой не случаен: в нем проявляются многомерность, многоаспектность и полифункциональность данного феномена, а также его противоречивый характер.

¹³ См. также его замечание: парцелляция – «это как бы игра, в основе которой – возможность сталкивать между собой в ходе речепроизводства не только единицы разных языковых уровней, но и свойства этих единиц: формальная завершенность предложения – это одно, а структурная завершенность – другое...» (Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994. С. 189).

На данном этапе исследования необходимо также дать ответ на один из наиболее сложных вопросов, который так или иначе решается в каждом исследовании, – вопрос отграничения парцелляции от смежных явлений [Суровенкова, 1982; Виноградов, 1984; Ступкина, 2007; Ваулина, 2008; Севрюгина, 2012; Власенко, 2015; и др.]. Решение проблемы смежности имеет принципиальное значение, поскольку определение границ эмпирического материала, как известно, оказывает влияние на результаты анализа.

Проблема смежности парцелляции с другими синтаксическими явлениями активно обсуждается в работах как отечественных, так и французских лингвистов. В круг смежных явлений попадают присоединение, эллипсис и вопросно-ответные единства, номинативные предложения, обособление. Наиболее дискуссионным является вопрос разграничения парцелляции и присоединения. Не углубляясь в полемику, представленную на страницах статей, специально посвященных этой теме [Сковородников, 1978а; Ступкина, 2007; Ваулина, 2008; Каркошко, 2011; Севрюгина, 2012] и диссертационных исследований [Суровенкова, 1982; Молош, 1994; Ступкина, 2008; Добрычева, 2012; и др.], выделим основные подходы к решению вопроса о соотношении парцелляции и присоединения.

1. Одно из явлений трактуется более широко, нежели другое: присоединение рассматривается как частный случай парцелляции или же парцелляция рассматривается как разновидность присоединения [Ступакова, 1975; Рыжикова, 1978; Горбунова, Лияскина, 2015].

2. Терминологическое разногласие представляется непринципиальным, поскольку за этими терминами стоит одно явление [Боев-век, 1971; Винтман, 1973; Référovskaja, Vassiliéva, 1973; Гак, 1981; Цыганова, 2001, 2004; Валгина, 2003; Левицкий, 2005].

3. Парцелляция и присоединение – два разных явления.

При этом подходе парцелляция трактуется как прием экспрессивного синтаксиса, связывается с расчленением предложения на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки. Под присоединением понимается семантический оттенок средств связи, придающих высказыванию, за которым они следуют, значение добавочного сообщения. Парцелляция и присоединение при этом

относятся к разным уровням языка. Присоединение классифицируется как явление статического аспекта предложения, относящееся к одному из типов лексико-грамматических отношений, парцелляция – как явление коммуникативно-функционального плана предложения, его динамического аспекта [Ванников, 1965; Сковородников, 1978а, б; Ступкина, 2007, 2008]. Данный подход, с нашей точки зрения, является наиболее обоснованным.

Признание парцеллята неполным предложением [Кобзев, 1966; Блох, 1969; Стрельцов, 1974; Волкова, 1977; Добродомов, 1986] представляется недостаточно обоснованными. Парцеллят расчлененного простого предложения, в отличие от сложного, не является самостоятельной предикативной единицей, то есть он не обладает предикативностью – грамматическим значением, относящим информацию к действительности, эталоном которого служит глагол в финитной форме. Такая трактовка парцеллята возможна только при парцелляции сложного предложения, где членение проходит по линии связи двух предложений, являющихся его составными частями. Но и в этом случае парцеллят является коммуникативно недостаточным вне связи с основной частью и, как отмечает П. Р. Дудик, «воспринимается как совсем недостаточный в смысловом отношении» [Дудик, 1975, 203].

Перейдем к обсуждению критериев идентификации парцеллированных конструкций. В лингвистической литературе нет единого мнения по поводу того, какие структуры следует включать в их состав. Анализ используемого различными авторами эмпирического материала показывает, как уже говорилось ранее, что в понятие парцелляции вкладывается разное содержание. Как результат, исследователи приходят к разным выводам. Спорными являются чаще всего вопросы о включении в состав парцеллированных конструкций тех случаев, в которых воссоединение высказывания возможно при некоторой перестройке текста, а также изолированных номинативных и адъективных фрагментов, чей статус до сих пор остается дискуссионным.

Основополагающим критерием Е. А. Вильницкая предлагает считать непрерывность синтаксической связи. Если эта связь нару-

шается (как в случае с дистантно расположенным членом предложения, помещенным после точки), то такая конструкция причисляется к присоединительным, например: *Он забыл об этом случае. Надолго* [Вильчицкая, 1991]. Такое ограничение представляется искусственным, так как даже в непарцеллированных высказываниях возможно разноместное расположение данного элемента, что говорит о субъективном видении и отражении ситуации говорящим в речи: Он надолго забыл об этом случае / Он забыл надолго об этом случае / Надолго он забыл об этом случае.

Включение конструкций с повтором в состав парцеллированных поддерживается не всеми исследователями. Е. А. Иванчикова замечает, что это «лишает понятие парцелляции необходимой определенности», так как повторы «построены на ином синтаксическом принципе, чем парцеллированные конструкции» [Иванчикова, 1969, 132–133].

В этом вопросе мы исходим из следующих соображений. И дистантно расположенный парцеллят, и повтор в парцелляте по своей форме подчинены словам в основной части, что демонстрируется в приведенных ниже примерах.

Il ne faut pas oublier que plus encore qu'un roman, «L'île du lézard vert» est une confession. *La confession d'un fils de Cuba* (Le Figaro. 2004. 1 oct.).

Она образец современной модернизации службы здоровья. Службы, которая не для избранных. А для всех, кто в ней нуждается (Российская газета. 2013. 31 янв.).

Форма слова в парцелляте не произвольна. Лексема, находящаяся в парцелляте, зависит от основной части как синтаксически, так и семантически. Поэтому вслед за рядом лингвистов [Ванников, 1965; Сербина, 1988; Фусян, 1988; Gautier, 2006; Emott, Sanford, Morrow, 2006; Combette, Курумсуян, 2010a, b] мы включаем подобные конструкции в число парцеллированных.

С нашей точки зрения не следует включать в число парцеллированных конструкций диалогические единства и эллипсис, которые причисляются некоторыми исследователями к парцеллирован-

ным [Нестерова, 1974; Борисова, 2003]. Понимание участниками диалога предмета речи делает нормальным использование незаконченных и эллиптических (но не парцелированных) высказываний в диалогических единствах, которые являются результатом речевой компрессии. Общие черты с парцелляцией незаконченные и эллиптические высказывания имеют лишь внешне. Эллиптическое предложение в диалогическом единстве «имеет нулевые позиции, которые восстанавливаются из состава предыдущего предложения» [Александрова, Тер-Минасова, 1987, 157]. Французские исследователи чаще всего также исключают их из разряда «добавлений после точки».

И. И. Степанова полагает, что из анализа парцелированных конструкций следует исключить приложения, дополнения, уточнения и сравнения (см.: [Степанова, 1993, 30]). Нами они рассматриваются как отдельные виды парцелированных конструкций, поскольку, на наш взгляд, представляют неотъемлемую часть предложений, подвергшихся парцелляции, и неспособны функционировать в речи самостоятельно.

Вызывает возражение причисление к парцелляции следующих примеров:

Соломон схватил великого посла за рукав. Начал спорить. Пошли в каюту.

На четвертый день посольство пришло на адмиральский корабль. Разостлали белый анатолийский ковер, положили дары¹⁴.

В вышеприведенных примерах глаголы *пошли* и *разостлали* имеют другие референты, нежели в предыдущих высказываниях. Они восстанавливаются из контекста: в первом случае это Соломон и посол, а во втором, очевидно, послы и их окружение. Восстановление исходной структуры проблематично из-за отсутствия согласования.

М. Ноайи обращается к вопросу таксономической границы между «добавлением после точки» и «безглагольной фразой» и видит ее в синтаксической природе элемента, заключенного в точки.

¹⁴ Приведено по: [Ванников, 1979, 35].

Именно синтаксическая специфика «добавления» «определяет его роль и интерпретацию и позволяет понять, имеем ли мы дело с безглагольной фразой или с добавлением» [Noailly, 2002, 138]. Материальным критерием, позволяющим установить принадлежность конкретной фразы к «безглагольной», является невозможность ее «возвращения» в предыдущее предложение. Подобный критерий выдвигается и в работе Б. Босредона и И. Тамба-Мекс, выделяющих «моносегменты», эквивалентные «безглагольной фразе», которые «не могут чередоваться со связанными или обособленными конструкциями, способными интегрироваться во фразу, которая им предшествует, так как они не находят там ни прямого референциального antecedenta, ни синтаксической основы. Их сильная пунктуация, которая отчленяет сегмент, начинающийся с большой буквы, не может заменять слабую синтагматическую пунктуацию» [Bosredon, Tamba, 2003, 31]. Включиться в «левую часть» «добавление после точки» может либо в качестве «связанной конструкции, либо обособленной; либо возможны оба варианта, однако эти варианты неравные, поскольку точка – результат выбора пишущего» [Gautier, 2006, 271].

Б. Комбетт и А. Кьюмкьюян также стоят перед проблемой отграничения «именных аппозитивных синтагм в добавлении» (*syntagmes nominaux en ajout*), не имеющих специальных маркеров связи с предыдущим контекстом, от «безглагольных автономных предикативных единиц» (*unités averbales prédictives autonomes*), которые соответствуют эллиптическим и номинативным предложениям в традиционном понимании. Авторы объединяют их под понятием «безглагольная фраза» (*phrase averbale*) и отмечают, что четкой грани между ними не существует. Есть некий «предикативный континуум», «промежуточная зона», идентификация «дополнения» в которой сильно затруднена из-за внешней «автономности» этого вида. И только «контекстуальная информация» позволяет определить, функционирует ли данная единица как «дополнение» или как автономная единица [Combettes, Kuyumcuyan, 2010b, 3, 19]. Этот контекстуальный критерий необходимо учитывать при анализе парцеллированных конструкций.

Как пишут французские лингвисты, проблема идентификации «добавления после точки» и его отграничения от «безглагольной фразы», терминологические номинации и объем которой также нестабильны и зависят от авторского подхода, является весьма «деликатной» (*délicate*) [Noailly, 2002; Gautier, 2006; Combettes, 2007b]. Некоторые примеры переходят из статьи в статью, осмысливается их статус, ведутся дискуссии о рассмотрении этих примеров как «добавления» или приводятся аргументы об их включении в «безглагольную фразу». Но, как отмечает Ф. Лефевр, графически изолированные «добавления» и «безглагольные фразы» строятся по разным схемам, имеют разную грамматическую структуру и, разумеется, влекут различные интерпретативные эффекты (см.: [Lefeuve, 1999]).

А. Готье приводит анализ следующего примера, интересного в затронутом контексте: *C'était le seul restaurant luxueux du quartier. Paulette ma marraine avait amené ses pouliches. Une véritable volière. Saquetages, petits cris... une rigolade joyeuse (Boudard)* [Gautier, 2010b, 102]). Выделенный сегмент не поддерживает синтаксических отношений ни с предшествующим, ни с последующим высказыванием и представляет собой оценочное (ироническое) суждение о ситуации, оформленное номинативным предложением.

Вслед за В. Г. Гаком и Б. Комбеттом мы включаем в число парцеллированных конструкций отчленение абсолютных конструкций [Гак, 1981; Combettes, 2007b] на том основании, что они тесно связаны с основной частью и не могут функционировать в речи самостоятельно.

A Cannes, lors de la présentation du Val Abraham à la Quinzaine des réalisateurs, la salle reste debout pendant un quart d'heure à nous applaudir. *Des larmes aux yeux* (Libération. 2002. 11 sept.).

Наконец, мы хотели бы обратить внимание на возникшую в последнее время тенденцию широкого понимания парцелляции, при котором в это понятие включаются конструкции, вычленимый сегмент которых отделяется от основной части не только финальными знаками препинания, но и двоеточием или точкой с за-

пятой [Миронова, 2005; Иноземцева, 2011; Сладкевич, 2012; и др.]. На наш взгляд, такое расширение не оправдано, размывает понятие парцелляции, лишает ее специфики и обуславливает введение нами обязательного графического критерия: отчлененный сегмент может быть квалифицирован как парцеллят только при условии его оформления с заглавной буквы.

Итак, **критериями идентификации парцелляции** мы будем считать критерии графический, синтаксический и контекстуальный (семантический).

1. **Графический критерий.** В группу парцеллированных включаются сегменты, отделенные от основной части высказывания финальной синграфемой (точкой, восклицательным или вопросительным знаком, многоточием) и начинающиеся с заглавной буквы.

2. **Синтаксический критерий.** Отчлененный сегмент представляет собой фрагмент высказывания, построенного по формуле простого или сложного предложения; он может быть расположен как контактно, так и дистантно.

Верифицировать правильность идентификации парцеллированной конструкции мы предлагаем при помощи теста – экспериментального приема восстановления допарцеллятной структуры, заключающегося в реинтеграции отчлененного конституента в предыдущий контекст. Данный тест заключается в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной структуры – «канонизированного» предложения без дополнительных трансформаций.

Московская область дождется губернатора с имуществом.
Но без доходов от приватизации на 16 млрд рублей (Коммерсантъ. 2013. 1 марта) → Московская область дождется губернатора с имуществом, но без доходов от приватизации на 16 млрд рублей.

Если же восстановление предложения не влечет изменения форм составляющих его элементов, то анализируемая конструкция включается в корпус. Мы допускаем перемещение отделенного конституента на «свое» (условно) место в случае с дистантно расположенными парцеллятами.

Il y a longtemps, bien avant les Blancs, les gens étaient conscients des zones troubles. *Forcément* (Le Monde. 2014. 20 févr.) → Il y a longtemps, bien avant les Blancs, les gens étaient forcément conscients des zones troubles.

Я нарисовал невеселую картину. *Но реальную* (АиФ. 2014. 5 нояб.) → Я нарисовал невеселую, но реальную картину.

3. Контекстуальный (семантический) критерий. Применяется при реинтеграции отчлененного конституента: сегменты, реинтегрирующиеся структурно и семантически в контекст высказывания, органически вплетаются в общую ткань сообщения, не нарушают его связность и целостность.

Операция реинтеграции влечет за собой снижение или полную нейтрализацию маркированности, а также способна аннулировать некоторые семантические и прагматические эффекты и так далее, но не должна разрушать его грамматичность.

1.2. Проблемные области теории парцелляции и методологии ее исследования на современном этапе развития лингвистики

Отметим, что в современной теории парцелляции есть целый ряд дискуссионных положений, требующих уточнения.

Проблема статуса парцеллята и самих парцеллированных конструкций – одна из острых и часто обсуждаемых. Является ли парцеллированная конструкция высказыванием или предложением, разделенным на части? Отчленяемый сегмент – парцеллят – представляет собой самостоятельное предложение или его фрагмент, высказывание или его часть? Выступает ли данная конструкция единицей языка или речи?

Подходы исследователей значительно различаются. В ряде работ речь идет о парцелляции предложения [Винтман, 1973; Кузнецов, 1986; Рачковская, 2002; Пинегина, 2005; Дяговец, 2009; Гурьева, 2012; Еливанова, 2013; Акъжанова, 2014], в других – о парцелляции высказывания [Азовцева, 1970; Филонова, 1982, 1989; Кузьмина,

1989; Скоробогатова, 1990; Вяльях, 2015; Горбунова, Лияскина, 2015; и др.]. Парцеллят может рассматриваться либо как самостоятельное предложение [Кобзев, 1966; Волкова, 1977; Добродомов, 1986], либо как самостоятельное высказывание [Сковородников, 1978а; Марич, 1988; Прияткина, 2005; Алексеенко, 2006; Добрычева, 2012], либо как его часть [Каркошко, 2011]. Некоторые исследователи при определении парцелляции выходят на уровень текста [Пинегина, 2005; Сидорова, 2007]. А. З. Хаймурзина, в частности, понимает под парцелляцией расчленение «синтаксически связного текста на обособленные отрезки, отделяемые пунктуационно» [Хаймурзина, 2008, 7]. А. Ф. Прияткина считает, что парцелляция – это «способ организации текста по принципу присоединения» [Прияткина, 2005, 155].

На наш взгляд, трактовка парцеллята как отдельного предложения / высказывания не может быть признана состоятельной, поскольку, как минимум, парцеллят не всегда обладает предикативностью – ключевым конституирующим признаком предложения. В качестве примера приведем ряд конструкций.

Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro. 2013. 11 avr.)

Mais, au football, ce ne sont pas les gardiens qui marquent les buts. Ils les encaissent. *Un jour ou l'autre* (Libération. 2002. 1 juill.).

Ушел, проиграв решающий матч. *За жизнь* (АиФ. 2014. 7 окт.).

«Ангстрем» поделится рисом. *C AF-Group* (Коммерсантъ. 2013. 13 февр.).

Для решения обозначенного выше вопроса необходимо обратиться к понятиям «предложение» и «высказывание». Под высказыванием принято понимать актуализированное предложение, то есть предложение, употребленное в реальной ситуации (см.: [Кронгауз, 2001, 229] и имеющее «непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему (субъекту)» [Бахтин, 1979, 253]. Предложение, по М. Бахтину, – единица языка, не имеющая автора и содержащая потенциальные схемы возможного структурирования в речи соответствующих высказываний (см.: [Там же]). В принципе,

достаточно вспомнить слова Э. Бенвениста («Нет ничего в языке, чего не было бы раньше в речи» [Бенвенист, 1974, 140]) или Э. Косериу («Язык дан в речи» [Косериу, 1989, 158]), а также других ученых, чтобы понять, что обозначенной выше проблемы по сути и нет, ведь в речи формируется и оформляется язык. Графическое средство – финальная синграфема – не отделяет одно предложение или высказывание от другого, а выступает в качестве коммуникативно-прагматического приема, сигнализирующего о значимости выделенного отрезка – фрагмента ситуации, описываемой в высказывании.

Представляется дискуссионным положение о том, что парцеллят является членом структурно-семантической схемы, заданной базовой частью (см., например: [Борисова, 2003, 8]). При этом в качестве парцеллятов рассматриваются приложения, детерминанты, части сложных предложений некоторых типов, которые не являются обязательными элементами схем предложения и не могут быть со всей очевидностью «заданными», прогнозироваться предшествующей частью. Данный вопрос стоит остро, и он не раз поднимался французскими исследователями, которые подчеркивают, что эта зависимость может носить как семантико-синтаксический, так и в ряде случаев семантический характер. Речь идет об абсолютных конструкциях, приложениях, других обособленных конструкциях, связь которых с основной, «принимающей» частью выявляется только при анализе семантики отношений между частями. Вопрос осложняется тем фактом, что во французском языке, который принадлежит к группе аналитических языков, грамматические отношения передаются через отдельные служебные слова, фиксированный порядок слов, контекст и / или интонацию, а не через словоизменение с помощью зависимых морфем, предлогов и т. д., как в русском языке; поэтому идентификация парцеллированной конструкции сложнее и больше опирается на синтаксическую семантику.

Затронутая проблема тесно соприкасается с устоявшимся положением о том, что основная часть конструкции автосемантична, а парцеллят – синсемантичен. Однако, как показывает наше исследование, это положение должно быть уточнено. В целом ряде кон-

струкций фиксируются сигналы синсематичности основной части: в случаях парцелляции сильноуправляемых членов предложения, сказуемых, относительных придаточных, членов параллельного ряда после обобщающего слова и так далее. Из этого следует, что указанное положение отражает не всеобщую закономерность, а тенденцию, наиболее массовый случай.

В научной литературе сложилось мнение об обязательной постпозиции парцеллята и даже порой полностью отрицается возможность его размещения в препозиции по отношению к основной части. Исключение составляет небольшое количество работ, фиксирующих препозицию парцеллята (см.: [Ванников, 1969, 122; Скоробогатова, 1990, 12]). Проведенное нами исследование доказывает, что парцеллят может находиться в обеих позициях. Однако варианты наполнения парцеллята ограничены, парцеллированию подвергаются только определенные типы отношений между частями конструкции.

Рассматриваемые далее проблемные зоны теории парцелляции связаны в основном с той же проблемой: генерализация общих или отдельных тенденций, перенос частного на общее или некритическое восприятие уже утвердившихся в теории парцелляции тезисов.

В частности, распространено мнение, что предложение и его парцеллированный «эквивалент» являют собой полное семантическое тождество. Однако анализ показывает, что при снятии точки в целом ряде случаев обнаруживаются семантические сдвиги как в значениях лексических единиц, находящихся в основной части, так и в ее общей семантике, причем порой довольно существенные, на что указывают французские исследователи, видя в парцелляции «источник особых смысловых эффектов» [Gautier, 2006, 271]. Парцелляция позволяет обыгрывать многозначность слов, последовательно активировать их значения, создавать каламбуры и так далее.

Исследователи экспрессивного синтаксиса утверждают, что парцеллированная конструкция обладает зарядом экспрессивности и является стилистическим вариантом непарцеллированного предложения. На практике мы убедились, что не все конструкции

соответствуют этому утверждению. Степень экспрессивности в целом ряде конструкций не столь уж велика, одна из главных задач парцелляции в таких случаях видится в «разгрузке» сложных конструкций и сложных синтаксических целых, в адаптации высказывания для адекватного восприятия адресатом.

Но с 2014 года было решено эту схему поменять – сделать накопления добровольными и одновременно снизить эту часть тарифа с 6 процентов до 2 процентов, а «высвободившиеся» 4 процента перераспределить в страховую, солидарную часть пенсионной системы. *Поддержав тем самым выплаты текущих пенсий и уменьшив дефицит Пенсионного фонда* (Российская газета. 2013. 4 февр.).

Анализируя научную литературу, мы обратили внимание, что выводы исследователей опираются порой на недостаточный эмпирический материал (1 000–1 500 единиц), не позволяющий, как показывает наше исследование, получить достоверные результаты и сделать адекватные выводы. Обращение к корпусной методологии для решения поставленных задач призвано обеспечить необходимую объективность и достоверность полученных результатов.

Исходя из проведенного нами обзора можно утверждать, что парцелляция практически не подвергалась изучению с позиций порождения, восприятия и интерпретации речи; до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования, в распределении передаваемой информации; не исследовано функционирование парцелляции в дискурсах различных типов. Внимание ученых сосредоточено в основном на вербальной составляющей конструкции, но информация, которую она в себе несет, объединяет элементы значений и смыслов, заключенных как в ее внутреннем содержании, так и во внешнем оформлении. Объективное ее восприятие и понимание невозможны без учета графической пунктуационной (невербальной) составляющей, так как парцелляция относится к средствам визуально-графического «предъявления» смысла, что требует от адресанта и адресата особых знаний и компетенций.

Настоятельная потребность в создании современной теории парцелляции диктуется несколькими причинами.

Во-первых, это связано со многими вопросами, касающимися природы парцелляции, ее порождения, восприятия, которые, как уже было сказано, практически не освещались ранее и игнорируются в современных исследованиях (очевидно, в связи с отсутствием продуктивных методик для ее исследования).

Во-вторых, в существующей теории парцелляции прослеживается парадоксальная тенденция: изучение функционального назначения парцелляции, потенциала ее варьирования, инвентаря финальных синграфем, используемых для парцеллирования, и других актуальных вопросов решается до сих пор в основном на уровне предложения, с позиции его синтаксиса и семантики, тогда как сами конструкции извлекаются из текста / дискурса, «являющегося исходной и непосредственной данностью филологического знания» [Белоусов, 2005, 155], реализующего свои эксплицитные и имплицитные смыслы, но часто остающегося «за кадром» научных исследований.

В-третьих, теория парцелляции формировалась замкнуто, в рамках национальной лингвистики, без учета достижений европейской науки. Это в какой-то степени, на наш взгляд, сдержало ее прогрессивное развитие, поскольку в отсутствие альтернативных теорий «угол зрения» на феномен парцелляции в течение долгого времени не менялся. К этому можно добавить и отсутствие междисциплинарных исследований, востребованных и продуктивных на современном этапе развития гуманитарного научного знания, которые также могли бы внести коррективы в осмысление исследуемого феномена и обогатить представления о нем.

В-четвертых, изучение парцелляции опиралось на материалы картотек, которые не могут быть объемными, сложны в обработке и содержат примеры, оторванные от их источника – текста. Новая концепция требует опоры на значительный и обозримый эмпирический материал, надежную верификационную базу.

В-пятых, потребность в создании современной теории парцелляции обусловлена сменой лингвистической парадигмы и формированием в ее рамках новых направлений, обладающих большей объяснительной силой для множества фактов, не получавших

освещения в прежних концепциях. Современная лингвистика признает неэффективность использования только автономного описательного подхода безотносительно к функциональной природе объекта. В связи с вышесказанным сошлемся на мнение А. А. Кибрика о смене КАК-лингвистики на лингвистику ЗАЧЕМ / ПОЧЕМУ, в основе которой лежит примат объяснения, а языковые объекты существуют не сами по себе как автономные семиотические сущности, а как инструменты, имеющие функциональное предназначение в процессах языковой деятельности [Кибрик, 2003]. Данный подход позволяет совершенно по-иному взглянуть на языковые феномены и их свойства.

Современной лингвистикой накоплен значительный объем знаний о парцелляции, но ее рассмотрение и интерпретация осуществляются преимущественно через призму лингвистики традиционной. Поэтому для ответов на накопившиеся вопросы и выявления природы и свойств данного феномена необходимо изменить «точку зрения». Оптимальной методологией нам представляется комплексное исследование, интегрирующее когнитивно-семиотический, сопоставительный и корпусный подходы к изучению парцелляции.

Мы полагаем, что такое исследование должно опираться на объемный эмпирический материал текстов массовой коммуникации, и согласны с мнением И. В. Рогозиной о том, что «медиа-коммуникация представляет собой такую сферу человеческой деятельности, в которой язык в наибольшей степени реализует свои потенции функционирующей целостности, и в которой он может быть наиболее результативно изучен именно в таком качестве» [Рогозина, 2003, 6]. Прежде всего, особенностью текстов СМИ является поликодовость, в которой язык выступает как один из репрезентантов различных семиотических систем. Процессы кодирования в медиадискурсе представляют собой разнообразные трансформации исходного материала в сообщение, направленное не только на передачу информации, но и на воздействие. Следует также учитывать, что реальность, отражаемая в СМИ, выступает как мультимодальная: воздействие на реципиента осуществляется путем органичного

взаимодействия вербальных и невербальных средств, что максимально приближено к реальной среде функционирования языка. В массмедийной сфере наиболее полно реализуются связи между языком и познавательными процессами, между мультимодальными речевыми произведениями и мышлением. Их актуализация достигается только в процессе динамического взаимодействия продуцента, объекта и реципиента.

В отличие от художественных текстов медиатексты ограничены по объему, передают информацию в доступной для массового адресата форме и используют такие приемы и средства, которые обеспечивают легкость их восприятия и максимальное воздействие.

Парцеллированные конструкции строятся при помощи как вербальных, так и невербальных (пунктуационных) знаков, представляющих собой разные коды, позволяющие обогатить сообщение дополнительными смыслами. Парцелляция нацелена на привлечение внимания реципиента, установление с ним контакта, позволяет расставить смысловые акценты и единодушно признается лингвистами как одно из эффективных средств воздействия, что и обуславливает наш выбор печатных СМИ как материала исследования.

Выводы

Обзор зарубежных и российских теорий парцелляции позволяет заключить, что они развивались в национальных лингвистиках изолированно, без учета достижений друг друга. Препятствиями к распространению научного знания о парцелляции стали:

– разнообразная и неустоявшаяся терминология: *добавление после точки* (*ajout après le point*), *графически изолированный сегмент* (*segment graphique isolé*), *разделенная точкой конструкция* (*construction détachée par un point*), *прибавление* (*addition*), *приложение* (*annexe*) и другие во французской лингвистике; *фрагментированное предложение* (*fragmentary sentence*), *фрагментация предложения* (*sentence fragmentation*) в работах лингвистов из Великобритании и США; *парцелляция*, *реже присоединение, добавление* в российской лингвистике;

– отсутствие полного тождества в объеме и содержании используемой терминологии;

– разные векторы научного интереса к парцелляции в национальных лингвистиках (морфосинтаксический, семантический, прагматический – во французской лингвистике; лингводидактический, когнитивный – в работах лингвистов из Великобритании и США; стилистический, семантико-синтаксический и прагматический – в российской лингвистике);

– разное отношение к данному феномену (от неприятия парцелляции до ее оценки как мощного стилистического ресурса, эффективного средства воздействия).

Зарубежные исследователи в большей степени обращаются к междисциплинарному изучению парцелляции. Теория парцелляции в ее французском и британском вариантах находится в центре интересов таких наук, как лингвистика, психология, теория коммуникации и когнитология. Для зарубежных ученых характерен интерес к парцелляции только в родном языке.

Во французской лингвистике можно выделить два значимых этапа (две волны) развития теории парцелляции.

Первый этап – 1940–1960-е годы. Этап становления теории: были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллятный стиль» (*style parcellaire*), которые впоследствии уступили место другой терминологии; парцелляция связывалась с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс.

Второй этап – с начала 2000-х годов. Современный этап развития теории парцелляции. Французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису, морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Ее происхождение связывается с риторической фигурой гипербатона, широко используемой в классической литературе. Подробно изучены безглагольные парцелляты – части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» /

«не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и – для обозначения основы конструкции – «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого. Начинает проявляться интерес к когнитивному аспекту парцелляции. Парцелляция сложного предложения, многосвязные конструкции, а также отношения парцеллята с основной частью крайне редко попадают в поле зрения французских лингвистов.

Британские и американские исследователи обращаются к изучению парцелляции с лингводидактической точки зрения, заостряя внимание на ограничении сфер применения этого приема. Междисциплинарные исследования с использованием техник экспериментальной и когнитивной психологии в лаборатории Университета Глазго позволили определить парцелляцию как одно из средств «захвата внимания», обеспечивающее управление вниманием читателя и лучшее запоминание текста.

В российской лингвистике термин «парцелляция» был введен в научный обиход в 1951 году (А. Ф. Ефремов), хотя сам феномен фиксировался и ранее (А. М. Пешковский). В отечественной традиции превалирует узкодисциплинарный, чисто лингвистический подход к разработке теорий парцелляции. Как и во французской лингвистике, ставится проблема определения сущности парцелляции, отграничения ее от смежных явлений. Вызывает дискуссии ряд проблемных аспектов, связанных с пониманием характеристик данного явления, статусом парцеллята и самой конструкции. Показательной чертой российской лингвистики является интерес к парцелляции в различных языках: романских, германских, славянских, языков алтайской, абхазо-адыгейской и уральской семьи, а также наличие отдельных публикаций, ориентированных на их сопоставление. Развитие теории парцелляции в отечественной лингвистике шло иным путем, нежели на Западе. Это развитие можно охарактеризовать как непрерывистое, поступательное и концентрическое: следуя за общими тенденциями в лингвистике, оно не отходило от структурного и стилистического аспектов изучения этого феномена.

Парцелляция начала вызывать интерес в 1960-е годы, которые ознаменовались фундаментальными работами Ю. В. Ванникова и ряда других исследователей, сформулировавших основы теории парцелляции; 1960–1970-е годы – период активного научного поиска в области структуры, логико-семантических и экспрессивных особенностей парцелляции. В 1970-е годы активно изучались также стилистические функции парцелляции. В связи с поворотом лингвистики к прагматике в 1980–1990-е годы стали изучаться коммуникативно-прагматические свойства парцелляции, при этом интерес к ее структурным и стилистическим аспектам не угасал и продолжает оставаться в центре исследовательского внимания по сей день. И, наконец, 2000-е годы можно охарактеризовать как бум в исследовании парцелляции: было издано множество работ, которые продолжили уже заложенные традиции. Расширился круг изучаемых языков, стилей, жанров, появились публикации, посвященные интонационным и прагматическим характеристикам парцелляции.

Несмотря на активный интерес к парцелляции, многие вопросы остаются дискуссионными: не достигнута согласованность позиций как в определении данного понятия, в трактовке статуса парцеллянта, так и в вопросах отграничения парцелляции от смежных явлений: присоединения, эллипсиса, номинативного предложения и др.

Нами предложены три критерия идентификации парцеллированной конструкции в тексте: графический, синтаксический и контекстуальный, применение которых позволяет определить статус парцеллированной конструкции и отграничить ее от смежных построений. Верифицировать правильность идентификации парцеллированной конструкции предлагается при помощи теста (экспериментального приема, заключающегося в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной допарцеллянтной структуры – «канонизированного» предложения без дополнительных трансформаций). Операция реинтеграции влечет за собой снижение или полную нейтрализацию маркированности сегмента, а также способна аннулировать некоторые семантические и прагматические эффекты, но не должна разрушать его грамматичность.

Обзор научных работ выявил парадоксальную тенденцию: парцелляция, текстовое / дискурсивное по своей природе явление, преимущественно исследовалась на уровне предложения. Недостаточно изучены назначение и смысл, который она приобретает в тексте / дискурсе. Остались без ответов вопросы, связанные с природой парцелляции, ее порождением, восприятием и интерпретацией, до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования. Причины современного состояния теории парцелляции видятся в неразработанности продуктивных методик исследования данного феномена, в трудностях с применением корпусного метода, который позволил бы проводить исследования на массивном эмпирическом материале. Актуальность создания новой концепции парцелляции диктуется также сменой лингвистической парадигмы, приходом когнитивно-дискурсивной лингвистики, дающей возможность выявлять в лингвистическом объекте новые свойства и таким образом достигать нового уровня его понимания.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ

В данной главе представлены методологические основания предпринимаемого исследования. Особое внимание уделяется тем подходам, интеграция которых способствует изучению феномена парцелляции, – лингвокогнитологии и лингвосемиотике; обсуждается исходный терминологический инструментарий.

2.1. Лингвокогнитология и лингвосемиотика: точки пересечения. Когнитивно-семиотические подходы к изучению языковых единиц. Теории аттенциальности: распределение внимания как когнитивная проблема

Никто не должен бояться, что наблюдение
над знаками уведет нас от вещей: напротив,
оно приводит нас к сущности вещей.

Готфрид Лейбниц

Будучи когнитивно-семиотическим инструментом человека, язык представляет собой «систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Когнитивная лингвистика, 53]. Знаки со своими «телами» (материальное воплощение знаков) репрезентируют мыслительные структуры, мир в голове человека (см.: [Armstrong, Stokoe, Wilcox, 1995, 34]). Такое понимание языка органически связывает когнитивную лингвистику с семиотикой (см.: [Jorna, 1990, 17; Кубрякова, Демьянков, 2007, 8–16; и др.]) и все чаще побуждает исследователей к поиску гармоничной интеграции их методологических принципов изучения языка и языковых единиц, что проявляется

в разнообразных исследованиях [Степанов, 1981; Самигуллина, 2008; Болдырев, 1998, 2009]. Каковы же точки пересечения лингвокогнитологии и семиотики, имеются ли общие теоретические положения в пространстве когнитивного и семиотического знания, которые бы позволили построить единый методологический базис?

Начнем с краткой характеристики лингвокогнитологии и лингвосомиотики, их постулатов, принципов и методологии.

Когнитивная лингвистика рассматривается как новая пост-генеративная парадигма научного знания, сформировавшаяся под влиянием когнитологии и усвоившая от нее разнообразие теоретических позиций. Линии развития зарубежной и отечественной когнитивной лингвистики в значительной мере разошлись и оказались достаточно самостоятельными. Отечественная версия когнитивной лингвистики, унаследовавшая не только общие установки когнитивизма, но и традиции отечественного языкознания и психологии, получила название когнитивно-дискурсивной парадигмы (см.: [Кубрякова, 2004; и др.]). Н. А. Беседина отмечает, что «при акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по “поверхности” рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина, 2010, 33]. В центре внимания когнитивной лингвистики лежит понимание языка как *средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями.*

Важнейшим методологическим принципом когнитивной лингвистики провозглашен *принцип равноправия двух основных функций языка: познавательной-отражательной (когнитивной) и коммуникативной* (см.: [Кубрякова, 2009, 13]).

Развитие идей когнитивной лингвистики, признание когнитивной сущности языка поставили перед наукой о языке новые вопросы, связанные с изучением роли человека в формировании высказываний, в процессе речепроизводства и интерпретации мира.

Т. Г. Скребцова, опираясь на работы классиков данного направления, сформулировала десять основополагающих принципов

когнитивной лингвистики, составляющих ее теоретический базис (см.: [Скребцова, 2011, 26–29]):

1) холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком;

2) принцип осмысления языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов, что позволяет изучать особенности мышления и познавательные процессы человека через язык;

3) принцип органической связи языкового знания с психикой человека;

4) антропоцентрический принцип, заключающийся в признании центральной роли человека в процессе познания и речевой деятельности;

5) принцип признания важнейшей роли физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы;

6) принцип субъективизации лингвистического исследования, необходимость привлечения экстралингвистической информации; учет того факта, что связь между языком и действительностью опосредована интерпретирующей деятельностью человека;

7) принцип функционализма, то есть изучения языка в действии;

8) принцип сосредоточенности на изучении языковых значений, являющихся связующим звеном между языком и когницией;

9) принцип экспланаторности, то есть установка не только на описание, но и на объяснение языковых фактов;

10) принцип открытости когнитивной лингвистики по отношению к различным областям знаний, междисциплинарность.

Методом когнитивной лингвистики считается интроспекция, привлекаются также опросы респондентов (см.: [Geeraerts, 1988, 668; Скребцова, 2011, 29]). В конкретных исследованиях используются разнообразные методики анализа, процедуры и приемы.

Когнитивная лингвистика исследует целый ряд проблем (категоризации и концептуализации, языковой картины мира, соотношения языковых структур с когнитивными, распределения внимания и так далее), связанных с ментальными репрезентациями и коррелятивными им языковыми формами. В связи с тем, что

«репрезентации являются символическими единицами, когнитивная лингвистика имеет немало точек соприкосновения с семиотикой, и часть возникающих в этой связи проблем затрагивают интересы обеих наук и могут быть решены лишь на их стыке» [Когнитивная лингвистика, 54–55].

Перейдем к семиотике. Семиотика – научная дисциплина, изучающая порождение, строение и функционирование различных знаковых систем и их составляющих – знаков. Под знаком в семиотике понимается материально-идеальное образование, репрезентирующее нечто (другой предмет, свойство или отношение), а точнее – представление о нем. Знаки создаются и используются для приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Структура знака включает материальную сторону (план выражения, означаемое) и идеальную (план содержания, означающее).

Предметом семиотики является знаковое воплощение, то есть закономерности означивания, знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы (см.: [Мечковская, 2008, 14]. Процесс, или знаковая ситуация, в котором нечто становится знаком, называется семиозисом.

В настоящее время насчитывается более 20 направлений семиотики, что свидетельствует о ее востребованности, динамичном развитии, а также способности служить «мостом между разными науками» [Комарова, 2012, 178]. Междисциплинарный характер семиотики подчеркивался и Р. Бартом, считавшем ее «своего рода джокером современного знания, подобно тому, как сам знак является джокером всякого дискурса» [Барт, 1989, 147]. «Науку среди наук», а также «инструмент наук» видел в семиотике Ч. Моррис [Моррис, 1983, 38]: «семиотика дает основу для понимания важнейших форм человеческой деятельности и связи этих форм друг с другом, поскольку все эти виды деятельности, все отношения находят отражение в знаках» [Там же, 88]; «понятие знака может оказаться столь же фундаментальным для наук о человеке, как понятие атома для физических наук и клетки для наук биологических» [Там же, 74].

Н. Б. Мечковская характеризует семиотику как метанаучный блок теоретико-методологического основания конкретных гуманитарных наук (см.: [Мечковская, 2008, 19]).

Что же делает семиотическую методологию привлекательной для исследователя, какие возможности она раскрывает?

Отвечая на этот вопрос, З. И. Комарова отмечает, что семиотика дает следующие преимущества:

– «общую концепцию, которая в любой отдельной семиотической системе видит коммуникативную систему с моделирующими и порождающими возможностями, а также принимает во внимание з н а к о в у ю (заместительную) природу тех единиц, из которых строится система;

– семиотика предлагает гуманитарному знанию результативный общий метод исследования разных систем;

– сопоставление разных знаковых систем позволяет лучше понять своеобразие каждой отдельной семиотической системы;

– благодаря присущему семиотике абстрагирующему видению своих объектов удастся выявить не просто те или иные особенности отдельных систем, но самые существенные, то есть закономерные черты их строения и содержания» [Комарова, 2012, 180–181].

Говоря о методологии семиотики, следует вспомнить и плодотворную идею Ч. Морриса об измерениях семиозиса¹⁵:

1) синтактика – отношения знаков в знаковых последовательностях;

2) семантика – отношения между знаками и тем, что они обозначают;

3) прагматика – отношения между знаками и участниками коммуникации, то есть отношение людей к знакам, которые они посылают и воспринимают.

Позднее А. Е. Супрун, исследуя аспекты плана содержания знака и их внутри- и внесемиотические отношения, дополнил

¹⁵ Ч. Моррис вслед за Ч. Пирсом полагает, что семиозис имеет широкое значение: это «процесс, в котором нечто функционирует как знак» [Моррис, 1983, 39].

принцип трехмерного изучения, разделив семантику на денотативный аспект и парадигматику. Ученый обнаружил, в частности, что денотативный и прагматический аспекты зависят напрямую от внешнего мира: денотативный – отображает мир, а прагматический – пытается на него воздействовать. Связи синтагматики и парадигматики с внешним миром опосредованы внутрисистемными отношениями. Выделенные аспекты обнаруживаются у любого знака (см.: [Супрун, 1996, 219]).

Когнитивный и семиотический взгляд на язык сближает «общность онтологий в фундаментальных принципах построения схем и методик анализа многогранной действительности языка как на фоне материального мира, так и в контексте человеческих мнений, суждений, оценок и интерпретаций» [Самигуллина, 2008, 44]. Понятийный аппарат семиотики связывает ее с когнитивной психологией и гносеологией: «В содружестве наук о познании семиотика ценна своим опытом теоретического анализа означивания и онтологии значений; этот опыт не позволяет забывать о носителях значений и о зависимостях между “телом” и “душой” знака. Связь с когнитивными науками делает семиотику не только широким, но и глубоким знанием» [Мечковская, 2008, 397–398].

Роднит лингвосемиотику с когнитивной лингвистикой и интроспективный метод, используемый обеими науками [Степанов, 1998], а также ориентированность на принцип антропоцентризма, на междисциплинарность, ставшую с началом нового века научной аксиомой, интерпретацию, функциональность и экспланаторность (см.: [Самигуллина, 2008, 37, 44]).

Полагаем, имеет смысл остановиться подробнее на одной из наиболее интересных, дающих творческий импульс для нашей работы теорий формирующегося когнитивно-семиотического подхода, **теории аттенциальности, или когнитивного распределения внимания** (феномена, являющегося одной из ключевых проблем когнитологии). Данная теория активно разрабатывается, в частности, О. К. Ирисхановой.

Опираясь на труды когнитивных психологов и мэтров когнитивной лингвистики (Л. Талми, Р. Лэнекера, Дж. Тейлора и др.),

О. К. Ирисханова разрабатывает *теорию (де)фокусирования* [Ирисханова, 2010, 2011, 2013, 2014]. В основу изучения распределения внимания в языке ученым положены следующие постулаты когнитивной лингвистики:

- язык является частью познавательной деятельности;
- вербальная деятельность во многом следует законам перцепции, особенно зрительной;
- языковые значения не столько отражают мир объективный, существующий независимо от человека, сколько репрезентируют те структуры знаний, которые мы строим, субъективно познавая мир;
- осуществляя выбор между языковыми выражениями, говорящий выбирает определенный способ конструирования мира;
- конструирование и построение значения интерактивны, то есть протекают в сиюминутном режиме с учетом прагматической ситуации.

Автор теории (де)фокусирования исходит также из того, что познание как деятельность является отражением эволюции человека, существа противоречивого: конструктивного и рационального, но в то же время – деструктивного и подверженного эмоциям, а также любящего языковые игры. Распределение внимания трактуется как один из универсальных когнитивных механизмов, который лежит в основе различных языковых и речевых явлений. Процессы фокусирования и дефокусирования задействованы в процессах порождения новых значений и имеют уровневую организацию. Дефокусирование может рассматриваться либо как сопровождение фокусирования, либо как расфокусирование на несколько элементов фокуса, либо как намеренное подавление продуцентом речи определенных элементов выстраиваемых в вербальной коммуникации образов ситуаций и объектов. Распределение когнитивного внимания происходит и обнаруживает себя на разных уровнях языковой системы и ее функционирования по-разному. Поскольку недосказанное иногда оказывается более релевантным и значимым, нежели выделенное (фокусированное), внимание исследователя привлекает в большей степени дефокусирование. Отмечается, что

(де)фокусирование может протекать в разных форматах: лексико-семантическом, синтаксическом и коммуникативно-прагматическом (дискурсивном). В последнем случае изучение этих процессов связывается с реализацией в дискурсе неаддитивных имплицитных стратегий, которые могут вызывать у интерпретатора разнообразные инференции. О. К. Ирисхановой выявлено, что существуют средства (в частности, ряд синтаксических единиц и конструкций), используемых для помещения описываемых объектов и / или ситуаций в фокусную или дефокусированную зону (подробнее см. в следующем подразделе). Данная исследовательская стратегия позволяет О. К. Ирисхановой описать процессы (де)фокусирования на материале некоторых явлений английского и русского языков, их механизмы и роли как в языке, так и в дискурсе в трехмерном измерении: семантике, синтаксисе и прагматике.

Возвращаясь к «точкам пересечения» лингвокогнитологии и лингвосемиотики, подчеркнем, что таковыми являются: объект изучения (языковой знак), антропоцентричность, интерпретативность, междисциплинарность, функционализм, экспланаторность.

Анализ работ, выполненных в русле интеграции этих направлений, убеждает в том, что их взаимодополняемость является логичной и эффективной.

2.2. Исходный понятийно-терминологический инструментарий когнитивно-семиотического исследования парцелляции

Задавшись целью описать когнитивно-семиотическую природу парцеллемы как специфического языкового знака и сегмента речи, мы должны обратиться к определению понятий, которыми будем оперировать в исследовании. К этим понятиям относятся *языковой знак*, *семиозис*, *фокусирование* и сопутствующие ему понятия *дефокусирование*, *конструирование*, *салиентность* и *когнитивная точка отсчета*. Необходимым также представляется осмысление понятия *пунктуационный знак* в его отношении к языковому знаку.

Прежде всего обратимся к понятию **языковой знак**. Не ставя цели дать аналитический обзор всех существующих теорий языкового знака, что само по себе потребовало бы отдельной работы¹⁶, укажем лишь на наиболее принципиальные моменты.

Во-первых, в противоположность унилатеральной концепции языкового знака, согласно которой означаемое помещается вне знака (В. З. Панфилов, А. И. Смирницкий, А. Г. Стернин), нами поддерживается билатеральная концепция, развивающаяся в науке еще со времен Аристотеля и стоиков. Знак в данной концепции есть двусторонняя – материально-идеальная – сущность, состоящая из означающего (знаконосителя, тела знака, экспонента) и означаемого, то есть значения данного знака. Эти внутриязыковые сущности служат для обозначения сущности неязыковой онтологии – денотата (объекта обозначения, «вещи»), а точнее, представления о нем. Вслед за Н. Ф. Алефиренко мы разграничиваем знаки языка и знаки речи, значение и смысл, считая, что предлагаемое им понимание можно экстраполировать и на предложение, в том числе парцеллированное.

Во-вторых, возникает вопрос о природе знака, точки зрения на который в лингвистике различаются.

Существуют теории, строящиеся на исследовании *слова как языкового знака* и не затрагивающие более крупные знаковые единицы (например, когнитивно-семиологическая теория Н. Ф. Алефиренко; функционально-семиологическая теория Н. Н. Болдырева).

Вторую группу составляют концепции и теории, в центре которых *«полный» знак – предложение*. Например, В. Г. Гак пишет, что денотатом слова выступает абстрагированный элемент ситуации, а денотатом предложения – сама ситуация. Только такой знак представляет собой продукт законченного акта семиозиса с точки зрения реального функционирования языка, в то время как *слово*, так и морфемы и тому подобные элементы – *частичная знаковая единица*, *«полуфабрикат»* для полных знаков, их строительный материал, так как «взятые в отдельности, они лишены коммуни-

¹⁶ Как совершенно справедливо пишет В. И. Карасик, «литература, посвященная знакам, безбрежна» [Карасик, 2012, 43].

кативной функции и прямой соотнесенности с объективной реальностью» [Гак, 1998, 243–244]. Аналогичная точка зрения высказывается, например, в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1971], Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1986]. И. П. Сусов выделяет полные знаки, то есть *коммуникативно завершённые, самодостаточные* (высказывания и тексты) и *частичные, коммуникативно недостаточные* (слова и морфемы). Он считает, что новейшая семиотика сосредоточивает свое внимание на высказывании как полном знаке, с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел [Сусов, 2006б]. В концепции С. Н. Сыроваткина предложение рассматривается как полноценный знак языка. При данном подходе *морфемы, слова и синтагмы* трактуются как *субзнаки*, из которых строятся собственно знаки (см.: [Сыроваткин, 1978, 24–25]).

Наконец, в третью группу, к которой примыкаем и мы, объединяются исследования, выстраивающие компромиссный и достаточно широкий подход к природе знака, распространяющийся как на морфологический и лексический уровни, так и на уровень предложения [Кравченко, 2000]. В целом знаковость предложения / высказывания, вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, не вызывает возражений в лингвистике.

Перейдем к следующему ключевому понятию исследования, непосредственно связанному с понятием языкового знака, – **семиозису**. Термином «семиозис» принято обозначать процесс означивания, который также получил в научной литературе разные трактовки.

Ч. Моррис рассматривает семиозис как процесс, включающий четыре фактора:

- 1) то, что выступает как знак, – знаковое средство или знако-носитель (sign vehicle);
- 2) то, на что указывает знак, – десигнат (designatum);
- 3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком – интерпретантом (interpretant);
- 4) тот, кто интерпретирует, – интерпретатор (interpreter) [Моррис, 1983].

Знак является способом передачи информации. Его содержание направлено на обозначение внезнаковой реальности (семантический аспект), при этом использование знака передает информацию не только об объекте, но и об участниках общения (прагматический аспект), и истолкование знака предполагает знание его соотношения с другими знаками в знаковой системе (синтактический аспект) (см.: [Моррис, 1983, 39, 42]). Предложенная Ч. Моррисом схема семиозиса представляет собой объяснительную схему соотношения языкового знака с внезнаковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности. В. И. Карасик, отмечая высокую экспланаторную способность лингвосемиотики, пишет: «В классической схеме семиотического треугольника даны ответы на следующие вопросы: “Что сообщается?” (семантика, предметная сторона), “Как оформлено сообщение?” (синтактика, выбор знаков), “Почему выбрано именно это средство для передачи сообщения?” (прагматика, учет фактора адресата, ситуации, норм культуры)» [Карасик, 2012, 43].

Тщательный анализ немногочисленной научной литературы о знаковой природе пунктуационных знаков в отечественной лингвистике показал, что этот вопрос решается по-разному или же очень часто остается в тени. Его решение имеет важное значение для нашей работы, поскольку инструментом парцелляции, ее обязательным конституентом является финальная синграфема¹⁷, статус которой необходимо определить. Сказанное обуславливает наше обращение к более детальному изучению природы пунктуационных знаков.

Различные трактовки самого понятия пунктуации, сферы функционирования данной семиотической системы, нерешенная проблема лингвистической природы пунктуационного знака и его функционального назначения в языке, речи и тексте «предопределили мнение, что пунктуация находится на периферии системы лингвистических знаний» [Шубина, 2006, 24–25]. Пунктуация чаще всего

¹⁷ Термин «синграфема», а также термины «метаграфема» и «параграфема» предложены А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным [Баранов, Паршин, 1990] и уточнены Н. Л. Шубиной [Шубина, 2006].

рассматривается как раздел синтаксиса, в котором описываются нормы постановки знаков препинания. Ее неоднозначное представление в справочниках, учебных пособиях и монографиях не способствует ясности в данном вопросе. Дискуссионным также является и включение в состав пунктуационных функционально неоднородных знаков: шрифтов, разрядки, вертикального пробела, абзаца и многих других. В последнее время пунктуация стала все больше привлекать внимание исследователей, что обуславливает процесс определенной систематизации научного знания в этой области, но вопросы как о статусе пунктуации, так и о статусе самих знаков препинания остаются нерешенными. Являются ли они знаками с точки зрения семиотики? Можно ли их трактовать как полноценные языковые знаки, имеющие собственное значение?

Во французской и российской лингвистике сложились разные подходы к решению этих вопросов.

Французские лингвисты обратились к этой проблеме в конце 1970-х годов. Согласно традиционному подходу, оформившемуся в позиции «фонографистов» или «фоноцентристов» (*phonographistes*, *phonocentristes*), последователей Ф. де Соссюра, пунктуация рассматривалась как отражение интонации в устной речи¹⁸. Однако уже в 1970-х годах стал оформляться новый оппозиционный подход сторонников «автономии» пунктуации от устной речи (*autonomistes*) [Tournier, 1977; Catach, 1980; Vélédina, 1980; Gadet, 1987; Arrivé, Normand, 1995; Ricardou, 1995; David, 2010]. Ж. Анис, Ж. Л. Шисс, С. Пуэк, в частности, настаивают: «Основополагающим постулатом является то, что французский язык обладает устной формой речи и графической формой речи, которые хотя и находятся во взаимодействии, но должны анализироваться и описываться независимо друг от друга» [Anis, Chiss, Puech, 1988, 86]. М. Арриве, С. Норман для доказательства независимости письменной речи от устной привлекают психоаналитику: «В итоге для Фрейда и для Лакана

¹⁸ Ф. Гаде пишет, что соссюровские концепты вызвали очень оживленные научные дискуссии, особенно в отношении весьма спорного «фонографизма» (см.: [Gadet, 1987, 124]).

бессознательное не разговаривает: оно пишет. И письмо, которое оно производит, может быть поэтому только абсолютно автономным»¹⁹ [Arrivé, Normand, 1995, 232].

Н. Каташ отмечает, что письменная речь отличается от устной преобразованием линейной цепочки, развертывающейся во времени, в цепочку, которая развертывается в пространстве (см.: [Catach, 1980, 18]). Мы считаем, что данное утверждение можно принять только с оговоркой, касающейся линейности устной речи, которой, как известно, свойственны многоплановость и полисубъективность. Участники коммуникации постоянно корректируют понимание, что выражается в перебивах, переспросах, сопутствующих репликах и т. д. Таким образом, обращаясь к терминологии Г. Гийома, можно сказать, что устной речи присущи ретардация и антиципация, которые изменяют движение вектора оперативного времени [Гийом, 2010] и придают ему зигзагообразный характер. В письменной речи для этого используется специальная семиотическая система пунктуационных (шире – параграфических) средств, которая «в значительной мере способствует формированию и упорядочиванию графико-звучащей последовательности словесных знаков в особым образом организованный план выражения текста» [Иеронова, 1996, 35]. При таком подходе текст можно рассматривать как пространство, наполненное разноплановыми единицами, не только вербальными, использующимися как текстостроительный материал, но и единицами текстообразующего характера.

Н. Каташ, будучи сторонником «автономии» письменной речи, рассматривает пунктуационный знак как *двусторонний знак*, имеющий означающее и означаемое, и называет его *пунктемой* (ponctème) (см.: [Catach, 1980, 26]) (необходимо отметить, что этот термин довольно прочно закрепился в научном обиходе²⁰). Исследователь рассуждает таким образом: «Графема может быть *сенемой* (“пустым” знаком, означающим означающего) либо *плеремой*

¹⁹ Эту же идею высказывает Ж. Деррида в работе «Фрейд и сцена письма» (см.: [Derrida, 1967, 293–340]).

²⁰ В российской лингвистике аналогичное значение имеет термин «син-графема».

(“полным” знаком в терминологии Ельмслева, то есть обладающим означающим и означаемым). *Сенемы* – это знаки фонетической или фонологической записи, которые предназначены быть эквивалентом фонем, нейтральными словообразовательными элементами. *Плеремы* – это, например, египетские иероглифы или китайские идеограммы, хотя они и выступают часто в качестве сенемического вспомогательного средства. <...> Мы определяем пунктуационные знаки как, главным образом, *плеремы*, непосредственно снабженные смыслом и функцией» [Catach, 1980, 26]. Пунктемы следует отличать от морфограмм (алфавитных знаков, произносимых или нет) и логограмм (знаков, обозначающих целое слово или его основу). «Пунктуационные знаки – самые плеремические из графем: это в чистом виде идеограммы, знаки четвертой и последней категории нашей графической плюрисистемы... это настоящий лингвистический знак» [Там же]. Ученый считает систему этих знаков вторичной: «...речь идет о языковых знаках, появившихся в определенный момент истории; они связаны с вторичной системой коммуникации, ставшей для образованного человека такой же важной, как первичная, что создает необходимость учета этой дуальности языкового функционирования и взаимодействия этих систем» [Там же, 19]. Итак, Н. Каташ заложила основы семиотического понимания пунктуационного знака во французской лингвистике, на которую ориентируются исследователи пунктуации и в настоящее время [Catach, 1980, 1987, 1994, 1998].

Вслед за Н. Каташ К. Турнье [Tournier, 1977, 1980] считает пунктему идеограммой и определяет ее как **графический неалфавитный знак**, не имеющий материальной, звуковой формы и неразложимый на единицы нижнего уровня. Исследователь отмечает, что пунктуационные знаки являются «интерязыковыми», даже если их использование варьируется в разных языках, и противопоставляет их логическим и математическим знакам, которые «можно прочесть вслух»²¹ [Tournier, 1980, 36]. К. Турнье убедительно доказывает, что пунктуационный знак имеет смысл и участвует, как и слово,

²¹ Ж. Рей-Дебов называет их «наиболее распространенными неязыковыми знаками наук и практических кодов» [Rey-Debove, 1978, 46].

в построении смысла фразы или ее фрагмента. Следовательно, его нужно рассматривать как *единицу языка*: «Смысл в действительности является фундаментальным условием, которое должна выполнять любая единица любого уровня для того, чтобы получить свой языковой статус» [Tournier, 1980, 36]. К этому мнению присоединяются Ж. Рей-Дебов [Rey-Debove, 1978], Ж. Перро [Perrot, 1980], Ж. Отье-Ревюз [Authier-Revuz, 1992, 2012] и С. Петийон-Бушрон [Pétillon-Boucheron, 2003]. В частности, Ж. Рей-Дебов определяет пунктуационный знак как *языковой знак*, состоящий из означаемого и означающего, имеющего графическую несловесную форму. Исследователь высказывает очень интересную, на наш взгляд, идею о металингвистической природе пунктуационных знаков: все названия пунктуационных знаков «металингвистичны», они могут появиться как в «металингвистическом высказывании» (*énoncé métalinguistique*), так и в устной речи, например при диктовке. Такая ситуация, как пишет автор, порождает «семиотические фигуры, которые нарочно смешивают язык с метаязыком». Выражения «в кавычках», «в скобках» называют в речи соответствующие знаки, имеющие большую ценность, но не обладающие звуковой формой [Rey-Debove, 1978, 48].

В диссертации, посвященной исследованию «невывказанного», Ж. Отье-Ревюз приходит к очень важному выводу о том, что пунктуационные знаки обладают *языковым значением* (*valeur en langue*) и *дискурсивными интерпретативными смыслами* (*interprétations en discours*) (см.: [Authier-Revuz, 1992, 217]). Посвящая свою работу изучению знака «кавычки», автор отмечает, что его языковое значение достаточно бедное. То, что вызывается значением этого сигнала в дискурсе, и то, что требует «труда интерпретатора», невозможно в конечном счете инвентаризировать, это «бесконечное множество интерпретаций» (*ensemble non finie d'interprétations*), «интерпретативный континуум» (*continuum interprétatif*) [Там же, 234]. То же самое можно сказать и о скобках, и о других знаках, считает С. Петийон-Бушрон (см.: [Pétillon-Boucheron, 2003, 64]). Согласимся с мнением С. Петийон-Бушрон о том, что данный подход к пониманию пунктуационного знака является плодотворным, поскольку он

обосновывает двустороннюю сущность этого знака и позволяет рассматривать пунктуацию как *часть языковой системы* (см.: [Pétillon-Boucheron, 2003, 64]). Опираясь на исследования психологов и психолингвистов, исследователь определяет пунктуацию как «бессловный процесс оптического членения, организующего пространство текста» [Там же, 74].

И. Фонажи тоже ставит пункту в один ряд с другими языковыми знаками и изучает отношения синонимии, омонимии и полисемии некоторых знаков. Например, восклицательный знак, двоеточие, курсив и заглавные буквы могут служить для создания эмфазы; кавычки и курсив – маркеры металингвистического употребления и так далее. Пунктума подчиняется тем же принципам, что и лексические единицы: пунктуационный знак не имеет абсолютных синонимов, и его значение проявляется в оппозиции к другим знакам (см.: [Fonagy, 1980, 106]). Используемая автором методика позволяет выявить *базовую функцию знака* (fonction de base), объединяющую все *частные функции* (fonctions particulières). Важной методологической идеей, на наш взгляд, является *необходимость анализа не только функции пунктуационных знаков, но и семантических отношений между различными элементами высказывания, «затронутых» той или иной пунктурой*.

В российской лингвистике наиболее распространенным является широкое понимание пунктуации, идущее от А. А. Реформатского, который определял ее как автономную систему знаков оптико-графической информации. Основное назначение этой системы лингвист видел в организации графического текста [Реформатский, 1987].

С середины 80-х годов XX века стали появляться исследования, рассматривающие пунктуационную систему (и, шире, метаграфические²² и параграфические средства) с позиций лингво-

²² Под метаграфемами мы вслед за Н. Л. Шубиной понимаем «социально отработанные невербальные знаки и средства, участвующие (вместе с вербальными средствами) в организации текста как целостной семиотической системы» [Шубина, 2006, 29]. Метаграфемы включают синграфемы, супраграфемы и топографемы.

семиотики [Арапиева, 1985; Степанов, 1985; Баранов, Паршин, 1990; Плотников, 1992; Шубина, 1999, 2006; Будниченко, 2004; Садченко, 2009; и др.].

Широкое понимание знака, заложенное в трудах Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Якобсона, развивает Ю. С. Степанов. Ученый пишет: «Начертания слов, знаки препинания, многоточия, абзацы, расположение строк... прописные буквы и даже характер шрифта играют роль знаков... они есть часть самого знака, его означающее, и следовательно, их связь с означаемым непосредственна» (цит. по: [Садченко, 2009, 107]).

С точки зрения М. В. Никитина паралингвистические средства, в том числе и графические, наполняют область, имеющую размытые границы, *между знаками и не-знаками*. Паралингвистические средства участвуют в формировании эксплицитного значения высказывания, которое складывается из семиотического и семиоимпликационного значений, в том числе паралингвистического компонента, который является его составной частью (см.: [Никитин, 1988, 164]).

По мнению Л. А. Будниченко, пунктуационные знаки представляют собой *«полноправные языковые знаки»*, «обладающие значением» [Будниченко, 2004, 9]. Будучи языковыми знаками, они способны передавать определенную информацию, образуют свой смысловой код и свой дополнительный канал связи. О. А. Мельничук под пунктуацией понимает *особую семиологическую систему* [Мельничук, 2002], М. Р. Нашхоева – *самостоятельную семиотическую систему* [Нашхоева, 2012]. Как *самостоятельные языковые знаки* трактуются знаки препинания в монографии О. А. Мельничук и соавторов [Мельничук, Андросова, Еливанова, 2013].

Такая позиция ученых говорит о том, что пунктуационная система рассматривается как самостоятельная семиотическая система, что может вызвать определенные возражения, поскольку функционировать эта система в отрыве от языковой системы не в состоянии. В этом плане заслуживает внимания определение Н. Л. Шубиной: пунктуация – это *вспомогательная семиотическая*

(знаковая) система, которая используется для реализации коммуникативных задач в письменной речи (см.: [Шубина, 2006, 17, 25]) (см. также: [Тискова, 2004; Евтушенко, 2012]).

Второй аспект, на котором мы бы хотели заострить внимание, таков: невербальный пунктуационный знак наравне со знаком вербальным включается в понятие языкового знака без учета его специфики. Приведенный обзор взглядов на знаковость пунктуации говорит о том, что данный вопрос в лингвистике еще должен найти свое решение.

Нисколько не умаляя достоинств перечисленных выше работ, позволим себе не согласиться с заложенным в них подходом в силу следующих соображений. Во-первых, признание пунктуационных знаков самостоятельными языковыми знаками входит в противоречие с уже устоявшимся в лингвистике пониманием языкового знака: «Знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности, в своей совокупности знаки языковые образуют язык» [Уфимцева, 2002, 167]. Таким образом, «полноценный» языковой знак обладает свойствами билатеральности и репрезентативности, способен представлять внеязыковую реальность. Материальная сторона языкового знака подразумевает материальную субстанцию – *звукоряд* (*звучащее слово*), который может быть графически репрезентирован в виде зрительно воспринимаемой сущности – *графического слова* (см.: [Кравченко, 2000, 5; Кубрякова, 2004, 496; Комарова, 2012, 189–190]). Знаковость как совокупность материального и идеального присуща не только слову, но и более крупным языковым знакам, «иерархической вершиной которых являются высказывание и текст²³» [Кравченко, 2000, 3]. Невербальные пунктуационные знаки суть *графические* (*синграфические*) *знаки*, и потому их применение ограничивается сферой письменного текста, на что совершенно справедливо указывают французские лингвисты. Знаковость синграфем состоит

²³ Вопрос о тексте как знаке дискуссионен; текст может рассматриваться либо как знак, либо как комплекс знаков (см. обзор этого вопроса в работе В. Т. Садченко [Садченко, 2009]).

в указании на общее значение (максимально абстрактное по сравнению со значением языковой вербальной единицы). С вербальными знаками их роднит то свойство, что и те, и другие представляют собой графические коды, передающиеся по визуально-оптическому каналу связи.

Таким образом, не все характеристики языкового вербального знака актуальны для невербального пунктуационного знака: невербальный знак используется только на письме, свое смысловое наполнение получает только в знаковом комплексе (сложном знаке), дополняя вербальные знаки (принцип комплементарности). На эту особенность пунктуационных знаков обратил внимание еще Ч. Моррис, включивший знаки препинания наряду с паузами, ударениями, курсивом, величиной букв и так далее в группу знаков, не имеющих денотата²⁴ и выполняющих в языке в основном прагматическую функцию (см.: [Моррис, 1983, 49]). Неоднозначную трактовку знаков препинания дает Н. Б. Мечковская: с одной стороны, «с точки зрения семиотики это не знаки», поскольку они «не представляют» (не замещают, не репрезентируют) «какой-либо предмет или отношение». Но в итоге, опираясь на широкое понимание знака Р. Якобсоном, исследователь считает, что знаки препинания все же следует отнести к *языковым субзнакам* (несамостоятельным знаковым элементам). Их назначение видится Н. Б. Мечковской в обозначении «формально-грамматического, смыслового и интонационного членения речи», воспринимаемого «только в контексте письма» [Мечковская, 2008, 24–25]. Вышесказанное приводит к выводу о том, что уравнивать вербальные и невербальные знаки, говорить о «полноправности», «самостоятельности» последних не совсем правомерно.

Указанные Н. Б. Мечковской функции пунктуации уточняются в специальных работах. «Пунктуация, – пишет Н. С. Валгина, –

²⁴ «Никакого противоречия не возникает, когда говорят, что у каждого знака есть десигнат, но не каждый знак соотносится с чем-либо реально существующим. В тех случаях, когда объект референции реально существует, этот объект является денотатом. Таким образом, становится ясно, что если десигнат есть у каждого знака, то не у каждого знака есть денотат» [Моррис, 1983, 39].

несет свою, и притом большую, службу в языке: она “осмысливает” письменный текст, доносит его до читающего именно с тем содержанием, которое было задумано пишущим, и только благодаря пунктуации пишущий и читающий достигают единства в восприятии содержательной стороны текста» [Валгина, 2003, 12]. Еще Л. В. Щерба отмечал способность пунктуационных знаков выражать смысловые отношения между высказываниями и их составляющими (см.: [Щерба, 1935, 128]). Финальные знаки препинания благодаря своей способности быть сигналами смысла без вербального сопровождения несут смысловую, эмоциональную, модальную нагрузку (см.: [Валгина, 2003, 42]). Большую ценность представляет выявленная Н. С. Валгиной тенденция: чем больше в сообщении вербальных средств, тем меньше требуется пунктуационных, и наоборот: чем больше знаков препинания, тем больше возможность свертывания сообщения вплоть до минимума слов-сигналов (см.: [Там же, 44]). Способность пунктуационных знаков к компрессии информации отмечает и В. И. Чепурных (см.: [Чепурных, 1986, 127–128]). Пунктуационное оформление предложения и текста – проблема объективного и субъективного характера. В первом случае ее решение базируется на формально-грамматическом и интонационном критериях, во втором – оно приходит извне, зависит от автора, его коммуникативно-прагматической установки. Размышления о важности и смысле пунктуации можно дополнить знаменитым проявлением амфиболии – крылатым выражением «Казнить нельзя помиловать», от расстановки знаков в котором смысл может поменяться на прямо противоположный.

Сошлемся на справедливое замечание Н. Л. Шубиной о том, что невербальные пунктуационные знаки способны дополнять и уточнять информацию, усиливать восприятие, воздействовать на читателя, а также, что нам представляется плодотворной идеей в контексте нашего исследования, «удерживают внимание и познавательный интерес» [Шубина, 2006, 8]. Более того, пунктуационная подсистема динамично развивается, «самонастраивается», приспособляется к постоянно меняющимся условиям своего функционирования (подробнее см.: [Шубина, 1999, 2006]).

Опираясь на вышесказанное, мы предлагаем понимать под пунктуацией не самостоятельную, а *вспомогательную семиотическую функционально-адаптивную систему графических невербальных знаков, участвующих в конструировании сложных вербальных знаков*. Пунктуационные знаки при таком подходе предстают как *невербальные синграфические языковые знаки*. В тексте данный вид знаков интегрируется²⁵ с вербальными знаками²⁶, активно участвует в пространственной (графической) и смысловой (содержательной) организации текста. Передавая определенную информацию, невербальные языковые знаки образуют свой смысловой код и свой дополнительный канал связи. Находясь в тексте в отношениях взаимной дополнительности, вербальные и невербальные знаки позволяют представить информацию в сжатой, но доступной для восприятия и понимания форме.

Особое место в пунктуационной системе занимают авторские знаки, чья «расстановка всецело зависит от авторской воли», они «воплощают индивидуальное ощущение их необходимости» [Валгина, 2003, 191]. Знак точки при парцелляции (назовем его парцеллограммой), как единодушно признают исследователи, относится именно к этому типу знаков. Использование данного средства не регламентировано, легко допускается в газетно-публицистических и художественных текстах. Его семантико-стилистическое значение рождается в тексте и теснейшим образом связано с функцией актуализации.

В. Т. Садченко выделяет ряд основных условий семиотизации невербальных метаграфических знаков, используемых в тексте: повторяемость, частотность употребления; тождественность позиции, в которой употребляются эти знаки; устойчивость значения; общность функции (см.: [Садченко, 2009, 110]). Вслед за Л. А. Будниченко исследователь выделяет инвариантное значение всех невербальных графических средств как «наиболее важное, новое, главное». Наблюдая за поведением парцеллирующей синграфемы,

²⁵ Интеграция – универсальный закон, действующий при порождении и восприятии речевых образований любого уровня (см.: [Жинкин, 1982]).

²⁶ Мы имеем в виду, разумеется, графические вербальные знаки.

мы убедились в том, что сформулированное значение в целом верно, но требует корректировки: «наиболее важное, новое в текущем высказывании» [Будниченко, 2004, 177].

Отвечая всем условиям семиотизации, финальный знак, используемый для парцелляции, характеризуется достаточно высокой семиотической стабильностью: частотен, имеет фиксированную позицию (перед парцеллятом), обладает устойчивым инвариантным значением, выполняет функцию актуализации.

Системы пунктуационных знаков того или иного языка, несмотря на свою универсальность, все же различаются и обуславливаются спецификой национального сознания и языка (см.: [Catach, 1980, 16]). Как отмечает Н. Л. Шубина, специфика русской метаграфемы заключается в использовании ее как своеобразных сигналов свертывания и развертывания информации, как особого информационного канала и текстообразующего средства (см.: [Шубина, 2009, 190]). Полагаем, что выделенные особенности релевантны и для французской пунктуации. Другое дело, что пунктуационные принципы французского и русского языков имеют разные основы, а это может влиять и на использование парцеллирующих финальных синграфем. С точки зрения Н. А. Шигаревской ведущим принципом французского языка является семантико-синтаксический, а русского – формально-грамматический (см.: [Шигаревская, 1975, 10]). Л. Г. Веденина подчеркивает различные основания пунктуации в данной паре языков, утверждая, что французские пунктуационные знаки нагружены иначе, чем русские: они, прежде всего, выполняют коммуникативную функцию, в русском же языке эта функция закреплена за порядком слов (см.: [Веденина, 1980, 39]). В. И. Чепурных также считает, что французская пунктуация следует коммуникативному принципу, часто выражает субъективно-модальные значения с подчеркиванием авторской позиции [Чепурных, 1986]. По мнению И. Ю. Иероновой, современная французская пунктуация ориентируется на коммуникативно-прагматический принцип (см.: [Иеронова, 1996, 37]).

Интерес вызывает и позиция Л. В. Щербы, выделявшего два принципа пунктуации современных европейских народов – принцип

французский и принцип немецкий: «Первый тип реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы... второй широко признает тире и использует запятые, расставляя их по более или менее формальным признакам» [Щерба, 1935, 366]. Работа ученого обнаруживается при даже самом беглом просмотре текстов любой стилистической принадлежности: плотность использования пунктуационных знаков во французских текстах заметно ниже по сравнению с русскими.

Подводя итог, заметим, что различия в принципах организации и функционирования двух пунктуационных систем, несмотря на некоторые общие точки пересечения, достаточно существенны. Французская пунктуация больше ориентирована на выполнение коммуникативно-прагматических задач, русская же следует формально-грамматическому принципу, что, безусловно, не исключает и влияния на выбор знака субъективного фактора. Можно, следовательно, предположить, что частотность использования французских парцеллирующих синграфем будет выше, чем русских (к этому вопросу мы обратимся в главе 3).

На данном же этапе переходим к обсуждению ключевых понятий теорий аттенциальности, тоже методологически важных для нашего исследования: *внимание, фокусирование / дефокусирование, конструирование, салиентность* и некоторых других. Данные единицы метаязыка когнитивной лингвистики позволят нам описать когнитивное распределение внимания в языке и дискурсе на примере парцеллированной конструкции.

В лингвокогнитологии **распределение внимания** рассматривается как «важнейший процесс, участвующий в обработке информации, в том числе языковой деятельности. Перенос принципов зрительного и слухового восприятия позволяет непротиворечиво и достоверно объяснить многие лингвистические явления» [Ирисханова, 2014, 295]. Для раскрытия сущности этого вида когнитивной деятельности мы считаем необходимым обратиться прежде всего к его определению когнитивной психологией.

В когнитивной психологии, опирающейся на экспериментальные данные, проблема внимания является одной из центральных, сложных и многоплановых проблем, которая все еще не имеет общепризнанного решения. Внимание определяется как «отражение направленности и сосредоточенности сознания на определенных объектах» [Щербатых, 2008, 115], как концентрация умственного усилия на сенсорных или умственных явлениях, как когнитивная деятельность²⁷ (*activité cognitive*), воздействующая на ментальные (индивидуальные) репрезентации (*représentations mentales*) (см.: [Bertrand, Garnier, 2005, 100; *Psychologie cognitive*, 2006, 136]), или же как распределение когнитивных ресурсов для обработки информации [Канеман, 2006] и так далее. Какую бы дефиницию не получало бы внимание, за всеми этими определениями стоит понимание того, что оно обладает *свойством селективности* (*propriété sélective*), *может удерживаться* (*propriété de maintien*) и так или иначе *управляться человеком*. Причем эта управляемость, как отмечают когнитивные психологи, может определяться и *экзогенными факторами* (*facteurs exogènes*), то есть внешними стимулами (громким звуком, например, телефонного звонка, бросающимся в глаза предметом, новым, необычным словом и так далее), и *эндогенными факторами* (*facteurs endogènes*). Под последними следует понимать аттенциальные сдвиги, обусловленные личностными переживаниями человека [Timsit-Berthier, Gerono, 1997; Lemaire, 2006] или, как пишет Ю. Щербатых, «связью между объектом и потребностями человека» [Щербатых, 2008, 8]. В любом случае концентрация внимания на том или ином объекте связана со *способностью человека не отвлекаться на незначимые для него в конкретный момент времени объекты* (*résister à la distraction*), *представляющие собой «помехи»* [*Psychologie cognitive*, 2006, 136]. Эта способность связана, по мнению психологов, с особенностями нервной системы и системы обработки данных, которая, будучи не в состоянии обработать окружающие нас мириады признаков, ограничивает входной поток информации. Человек со-

²⁷ Внимание является когнитивной деятельностью наряду с памятью, восприятием, языком.

средотачивается на одном стимуле, игнорируя остальные. Это позволяет ученым говорить о пределах пропускной способности системы обработки информации, о наличии в ней «узкого места» (см.: [Солсо, 1996, 108–128]). Важно отметить, что менее релевантные в данный момент признаки не отсеиваются полностью: «во всех случаях механизм внимания переключается на одни стимулы, предпочитая их другим, хотя из последних не все обязательно полностью исключаются из сферы внимания: они могут и отслеживаться, и отфильтровываться» [Там же, 109]. Такая селекция необходима во избежание «перегрузки» механизма обработки (см.: [Там же, 116]). Часть стимулов обрабатывается автоматически, другие же (новые или недостаточно освоенные), наоборот, требуют концентрации, контроля [LaBerge, 1995].

Человек может направлять фокус внимания на один объект для более глубокой обработки информации о нем, в этом случае речь идет о *селективном внимании* (*attention sélective*). Иногда внимание удерживается в течение достаточно долгого промежутка времени, что обозначается термином *устойчивое внимание* (*attention soutenue*). Если фокус внимания сосредотачивается на нескольких объектах, человек «одновременно жонглирует различными задачами или источниками информации», то речь идет уже о *распределенном внимании* (*attention partagée*) (см.: [Lemaire, 2006, 22]). Было замечено, что на самом деле существуют не только эти крайние формы внимания, но и целый «континуум, указывающий на то, что наиболее востребованные виды внимания располагаются между распределенным и селективным вниманием» [Matlin, 2001, 81] (см. также работы А. Трисман по теории интеграции отличительных признаков [Treisman, 1992, 1993]). Таким образом, внимание имеет уровневую организацию. А. Трисман выделяет «фокусное» (контролируемое) внимание, которое связано с линейной поочередной идентификацией объектов. Это самый «требовательный» способ обработки, производимой в случае сложноструктурного объекта, поскольку возникает необходимость временно зафиксировать конфигурацию его структурных свойств и сохранить в памяти его ментальную репрезентацию.

В когнитивной лингвистике под вниманием понимается «концентрация восприятия или интеллектуальной деятельности на отдельной черте перцептуального процесса (ощущении) или отдельной мысли, отдельной структуре сознания, отдельном концепте; “остановка” в процессе обработки информации на одном из ее объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации. Такая возможность... составляет предпосылки активации знаний в человеческом мозге и способствует известной регуляции информации, приходящей к человеку извне» [Кубрякова, 1996, 15]. Аттенсиальные переключения рассматриваются Р. Лэнкером как изменения в интенсивности когнитивных процессов, направленных на познание объекта (см.: [Langacker, 1987, 114]). В более узкой трактовке внимание связывается с процессом выделения признаков («анализ-через-синтез» [Брунер, 1984]). Исследователь фокусного внимания когнитивный лингвист Р. Томлин обращается к экспериментальному манипулированию состояниями внимания, полагая, что таким образом можно проверить, как когнитивные характеристики реализуются в грамматике. Ученый разработал экспериментальную методику для выявления когнитивных оснований грамматических выборов субъектом. Участники эксперимента просматривали мультфильм, в котором две рыбы плывут навстречу друг другу, а затем одна из них поедает другую. Описывая данную ситуацию на различных языках, испытуемые кодировали рыбу, съевшую другую рыбу, подлежащим, а соответствующий предикат – активным залогом [Tomlin, Russel, 1995]. В дальнейшем лингвист разрабатывает методологию экспериментальной верификации связи между когнитивными и языковыми явлениями.

В целом распределение внимания в языке имеет более сложный характер, чем восприятие зрительное, поскольку в этом процессе задействованы не только психологические особенности восприятия и обработки информации, но и особенности лингвистические, культуроспецифические. Более того, «язык *не изоморфен* течению актов сознания и их конструкции», «между выражаемым и выраженным всегда есть временной “зазор”» [Гоготишвили, 2006, 556].

Л. А. Гоготишвили говорит о том, что фокус языковой – это инсценировка фокусов внимания и интенции в сознании. Языковой фокус опосредован, отдален от перцептивно воспринимаемого мира временем и субъективностью говорящего. Ученый обращает внимание на важный момент – смену фокусов (аттенциональных сдвигов), каждый из которых «имеет своего предшественника и сменщика». Таким образом говорящий управляет движением «взгляда» слушающего. Текущие и сменяющиеся фокусы еще некоторое время удерживаются сознанием, но, «уходя в прошлое», «сжимаются» и, «сжимаясь», уплотняются именно вокруг того, что находилось в позиции фокуса внимания (см.: [Гоготишвили, 2006, 219]).

Результаты, полученные психологами, дают важную информацию о характере распределения внимания, значимую для лингвокогнитивных исследований аттенционального фокуса в языке. Достаточно вспомнить об описанных в главе 1 экспериментах лаборатории когнитивной психологии Э. Сэнфорда (Университет Глазго), позволивших заключить, что парцеллированная конструкция действительно обеспечивает максимальное усиление внимания читателей и приводит к запоминаемости выделенного таким образом сегмента речи. Исследования психологов направлены в основном на изучение реакции испытуемых на данные языковые единицы и, как представляется, подтверждают правильность выбранной нами исследовательской стратегии.

Работы французских и американских лингвистов и психологов А. Готье, М. Э. Джаста, П. Э. Карпентера, К. Рейнера, М. Фейоля и других, цитируемые в предыдущей главе, убедительно доказывают тот факт, что точка воспринимается как графическая граница высказывания, вызывает остановку взгляда и запускает ментальные операции с когнитивными структурами. Двусмысленность точки парцелляции, как пишет А. Готье, вызывает потребность в интерпретации интерфразовых отношений [Gautier, 2010a] и означает, видимо, наведение фокуса внимания на парцеллируемый фрагмент.

Для последующего изложения концепции парцелляции необходимо раскрыть еще несколько понятий когнитивной лингвистики, составляющих основу нашего понятийно-терминологического инструментария.

Термин «конструирование» ввел Р. Лэнекер; он определял его как отношение между говорящим и изображаемой им ситуацией. Другими словами, человек имеет выбор между альтернативными способами описания объекта (ситуации), закрепленными в языке, и осуществляет его в пользу тех или иных языковых знаков, наиболее пригодных для этой цели [Langacker, 1987, 2002]. Таким образом, выбор этот субъективен и зависит не только от самого человека, но и от культурных и социальных факторов, на что также указывает Дж. Тейлор, утверждая, что языки располагают «любимыми» способами описания объектов (см.: [Taylor, 1995, 6–20]). При этом конструируются не только образы объектов, участников и компонентов ситуации, но и отношения между ними, что можно рассматривать как случаи прагматического конструирования мира (см.: [Ирисханова, 2014, 27]).

Дж. Фоконье ставит акцент на связи между языком и миром, опосредованной мышлением. То, что часто называется действительностью, на самом деле является не более чем нашим представлением о действительности [Fauconnier, 1990]. Конструирование смысла, по Дж. Фоконье, происходит на когнитивном уровне, отличающемся от языкового и от моделей мира. Продуктом конструирования являются ментальные пространства – модели дискурсивного понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения в коммуникации, предполагающей постоянное добавление новых ментальных пространств и элементов в уже существующие пространства, их организацию и обеспечение связей между ними. Ментальное конструирование осуществляется за счет языковых средств, несущих разные типы информации: о конструктах пространств (space builders), о том, какое из них находится в фокусе внимания, лексическую, синтаксическую, прагматическую, риторическую информацию и так далее (см.: [Fauconnier, 1994, 23]).

Р. Лэнекер подчеркивает, что содержание, активируемое знаком, напоминает сцену, на которую мы смотрим. **Конструирование** – это особый способ видения сцены. На то, как мы ее видим, влияют *фокусирование* (focusing), то есть то, что выбрано взглядом,

перспектива – то, откуда мы смотрим (perspective), **детализация внимания** (specificity) и **выделенность** различных аспектов (prominence) (см.: [Langacker, 2000, 55]). То есть мы, конструируя ситуацию, можем смещать фокус с одного свойства объекта на другое, варьировать количество деталей, характеризовать участников и обстоятельства с разной степенью конкретности, привлекать различные фоновые знания и, что также важно, выделять объект, рассматривая его с разных точек зрения. В более ранней работе Р. Лэнекер рассматривал перспективу, используя понятие *точка обзора* (точка отсчета – viewpoint). Принцип когнитивной точки отсчета организует весь ментальный мир человека и проявляется на разных уровнях языка, во всех языковых феноменах [Langacker, 1993]. Роль когнитивных точек отсчета в организации ментального опыта человека велика и увязана с еще одним понятием – понятием выделенности (салиентности).

Объекты, попадаемые в фокус внимания и выдвигаемые на передний план, обладают большей салиентностью, чем находящиеся на заднем плане (см.: [Langacker, 2000, 6]). **Салиентность** (salience) свидетельствует об «остановленном внимании» и заинтересованности человека в выделении данного компонента (см.: [Кубрякова, 2004, 92]). **Когнитивная салиентность** – способность нашего сознания выделять разные аспекты конструируемого образа, «осознанный и контролируемый говорящим отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации о референте или коммуникативном событии» [Ирисханова, 2014, 29]. Это выражается в речевой деятельности в том, что говорящий выбирает те или иные языковые средства (как лексические, так и синтаксические: помещение в значимые позиции, повтор и так далее), которые, на его взгляд, наилучшим образом передают фокусируемые им свойства ситуации (объекта), значимые именно в данный момент, ad hoc. У. Чейф пишет о том, что привлечение внимания к определенной части текста способствует ее выделению [Чейф, 1983]. Помимо когнитивной салиентности лингвисты отмечают наличие **онтологической салиентности**, которая соотносится с более или менее постоянными свойствами мира (яркий цвет, рифма в прозаич-

ческом тексте, слово, написанное в тексте прописными буквами, и др.). Знания о ней хранятся в долговременной памяти, тогда как когнитивная салиентность обслуживается кратковременной памятью (см.: [Ирисханова, 2014, 29–30]).

Так как в разных языках закрепляются разные способы конструирования мира, можно предположить, что при парцеллировании, которое, на наш взгляд, является одним из оптимальных и универсальных средств, указывающих на салиентность, в разных языках будут выделяться разные свойства описываемых объектов / ситуаций.

С понятием салиентности тесно связаны понятия профиля и базы, траектора и ориентира или же фигуры и фона, терминологические пары, довольно близкие по значению. Последние наиболее значимы для когнитивного описания парцелляции. Понятия *фигура и фон* были заимствованы из гештальтпсихологии, в центре которой находится такое свойство психики, как организация опыта в доступное пониманию целое. Фигура выделяется нашим сознанием на фоне в силу своей значимости. Человек мыслит о фигуре, а не о фоне, поэтому их выделение носит субъективный характер и зависит от восприятия человеком событий, а также от того, как он их конструирует. Роль и место в восприятии фигуры и фона определяются личностными, социальными факторами, поэтому возможна обратимость этих феноменов.

В когнитивной лингвистике фигура и фон обозначают когнитивную и психическую структуру, характеризующую человеческое восприятие и интерпретацию действительности. Человек воспринимает и членит действительность, как уже было сказано, неравномерно: какая-то информация является для него неважной, а какая-то – новой, наиболее значимой в настоящий момент. Фигура – это тот компонент сцены, который при ее восприятии выдвигается на первый план и видится как объект с четкими и относительно стабильными границами. Фоном называют ту часть сцены, которая воспринимается как непрерывный диффузный континуум за / под фигурой. Л. Талми выявил следующие свойства фигуры: бóльшая подвижность, более простая форма, меньший размер; зависима

от окружения, однородная, определенная, четко организованная, находится поблизости, наверху или впереди, расположена на, над или перед фоном, симметрична, более значима, привлекает большее внимание. Фон описывается как бесформенный, неструктурированный, свободно организованный, без границ, он расположен далеко, внизу или позади, образует пространство под или за фигурой, асимметричен, незначим (см.: [Talmy, 1983, 230–232]). Фигура требует больших когнитивных усилий и приобретает большую салиентность, чем фон. В целом с помощью языковых средств можно создавать иерархию салиентности, то есть увеличивать или уменьшать ее степень. Фигурами являются «концептуализованные объекты или признаки, обладающие различной степенью онтологической и / или дискурсивной выделенности (салиентности)» [Ирисханова, 2014, 59].

Фокусирование и дефокусирование. Проблема фокусирования / дефокусирования находится в центре внимания синтаксических, семантических и коммуникативно-прагматических исследований. В лингвистической теории это противопоставление связывается с точкой зрения говорящего на ситуацию; его точка зрения становится обязательной, но переменной характеристикой ситуации, о которой идет речь: то, что для данного говорящего в данный момент существенно, для другого или того же говорящего через некоторое время может стать неважным.

Как справедливо отмечает О. К. Ирисханова, распределение информации – явление прагматическое и ситуативное, так как соотношение выделенности / невыделенности конструируется в процессе коммуникации. Фокус участвует не только в дихотомии «тема – рема», но и в градации по принципу «кодированное знание – подразумеваемое знание», «эксплицитное знание – инферируемое знание», что означает необходимость рассмотрения этой оппозиции в рамках не только различных теорий синтаксиса, но и когнитивной лингвистики, которая учитывает закономерности восприятия и обработки информации, структуры знаний участников коммуникации (см.: [Ирисханова, 2014, 177–180]).

Суммируя результаты многих исследований, О. К. Ирисханова предлагает свой список английских и русских синтаксических средств первичного и вторичного фокусов, а также средств дефокусирования, не претендуя на его окончательность (см.: [Ирисханова, 2014, 194–196]) и снабжая его полезными комментариями. Подводя итоги изучения процессов фокусирования в синтаксисе, автор замечает, что в разных языках существует более или менее универсальный набор средств (лексических, синтаксических, просодических), используемых для выдвижения или затемнения тех или иных аспектов описываемого положения дел. Большинство этих средств не могут рассматриваться как достаточные для выявления степени салиентности того или иного фрагмента синтаксической конструкции. В решении этой задачи необходимо учитывать совокупность разных критериев (онтологических и языковых). О. К. Ирисханова очерчивает круг средств, являющихся типичными для фокусирования: имена собственные, усилительные частицы, неопределенный артикль, клефты, конечная позиция при нейтральном порядке слов. «Хотя многие из этих средств по отдельности изучены довольно подробно, – подчеркивает исследователь, – проблема их комплексного межъязыкового сравнения еще ждет своего решения» [Там же, 243].

О. К. Ирисханова не включает парцелляцию в данный список, но и не претендует на полноту последнего. Мы же вслед за Т. ван Дейком считаем, что парцеллированные конструкции «являются предпочтительным синтаксическим средством привлечения внимания к информации, выводящей за рамки нормы, то есть к локально значимой информации» [Дейк, 2000, 61].

Выводы

Данная глава посвящена изучению вопросов, связанных с оптимизацией процедуры лингвистического анализа, обоснованию возможности эффективного применения междисциплинарной методологии, интегрирующей подходы когнитивной лингвистики и лингвосемиотики в исследовании парцелляции.

При осмыслении теоретико-методологических установок когнитивной лингвистики и лингвосемиотики выявляются общие черты этих двух направлений – их единый методологический базис, на который неоднократно указывали многие лингвисты (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Н. Б. Мечковская, А. С. Самигуллина, А. Ченки, D. F. Armstrong, R. J. Jorna, W. C. Stokoe, Sh. E. Wilcox и другие). Возможность интеграции лингвокогнитивных и семиотических практик анализа языковых фактов зиждется на близости объекта, исследовательских интересов, метода и методик анализа многогранной действительности языка, понятийного аппарата, на ориентированности на принцип антропоцентризма, междисциплинарность, ставшую с началом нового века научной аксиомой, на готовности к инкорпорированию новых знаний из других областей, на функционализме, интерпретационизме и экспланаторности.

В качестве инструмента лингвистического анализа парцелляции может использоваться ряд ключевых понятий, значимых для осмысления данного феномена, его природы и функционирования. К ним относятся: знак языка / речи, семиозис (первичный / вторичный), конструирование, салиентность, когнитивная точка отсчета (перспектива), распределение внимания, фокусирование / дефокусирование, фигура / фон.

Поскольку парцеллятный знак мыслится как трехчастная структура, включающая основу, парцеллят и финальную синграфему, используемую для расчленения единого целого на указанные конститuenty, мы обратились к анализу статуса данного пунктуационного знака и определили его как невербальный синграфический языковой знак, находящийся в отношениях взаимодополнительности с вербальными знаками и активно участвующий в пространственной и смысловой организации текста. Несмотря на универсальность синграфических знаков в разных языках, следует отметить, что организация и функционирование их систем ориентируются на разные сочетаемости синтаксического, интонационного и семантического принципов, в связи с чем вполне ожидаемо выявление различий в его использовании в качестве организующего элемента парцеллированного построения.

3. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В КОГНИТИВНО- СЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Настоящая глава посвящена рассмотрению парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте: уточняется объем понятия «парцелляция», предлагается и обосновывается введение понятий «парцеллема», «парцеллографема», «парцеллятная пунктуационная сетка» и других; выводится инвариантная модель парцеллемы; парцеллятная «упаковка» рассматривается как средство повышения помехоустойчивости; выявляются составляющие парцеллятной сетки и их функциональная нагрузка, а также исследуются конструктивные свойства парцеллем. Предлагается классификация парцеллем по локализации парцеллята, по количеству парцеллятов в парцеллеме; построены ее модели. Перечисленные параметры были проиндексированы во французском и русском корпусах и сопоставлены для выявления значимых сходств, расхождений и специфики.

3.1. Когнитивно-семиотическая природа парцеллятного знака

3.1.1. Когнитивно-семиотическая трактовка парцеллятного знака

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурно-семантическом аспекте

обозначаемого им явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода, мы не можем не признать, что данные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые мы вкладываем в понятие парцелляции. В связи с этим в рамках настоящей работы в качестве рабочего термина используется термин «парцеллема».

Под парцеллой мы понимаем сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии – фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Предлагаемый термин имеет два значения. Во-первых, это эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей, реально не существующих, но выводимых на основе выявления общих черт их вариантов. Другими словами, парцеллема в первом значении есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов – конструкций с парцелляцией. Во втором значении парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе.

В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает ее парцеллой, – парцеллографему²⁸, под которой мы понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Как было установлено, парцеллографема является знаком, значение которого *в языке* можно сформулировать как *наиболее важное, новое в текущем выражении*. Это – стабильная часть семантики данного знака. Попадая в «когнитивный котел»²⁹ – дискурс, где и происходит смыслообразование, лингвосемиозис, парцеллографема приобретает конкретные *дискурсивные смыслы* (переменная часть семан-

²⁸ Применение термина «парцеллографема» оправдано, на наш взгляд, как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, используемой в настоящей работе, так и в связи с необходимостью функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции.

²⁹ О дискурсе как о «когнитивном котле» см.: [Алефиренко, 2008, 77].

тики знака), связанные с актуализацией ее значения и дискурсивной интерпретацией. Дискурсивные смыслы – это бесконечное множество интерпретаций, которые невозможно каталогизировать, поскольку в каждом конкретном случае выявление и содержание этих смыслов будут зависеть от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенции и так далее.

В большинстве случаев парцеллема имеет конвенциональный характер, то есть является закрепленным языковой нормой специфическим способом построения образа объекта / ситуации. Именно этот знак представляется говорящему в текущий момент оптимальным для конструирования образа.

Выделяя тот или иной его аспект посредством того или иного типа парцеллемы, продуцент речи при этом имеет определенную свободу выбора.

Мы трактуем парцеллему как сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Это переплетение двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату – распознавать широкий диапазон контекстуально обусловленных смыслов.

Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря п а р ц е л л я ц и и – специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конституенты. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы – парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конституентом – п а р ц е л л я т о м, начинающимся с заглавной буквы. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения аттенционального фокуса на парцеллят.

Архитектура этого построения схематически изображена на рис. 1³⁰.

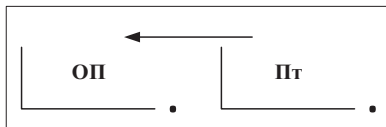

Рис. 1. Инвариантная модель парцеллемы.

Здесь и далее на рис. 2–11 **ОП** – основа парцеллемы;

- – парцеллографема (инвентарь парцеллографем включает четыре знака: точку, вопросительный и восклицательный знаки и многоточие) и постпарцеллятная финальная синграфема; **Пт** – парцеллят;
← – направление синтаксической зависимости
и ретроспективный характер восприятия (см. подраздел 3.1.2)

В этой структуре парцеллографеме суждено играть организующую (перевод из канонизированного сентенционального знака в парцеллятный) и смыслорегулирующую роль.

Постоянным свойством основы парцеллемы является наличие, по крайней мере, одного грамматического предиката (как правило, распространенного).

В отличие от основы *парцеллят* может представлять собой актант (за исключением актанта – одиночного грамматического подлежащего³¹), сирконстант, атрибут или так же, как и основа парцеллемы, содержать предикативную основу.

В ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором, в соответствии с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллографеме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Декодирование парцеллографемы восстанавливает прогнозируемые, объективно порождаемые на основе трансформации словесные конститuenty.

Рассмотрим следующий ниже пример, взятый из статьи, в которой автор рассуждает о празднике 1 Мая – о том, как его отмечали

³⁰ Здесь мы ограничиваемся инвариантной моделью. Варианты модели будут рассмотрены в подразделе 3.2.2.

³¹ Возможны случаи парцелляции однородных подлежащих.

раньше и отмечают сейчас. Красной нитью в статье проходит критическое отношение автора к традиции проведения Первомаи за городом, на приусадебных участках, в заботах о будущем урожае.

Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «обрасти жирком». Чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам. Чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днем битвы за урожай (АиФ. 2014. 30 апр.).

Графическая операция расчленения на основу парцеллемы и парцелляты посредством парцеллографемы кодирует смыслы, расшифровка которых становится возможной постольку, поскольку такое кодирование произведено автором намеренно, с учетом смыслокомпрессионного потенциала парцелляции. Смысловой доминантой этого фрагмента являются индивидуально-авторское представление праздника, возрастающее негодование и гнев по поводу сложившейся в «голодные годы» традиции, которая, несмотря ни на что, существует и поныне. Парцеллографемы – знаки, нацеленные на *активацию* этого смысла при интерпретации. Повтор союза «чтобы» и параллелизм придаточных предложений выполняют интегрирующую функцию и повышают экспрессивность всей конструкции. Автор статьи создает яркий контраст между «реальным праздником» – нерабочим днем, днем отдыха, когда стол можно накрыть, купив необходимые продукты по «вменяемым ценам», и Первомаем таким, каким он его видит в действительности – днем вынужденной «битвы за урожай». Элиминация вербальных знаков, смысл которых можно, например, сформулировать следующим образом: «Обратите внимание! Я возмущен сложившейся ситуацией. Так не должно быть» (план содержания), сопровождается инкорпорированием невербального знака – парцеллографемы – неканонизированного средства, позволяющего заострить внимание на выделенной в парцелляте информации. Инферируемый выше смысл представляет собой смысл, приращенный к кодифицированному «наиболее важное, новое в текущем выражении». Мы согласимся с мнением Л. А. Нефедовой, что «сконцентрированность информации достигается благодаря использованию имплицитности»

[Нефедова, 2013, 31], а также с мнением М. В. Никитина, что имплицитные приращения смысла могут значительно превосходить эксплицитные в суммарном объеме информации, извлекаемой из языковых выражений; «имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними, модифицируя суммарное содержание высказываний» [Никитин, 1988, 10]. Выведенная инференция может быть дополнена другими, основанными на жизненном опыте интерпретатора.

Применение парцеллятного кода, таким образом, ведет к расширению объема передаваемой информации при условии, конечно, адекватного ее распознавания и интерпретации. Наблюдаемое нарушение корреляции планов выражения и содержания в яркой форме демонстрирует гибкость данной единицы, экспрессивный и лингвокреативный потенциал, способность порождать новые смыслы, используя, так сказать, «подручный материал». Парцеллятная конфигурация текста является более динамичной и, судя по всему, обладает большим перлокутивным воздействием на адресанта.

Прием реинтеграции парцеллятов в основную часть, элиминация парцеллографем приводят к обеднению содержания конструкции, снижению экспрессивности, частичной потере индивидуально-личностного смысла, закладываемого автором: «Я хочу, чтобы нам наконец-то дали “области жирком”, чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам, чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днем битвы за урожай».

Депарцеллированная структура, во-первых, не передает в полной мере эмоций автора (возмущение, негодование) и не заостряет на этом аспекте внимания; во-вторых, становится менее динамичной, более плавной (изменение ритмо-мелодического рисунка).

Итак, включение парцеллографемы в семиотическую структуру сентенционального знака приводит к усложнению плана содержания. При этом в плане выражения наблюдается компрессия: экономия вербальных знаков образует «смысловые скважины», которые заполняются смыслом, активизируемым невербальным знаком.

Эффект, производимый парцеллемой, строится на *конфликте между визуально-графическим (пунктуационным) и семантико-синтаксическим аспектами, на нарушении контекстного ожидания*. Финальная синграфема, обычно означающая завершение одной самостоятельной структурно-семантической единицы и переход к следующей, в составе парцеллемы меняет свое назначение: разрывая линейную последовательность графических вербальных знаков, она выделяет наиболее значимый с точки зрения автора информационный отрезок. Такая функциональная трансформация указывает на *амбивалентную, деструктивно-конструктивную природу парцелляции*.

Как установили когнитивные психологи, парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он *деавтоматизирует и стимулирует внимание* к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциональном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации. Выбирая парцеллятную аранжировку высказывания, субъект полагает, что *в данном случае и в данный момент она является оптимальным средством, способным представить описываемую ситуацию в соответствии с авторским восприятием (интенцией)*: в фокус внимания вынесены именно те объект / отношение / аспект ситуации, которые ему представляются наиболее значимыми. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, как субъект «сканирует» описываемую сцену, как он воспринимает наблюдаемые объекты и события и как их конструирует.

В приведенных ниже примерах фокус внимания «наведен» на темпоральный (пример 1) и каузальный (пример 2) аспекты ситуации.

1. Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro. 2013. 11 avr.).

2. Сейчас этот контакт начинает опять теряться. *По вине обеих сторон* (Российская газета. 2001. 18 мая).

В примере 1 парцеллярная подача говорит о выраженной субъективной интерпретации действительности. Наблюдающий выделяет временной промежуток, прошедший между тем моментом, когда министр внутренних дел Мануэль Вальс изучил содержание экспертизы (якобы в момент производства), и моментом реально-го ознакомления (*Через два месяца*), что имплицитно указывает на расхождение между тем, что утверждает министр, и действительным положением вещей. Многооточие после парцеллярта также указывает на неоднозначный временной разрыв и способствует построению различных инференций.

В примере 2 фокусируется причина потери контакта между компаниями. Судя по предпочтению парцеллярного оформления высказывания, продуцент речи, конструируя ситуацию, не только эксплицитно накладывает вину в происходящем на обе стороны, но и настаивает на их обоюдной ответственности. Именно это обстоятельство представляется наиболее значимым в данном сообщении с его точки зрения. Оставаясь «за кулисами», вне фокуса, продуцент таким образом выводит в фокус внимания свое собственное восприятие ситуации, ставит акцент на том, как он сам ее видит и переживает (интерпретирует). Парцелляция, не меняя объекта, позволяет «скорректировать» фокус внимания на субъективности суждения.

Итак, выделенные парцеллографемой фрагменты обнаруживают *субъекта конструирования*:

- то, как он *воспринимает, интерпретирует ситуацию* (объект конструирования), что именно представляется ему значимым в этой ситуации;

- в какой степени он *чувствует себя вовлеченным в нее / оценивает со стороны* как наблюдатель;

- какой он *хочет представить эту ситуацию* получателю речи.

Результатом аттенционального фокусирования становится распределение на фигуру и фон. В предпарцеллярной структуре, которую можно восстановить при помощи теста реинтеграции, выде-

ленные сегменты служат фоном, вторичным фокусом или в фокусе находится иной аспект значения:

– Lui assure qu’il a appris le contenu de l’enquête deux mois plus tard, au moment de la production du rapport d’expertise (пример 1);

– Сейчас этот контакт начинает опять теряться по вине обеих сторон (пример 2).

В примере 1 парцеллят, вернувшийся «на свое место», представляет собой фон, контекст ситуации, в котором характеризуется обстоятельство (это его обычная функция); воспринимается с меньшими когнитивными затратами и рассматривается продуцентом речи как менее значимый. Слова министра под сомнение не ставятся. В примере 2 парцеллят «по вине обеих сторон» находится в приоритетной конечной, а значит, фокусной позиции. Суждение представляется более объективным, нежели в парцеллятной презентации.

Рассмотрим еще примеры.

Voilà, vous savez tout. Mais le plus beau c’est que je skie depuis ce week-end. *Un peu. Doucement. Précautionneusement. Amoureusement* (Le Figaro. 2014. 15 jan.).

Первомай вернулся к своей норме. *Петровской. Чеховской. Советской* (АиФ. 2014. 30 апр.).

Здесь мы наблюдаем распределение на несколько фокусов, каждый из которых в одинаковой мере значим для продуцента речи, а потому выделен в отдельный парцеллят.

Следовательно, в парцеллятной аранжировке происходят:

1) *перераспределение фокуса внимания*, и этот механизм сопровождается обращением фигуры и фона;

2) *корректировка фокуса внимания*;

3) *расщепление на множественные фокусы внимания*.

Выделенные в особую, парцеллятную, позицию сегменты приобретают признак салиентности благодаря своей визуальной (перцептивной) очерченности, замкнутости в определенных графических границах; конфликт между пунктуацией, синтаксисом и семантикой на границе основы и парцеллята (искусственное прерывание

связи) обращает их в фигуры или корректирует / расщепляет аттенциональный фокус, указывая на то, как сознание продуцента речи членит конструируемую ситуацию на фокусные и нефокусные сегменты. В этом контексте парцелляция может рассматриваться в качестве средства «регулирования» степени салиентности: от минимальной (фон и вторичный фокус в основе парцеллемы) до максимальной (первичный фокус в парцелляте). Это предположение подтверждается также рассмотренными в предыдущей главе свойствами фигуры, реализующимися в парцелляте: он имеет *более простую форму, часто меньший размер*, что верифицировано при помощи корпусного метода, *зависим от окружения* (подчинен основе или координирует с ней, но функционировать самостоятельно не всегда способен), *находится в линейной цепи «вперед» по отношению к основе, более значим и привлекает внимание*. Его декодирование требует *бóльших когнитивных усилий*, чем основа.

3.1.2. Парцеллографема и парцеллятная сетка

Используемая в письменной речи парцеллографема вступает в отношения интеграции с графическими вербальными знаками, что позволяет ей участвовать в организации пространственно-смыслового континуума текста. «Поведение» финальных синграфем в функции парцеллографем в действительности выглядит вполне предсказуемым и связано со спецификой пунктуационной системы, к которой они относятся, с ее функционально-адаптивным характером, то есть со способностью к *самонастраиванию*, приспособлению к условиям функционирования путем изменения самой своей структуры (см.: [Шубина, 2006, 38]). Реагируя на происходящие в практике информирования изменения, система регулирует инструментальные способы оформления текста. Эта мысль находит подтверждение в теории Г. Гийома: «Идея не может для себя избрести соответствующий знак, однако в имеющейся семиологии она может найти для себя такой знак, который может быть ей передан и который, *не будучи создан специально для нее, может ей*

соответствовать при условии потери прежнего соответствия» (курсив наш. – Ю. Б.) [Гийом, 2010, 74]. Выводя закон психосемиологии, ученый пишет: «В семиологической системе царит свобода. <...> Единственным законом ее построения являются точность и достаточность. Таким образом, в области семиологии следует ожидать любопытных и неожиданных комбинаций средств обозначения. Семиология везде показывает нам чрезвычайное богатство комбинаторики» [Там же, 75]. Выведенный Г. Гийомом закон, на наш взгляд, во многом объясняет использование финальных синграфем для построения парцеллемы, аттенциональные и смысловые сдвиги, которые оно влечет за собой.

Парцеллятная конфигурация текста максимально приспособлена к конкретной коммуникативной ситуации и намерениям отправителя текста. Устранение парцеллограммы или ее замена на другую синграфему, как мы убедились выше, неизбежно сокращают информационный объем сообщения и приводят к смещению фокуса внимания.

На данном этапе обратимся к рассмотрению инвентаря парцеллографем и того, как они функционируют в речи.

Инвентарь парцеллографем включает знаки – символы конца предложения: *точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие* и допускает *их комбинации*. В конструировании парцеллемы участвуют как минимум два знака: левосторонний знак после основы – парцеллографема и правосторонний, постпарцеллятный знак. В случае двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений количество знаков, соответственно, увеличивается.

Парцеллограммы вкупе с постпарцеллятными знаками образуют *парцеллятную сетку*, накладывающуюся на вербальные знаки, влияющую на их иерархизацию и регулирующую их восприятие.

Анализ корпуса позволил выявить различные типы парцеллятной графики, которые можно объединить в две группы.

Группа 1 – случаи функционирования парцеллем с единой парцеллятной сеткой.

Группа 2 – случаи с комбинированной parcelлятной сеткой. Здесь мы выявили две подгруппы комбинаций:

– комбинация точки (как наиболее частотного знака для оформления parcelлемы) и другого знака;

– комбинация других знаков.

Выделенные типы были проиндексированы в корпусе.

3.1.2.1. Единая parcelлятная сетка (ЕПС)

Отличительной чертой parcelлем с единой parcelлятной сеткой является единообразная, бесконфликтная с точки зрения целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировка parcelлемы (точками, многоточиями, восклицательными или вопросительными знаками).

Наиболее частотным типом, как и следовало ожидать, является ЕПС из двух и более точек (рис. 2).

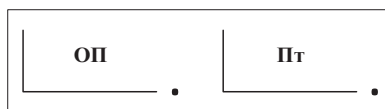

Рис. 2. Единая parcelлятная сетка с точками

Dans ce sombre tableau, le gouvernement a tout de même voulu apporter une petite lueur d'espoir. *D'abord en évoquant la campagne vaccinale, qui devrait s'accélérer* (Libération. 2021. 1 mars).

Попытался сбежать – наказывать. *Нудно объясняя, что фильм гениален* (АиФ. 2014. 29 окт.).

Реже встречаются пунктуационные parcelлятные сетки восклицательных или вопросительных знаков, многоточий, которые маркируют коммуникативные перспективы частей parcelлемы. К значению parcelллографемы «наиболее важное, новое в текущем выражении» добавляются значения, свойственные этим знакам. Назовем их специализированными, поскольку каждый из них является носителем дополнительной информации об определенном спектре значений, которые в дискурсе «разворачиваются» во множество смыслов. Восклицательный знак кодирует эмоциональную

окраску предложения, «выливающуюся» в восклицательную интонацию, свидетельствующую о *непосредственно переживаемой* и сопровождающей конкретное высказывание *яркой эмоции*. Диапазон кодируемых эмоций широк, и их декодирование напрямую зависит от контекста и поддерживается другими кодами: лексическими, синтаксическими и метаграфическими. Сказанное во многом справедливо для вопросительного знака и многоточия, с той лишь разницей, что вопросительный знак кодирует целевое назначение предложения – вопрос (в случае парцелляции обычно риторический, часто сопровождающийся теми или иными эмоциями). Код многоточия несет информацию о недосказанности или переживаниях субъекта, то есть тоже обладает экспрессивным значением.

Специализированные знаки создают определенный, нетипичный графический «рельеф», что не может пройти незамеченным для реципиента. С другой стороны, их использование должно быть уместным, то есть знаки действительно должны соответствовать кодируемой информации, иначе они вызовут сбой в восприятии.

Итак, в ЕПС специализированные знаки кодируют речь эмоциональную, напряженную, динамичную, и их использование часто обязано авторскому намерению сохранить аналогичный непротиворечивый интонационно-ритмический рисунок в обеих (всех³²) частях парцеллемы.

Применение ЕПС данного типа, как и комбинированных парцеллятных сеток, еще более явно очерчивает присутствие субъекта конструирования, его отношение к описываемому объекту / положению дел и высокую степень вовлеченности в ситуацию. Полагая, что тот эмоционально-экспрессивный заряд, который несут подобные парцеллятные сетки, направлен на создание эффекта непосредственной, спонтанной «живой разговорной речи», а значит, выполняет *фатическую функцию*, успешность реализации которой обеспечивает в итоге более высокий *перлокутивный эффект*, столь востребованный в массмедиа.

³² Имеются в виду случаи с двумя и более парцеллятами.

Следует сразу же отметить, что не все выявленные варианты ЕПС свойственны обоим языкам (см. сводную таблицу распределения частотности в конце данного подраздела).

Перейдем к анализу вариантов ЕПС.

ЕПС с вопросительными знаками строится по схеме, приведенной на рис. 3.

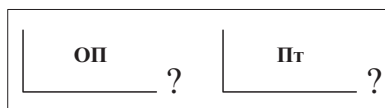

Рис. 3. Вопросительная единая парцеллятная сетка

Такая сетка накладывается на достаточно разнородные парцеллемы, часто встречается в вопросах риторических, делиберативных, оформляет авторские размышления, но также может передавать богатую палитру разнообразных эмоций: неудовольствие, возмущение, растерянность, раздражение, иронию, удивление, пренебрежение и так далее, что способно оказывать эмоционально-психологическое воздействие на получателя сообщения.

В приведенном ниже примере автор сначала накладывает ответственность за военные действия в Турции на общество и его руководителей, но затем корректирует свою позицию в парцелляте: ответственность переносится на самих жителей Турции, постоянно провоцирующих внутренние военные конфликты.

C'est la faute à la société, à ses dirigeants? Ou à eux-mêmes?
(Le Monde. 2013. 26 juin).

Аналогичный механизм запускается и в следующем примере.

Что за этим снижением стоит: удобство для поражения цели?
Или это потребовалось, чтобы развести его с каким-то другим бортом, который в тот момент шнырял рядом? (Московский комсомолец. 2014. 21 июля).

В двух- и полипарцеллятных конструкциях происходит расщепление фокуса внимания, что может привести к некоторой модификации назначения вопросительной парцеллятной сетки.

В следующем далее примере вопросительная парцеллятная сетка призвана объединением ряда парцеллятов подчеркнуть значимость каждого из них. Вопросительная интонация сопровождает каждый сегмент, отмеченный этим знаком.

Va-t-il écrire un roman? *Des Mémoires? De la science-fiction?*
(Le Monde. 2013. 25 juil.).

Автор гадает, что же именно будет создавать писатель, и вовлекает в процесс выдвижения гипотез адресата. Совершенно не обязательно, что это будет *science-fiction*, размещенный в последнем парцелляте. Здесь автору важно равномерно распределить внимание адресата «наведением» фокуса на все три предположения. Таким образом создается эффект интриги, которая утрачивается при депарцелляции: *Va-t-il écrire un roman, des Mémoires, de la science-fiction?*

Элиминация парцеллографемы изменяет ритм и интонацию высказывания: из прерывистой, повышающейся в конце каждого отрезка, она переходит в плавную, перечислительную. Повышение тона касается только конечной части высказывания. Салиентность сегментов *un roman? Des Mémoires?* снижается. Вопрос в депарцеллятной аранжировке задается ко всему высказыванию. Основной фокус сдвигается к *va-t-il écrire*. Таковы последствия снятия вопросительной парцеллографемы.

Аналогичные эффекты наблюдаются и здесь:

Я воевал? *Вынес командира из-под огня? Подорвал вражеский танк подручными средствами?* (АиФ. 2014. 6 мая).

Риторические вопросы часто становятся проводниками тех или иных эмоций. Например:

– растерянности по поводу дальнейших действий:

Что же делать нашим соотечественникам-католикам, которые разбросаны по всей нашей необъятной родине? *Переходить в православие? Или в протестантизм?* (Московский комсомолец. 2002. 9 мая);

– возмущения:

Неужели лидеры еврогосударств хотя бы из любопытства, а не по должности не заглянули ни разу в хранилища ядерных зарядов? *He ужаснулся возможному?* (АиФ. 2014. 17 сент.).

Довольно частотны парцелляты, сужающие, уточняющие или, наоборот, расширяющие (реже) семантику лексем, на которые первоначально наводится фокус внимания в основе.

Est-ce la France qui était visée? Ou tout simplement un lieu de liberté de création très prisé d'une frange de la jeunesse? (Le Monde. 2014. 12 déc.).

А своих детей вы видите в будущем музыкантами? *Готовите к профессиональной музыкальной карьере?* (АиФ. 2013. 26 апр.).

Интерпретация каждого конкретного высказывания опирается как минимум на локальный контекст, но часто захватывает и глобальный контекст, дающий более полную информацию для декодирования.

Следующая схема, которая реализуется только в русском корпусе, – ЕПС с восклицательными знаками (рис. 4).

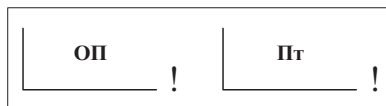

Рис. 4. Восклицательная единая парцеллятная сетка

1. Его создала сама любовь! *И архитектор Анатолий Андреев!* (Российская газета. 2003. 6 сент.).

2. Государство вам поручило! *Доверило!* (АиФ. 2014. 9 июля).

3. Теперь на Земле ты будешь сидеть в психушке! *Или даже в тюрьме! Будешь сидеть!* (АиФ. 2014. 6 марта).

4. А он сам скоро туда придет! *Потому что даже у него терпение лопнет!* (АиФ. 2013. 13 нояб.).

Восклицательная парцеллятная сетка кодирует сильный эмоционально-экспрессивный заряд. На первый план выводится эмо-

циональное возбуждение говорящего. В приведенных выше примерах кодируются такие эмоции, как восхищение (пример 1), негодование (пример 2), гнев, сопровождающийся угрозой (пример 3), возмущение (пример 4). Дублирующий восклицательный знак способствует передаче и других разнообразных ярких эмоций (к слову, чаще негативных, нежели позитивных): радости, сомнения, удивления, недоумения, осуждения, в том числе иронического, возмущения, ярости и так далее. Замечено, что довольно часто проявление эмоций, кодируемое восклицательными ЕПС, сопровождается восходящей градацией в парцелляте (примеры 2 и 3).

Следующая схема оформления парцеллемы включает многоточия (рис. 5).

Рис. 5. Единая парцеллятная сетка с многоточием

Единая парцеллятная сетка с многоточием – специфическая черта русского корпуса; во французском корпусе она не представлена.

Парцеллемы, построенные с использованием многоточий, обогащаются рядом разнообразных смыслов, чаще всего эмоциональных. Н. С. Валгина называет многоточие знаком эмоционального, психологического напряжения, «позволяющим скрыть мысль, не дать ее обнаженно и вместе с тем наметить перспективы в восприятии и осмыслении текста» [Валгина, 2003, 128]. Многоточия способны передавать недосказанность мысли, указывают на эмоциональное состояние говорящего, а также на многозначительность сказанного, на контраст, на другой, скрытый, смысл, о котором нужно догадаться, и так далее. В нашем корпусе эта модель встречается довольно редко. Имеющиеся примеры реализуют значения эмоционального состояния «горе по поводу утраты близкого человека» и др.

Умер... В реанимации... Словно сама жизнь противилась его уходу. Но его не стало (Российская газета. 2014. 4 февр.).

В данном примере многоточия создают прерывистый характер речи, эксплицируют ее затрудненность, вызванную эмоциональными переживаниями по поводу смерти известного композитора. За этой парцеллятной сеткой – горе близких композитору людей.

В следующем примере парцеллятная сетка с многоточиями передает те смыслы, которые говорящему уже трудно выразить словами:

Я стараюсь жить так же... Но до силы духа бабушки мне карабкаться и карабкаться... (АиФ. 2013. 9 мая).

3.1.2.2. Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)

Группа парцеллем с комбинированной парцеллятной сеткой распадается на две подгруппы: а) комбинацию точки с другими знаками и б) комбинацию знаков без точки. Варианты этих комбинаций разнообразны и суммарно составляют примерно 1/10 часть в обоих корпусах от общего количества парцеллем (9,08 % – во французском корпусе и 12,45 % – в русском). Однако одни из них более продуктивны, другие – менее.

Парцеллографема точка + другой знак

Итак, первую подгруппу составляют парцеллемы с парцеллографемой точка в комбинации с другими знаками в постпарцеллятной правосторонней позиции. Следует отметить, что эта подгруппа более многочисленная, чем вторая, где точка занимает постпарцеллятную позицию. Мы усматриваем у этого преобладания три причины:

1) парцеллографема точка – более частотный, узнаваемый знак, в связи с чем ее активируемые смыслы проще и привычнее декодировать;

2) вопросительный, восклицательный знаки и многоточие кодируют определенный интонационный контур того или иного сегмента (основы или парцеллята), который приписывается одному из сегментов и не поддерживается в другом. Несоответствие пунктуационного оформления – тоже знак, говорящий о том, что приращенные смыслы приписываются только одному из сегментов. Более того, эти смыслы легко входят в конфликт или контрастируют

со смыслами, активируемыми вторым (другим) сегментом. Таким образом, не только интонационный контур, но и сама семантика знака существенно усложняются. Подобным средством можно воспользоваться только в определенных контекстуальных условиях и в четко спланированной заранее парцеллятной презентации сообщения;

3) еще одна причина может заключаться в том, что точка активирует практически любые смыслы, тогда как вопросительный, восклицательный знаки и многоточие являются более «специализированными» знаками, что ограничивает их дискурсивно-смысловой спектр.

Это предположение можно верифицировать в корпусе.

Для проверки гипотезы мы включили в репрезентативную выборку газетные тексты объемом около 1 280 000 слов на французском языке и столько же – на русском.

Частотность интересующих нас знаков отражена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Частотность пунктуационных знаков,
используемых в газетных текстах**

Корпус	Всего знаков в текстах	Точка		Многоточие		Вопросительный знак		Восклицательный знак	
		АП	ОП, %	АП	ОП, %	АП	ОП, %	АП	ОП, %
Французский	55 464	49 958	90	1 338	2,4	2 982	5,4	1 186	2,2
Русский	67 188	57 718	86	1 606	2,3	5 148	7,7	2 716	4,0

П р и м е ч а н и е. АП – абсолютный показатель; ОП – относительный показатель в процентах от общего количества знаков.

Следует признать, что мы получили весьма любопытные данные.

Первый вывод, который можно сделать, касается частотности знаков: статистика ясно говорит о том, что во французских газетных текстах частотность использования финальных синграфем

ниже примерно на 10 %, чем в русском (55 464 и 67 188). Следовательно, и размер французского предложения – больше. Действительно, подсчеты показывают, что среднее французское предложение составляет примерно 23 слова, тогда как в русском – 19 слов³³. Полагаем, что причиной этой разницы может быть аналитический строй французского языка, в котором отношения между словами регулируются порядком слов и предлогами, в то время как в русском – падежными окончаниями, предлогами и (в меньшей степени) порядком слов. Наличие артиклей перед существительными также увеличивает количество слов. Например: писать ручкой – 2 слова; *écrire avec un stylo* – 4 слова. Поэтому разница в данном показателе представляется вполне закономерной.

Второй вывод основывается на информации о распределении частотности использования анализируемых синграфем, которая, как мы видим, практически совпадает в двух языках. Незначительные расхождения фиксируются в употреблении знака точка: 90 % во французских текстах и 86 % – в русских. Практически совпадает в относительном исчислении частотность знака многоточие (разница составляет всего 0,1 % из 100 %!). Чувствительно реже (примерно на треть и половину) используются вопросительный и восклицательный знаки.

Полученные данные убедительно говорят о том, что пунктуационная графика, или пунктуационный «рельеф», синграфем (по крайней мере, финальных) в газетных французских и русских текстах в целом идентичны. Более редкое использование вопросительных и восклицательных знаков, очевидно, означает, что их функции во французских текстах перекладываются на знак точка. Эти данные мы позднее сравним с распределением знаков в парцеллеме.

³³ Аналогичное исследование было проведено в 2012 году на материале новостных текстов Lenta.ru, NewsRu.com и некоторых других интернет-изданий. Число слов в таблоидах в ряде случаев падает до 12 и менее, в Lenta.ru составляет около 15, в NewsRu.com – около 18,5, а в деловых газетах возрастает до 30. См.: Roem.ru : [сайт]. URL: <https://roem.ru/12-03-2012/125972/amzin-issledoval-prostotu-smi/?c> (дата обращения: 15.06.2021). Эти данные, как мы видим, не противоречат и нашим результатам, полученным на материале респектабельных и массовых газет.

Вернемся к комбинированным парцеллятным сеткам.

Схемы, приведенные на рис. 6–8, и примеры к ним иллюстрируют комбинаторные возможности парцеллятной сетки, «вбирающей» в себя потенциал заложенных в каждый конкретный знак значений и регулирующих интонационный рисунок парцеллемы.

Особенностью КПС с парцеллографемой-точкой является то, что парцеллят помимо описанных ранее возможностей приобретает иной, чем основа, интонационный контур, зависящий от право-сторонней постпарцеллятной синграфемы.

Рис. 6. Комбинированная парцеллятная сетка: тип . / ...

Il faut le lire et l'en remercier. *Sans rancune*... (Le Monde. 2014. 20 févr.).

Это все равно что выпустить из тюрем уголовников и поместить их статьями Уголовного кодекса. *Декларируя, что у каждого гражданина есть свободный выбор: обходить неудобного стороной или...* (АиФ. 2014. 4 июня).

Рис. 7. Комбинированная парцеллятная сетка: тип . / !

Leurs conclusions sont édifiantes. *Et malheureusement toujours d'actualité!* (La Tribune. 2013. 6 déc.).

Разве могло начальство предположить, что этот обаятельный человек в свободное от работы время копает себе дорогу на волю. *Обычным строительным мастерком!* (Российская газета. 2002. 24 окт.).

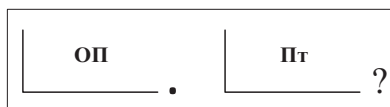

Рис. 8. Комбинированная парцеллятная сетка: тип . / ?

Fragilisée, l'Afrique des années 1940 est décrite, en prime, comme «sous-peuplée». *Alors même que l'Europe, sortie exsangue de la guerre, a besoin de bras?* (Le Monde. 2014. 22 oct.).

Попытка засчитывается. Или, все-таки, нет? (АиФ. 2014. 21 марта).

Парцеллографема другой знак + точка

Вторую подгруппу составляют парцеллемы с парцеллографемой другой знак в комбинации с точкой в постпарцеллятной право-сторонней позиции. Анализ корпуса позволяет утверждать, что эти модели, несмотря на их периферийность и невысокую частотность, представлены во всех возможных комбинациях. Наиболее продуктивными во французском корпусе являются комбинации многоточия и точки, а в русском – восклицательного знака и точки.

Схемы, приведенные на рис. 9–11, и примеры к ним иллюстрируют комбинаторные возможности данной модели.

Рис. 9. Комбинированная парцеллятная сетка: тип ... / .

En cette veille de Noël familial, gageons que vous avez déjà fêté l'évènement au bureau... *Ou dans une salle de spectacle avec vos collègues et patrons* (La Tribune. 2013. 22 déc.).

Сейчас Глазьев держится на трибуне раскованнее, пиджак расстегнут... *Как у Зюганова* (Московский комсомолец. 2003. 1 янв.).

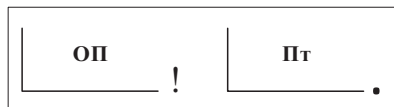

Рис. 10. Комбинированная парцеллятная сетка: тип ! / .

Il va lui falloir calmer les esprits! *Surtout que les lendemains risquent d'être difficiles* (La Tribune. 2012. 6 mai).

Как птичка, на сцену выпорхнет депутатка. И скажет:

– Я долго думала и решила сделать подтяжку! *Круговую* (АиФ. 2014. 1 окт.).

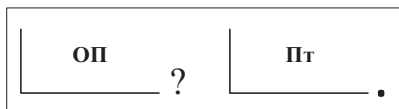

Рис. 11. Комбинированная парцеллятная сетка: тип ?/.

Примеры, реализующие данную схему, обнаружены только в русском корпусе.

Если бы экономика работала нормально, очень скоро бедность пошла бы на убыль, согласны? *Потому что было бы больше рабочих мест, больше доходов, и люди жили бы лучше* (Российская газета. 2003. 2 сент.).

Интересно, как будет вспоминаться нынешнее время? *Если, конечно, будет кому вспоминать* (АиФ. 2014. 5 нояб.).

Группа КПС без участия точки

Парцеллемы, на которые наложены парцеллятные сетки разных знаков, без участия точки крайне редки и составляют периферию. Их общее свойство – динамизм, способность передачи резкой смены эмоций, чувств и – иронии. В коротких парцеллемах они также кодируют сильное эмоциональное напряжение, возбужденность продуцента речи.

В приведенных ниже примерах комбинированные парцеллятные сетки имитируют ход авторских рассуждений, размышлений.

Encourageant non? Surtout dans ces temps de dérapages verbaux à l'angle des couloirs... (La Tribune. 2013. 22 déc.).

Hollande, Valls, Taubira... Le président de la République, le ministre de l'Intérieur et la garde des Sceaux pouvaient-ils ignorer la réalité du dossier Cahuzac? (Le Figaro. 2013. 11 avr.).

Autant de combats héroïques, mais perdus... Sans parler de Dien Bien Phu! (Libération. 2005. 31 déc.).

И пошло-поехало! *По проторенному, по накатанному...* (АиФ. 2014. 19 февр.).

Неужто не сыскали в свое время равных по смыслу слов русских? *Или хитро предполагалось: назовем по не-нашему и сразу станем полноправной частью Европы? А наш прекрасный-распрекрасный рубль – полновесной денежной единицей!* (АиФ. 2014. 19 нояб.).

Разные знаки могут кодировать переход от восхищения к более здравому иронизированию (1), позволять усиливать иронию в шутовом риторическом вопросе (2), создавать интригу и так далее (3), (4).

(1) Это чудо! Или «магический реализм»? (АиФ. 2014. 22 апр.).

(2) Что нам стоит дом построить? Дешевый! (АиФ. 2013. 24 апр.).

(3) Il veut devenir le seigneur et maître des Ecrehou! *Et il a un plan...* (Libération. 2005. 17 oct.).

(4) De toute façon, comme le rappelle ce conseiller patrimonial: «le particulier réagit toujours trop tard»! *Et quid des Sicav, ou des FCP?* (Libération. 2008. 7 oct.).

Результаты индексирования обобщены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

**Частотность парцеллем с различными парцеллятными сетками
во французском и русском корпусах, %**

Тип парцеллятной сетки	Французский корпус		Русский корпус	
	По отношению к родительской ветке	От общего количества	По отношению к родительской ветке	От общего количества
Единая парцеллятная сетка (ЕПС)	90,92	—	87,55	—
ЕПС с точками	98,44	89,50	96,54	84,52
ЕПС с вопросительными знаками	1,56	1,42	1,64	1,44
ЕПС с восклицательными знаками	0	0	1,55	1,36
ЕПС с многоточиями	0	0	0,27	0,24
Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)	9,80	—	12,45	—
КПС точка + восклицательный знак	10,84	0,98	23,72	2,95

Окончание табл. 2

Тип парцеллянтной сетки	Французский корпус		Русский корпус	
	По отношению к родитель- ской ветке	От общего количества	По отношению к родитель- ской ветке	От общего количества
КПС точка + вопросительный знак	13,25	1,20	12,18	1,52
КПС точка + многоточие	33,73	3,06	19,87	2,47
КПС восклицательный знак + точка	8,43	0,77	16,03	2
КПС вопросительный знак + точка	0	0	7,69	0,96
КПС многоточие + точка	25,30	2,30	11,54	1,44
КПС разные знаки	8,43	0,77	8,97	1,12

Анализ данных, приведенных в табл. 2 в колонках «По отношению к родительской ветке», позволяет сделать ряд выводов.

Зона единых парцеллянтных сеток характеризуется следующим:

1) преобладающим типом в обоих корпусах является ЕПС с точками (89,50 и 84,52 % от общего количества парцеллем; 98,44 и 96,54 % в рамках ЕПС);

2) ЕПС с точками в обоих корпусах представлены примерно в равной степени (98,44 и 96,54 %);

3) тот же вывод релевантен и для ЕПС с вопросительными знаками (1,56 и 1,64 %);

4) что касается ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями, то наблюдаются значимые *расхождения* между языками и их *специфика*: французский язык не допускает подобные ЕПС, в русском же количество ЕПС с восклицательными знаками соотносимо с количеством ЕПС с вопросительными знаками (1,55 и 1,64 %), а случаи ЕПС с многоточиями составляют самую малую подгруппу в группе единых парцеллянтных сеток.

В зоне комбинированных парцеллятных сеток отмечены следующие сходства и различия.

1. Во французском корпусе наиболее высоки частотности КПС точка + многоточие (33,73 %) и КПС многоточие + точка (25,30 %). Далее следуют КПС точка + вопросительный знак (13,25 %) и КПС точка + восклицательный знак (10,84 %). Одинаково частотны КПС восклицательный знак + точка и КПС разные знаки (8,43 %). Тип КПС вопросительный знак + точка зафиксирован не был.

2. В русском корпусе распределение частотности типов КПС существенно иное. Наиболее крупные группы составляют КПС точка + восклицательный знак (23,72 %) и КПС точка + многоточие (19,87 %). Далее следуют КПС восклицательный знак + точка (16,03 %), КПС точка + вопросительный знак (12,18 %), а также КПС многоточие + точка (11,54 %). Реже встречаются КПС разные знаки (8,97 %), что соотносимо с данными французского корпуса (8,43 %), и КПС вопросительный знак + точка (7,69 %). Последний тип КПС является *специфической чертой* русского корпуса.

Следовательно, сопоставляя корпуса по этим параметрам, мы можем говорить:

- о **сходствах** в использовании ЕПС с точками и вопросительными знаками, а также в аранжировке парцеллемы КПС точка + вопросительный знак и КПС разные знаки;

- **расхождениях** в использовании других типов КПС;

- **специфике** русских парцеллем, обладающих возможностью оформления при помощи ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями, а также КПС вопросительный знак + точка.

Обратимся к анализу колонки «От общего количества» (см. табл. 2), данные которой мы планировали сопоставить с данными табл. 1 «Частотность пунктуационных знаков, используемых в газетных текстах». Эти данные говорят о том, что **пунктуационное оформление парцеллем следует общим тенденциям в использовании пунктуационных знаков в газетных текстах**: случаи применения знака точка составляют 90 % во французском корпусе; в парцеллемах ЕПС с точками – с колебанием в пределах

0,5–89,5 %. На остальные знаки в разных комбинациях приходится 10,5 %. Та же тенденция прослеживается и в русском корпусе: частотность точки в газетных текстах достигает 86 %, а частотность ЕПС с точками – 84,52 %. Разница, равная 1,48 %, здесь представляется незначительной.

В главе 2 мы предположили, что в связи с различиями в принципах организации и функционирования двух пунктуационных систем (нацеленностью французской пунктуации на выполнение коммуникативно-прагматических задач, а русской – на следование формально-грамматическому принципу) частотность использования парцеллографем во французском языке будет выше, чем в русском. Однако основываясь на результатах корпусного анализа, мы заключаем, что плотность использования парцеллографем во французских текстах ниже по сравнению с русскими: средний показатель частотности во французском тексте – 3,80 парцеллемы, в русском – 5,22. При пересчете на объем текстов, исчисляющихся словоупотреблениями, получаем следующие результаты: во французском корпусе на 1 парцеллему приходится 255,3 словоупотребления, в русском – 133,4, то есть частотность парцеллем в нем значительно выше.

3.2. Синтактика и семантика: сопоставительно-параметрический анализ парцеллем

Парцеллема представляет собой конструкцию. Под конструкцией понимается «выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Goldberg, 1995, 4]. Отношения между этими частями характеризуются таким качеством, как взаимопроникновение (см.: [Рахилина, 2010, 13]). В семантике самого термина «конструкция» заложена идея цельности и единства. Наполнение конструкции несвободно, поскольку существуют определенные ограничения, обусловленные результатом взаимодействия ее составляю-

щих. Части, в которые «упакована» конструкция, ее «строительный материал», «кирпичики» – это основа и парцеллят (парцелляты); между ними существуют грамматические и семантические связи, на которые конструкция опирается и которые позволяют ей эффективно функционировать в дискурсе, выводя в фокус внимания значимые с позиции продуцента объекты, их свойства и ситуации.

В настоящем подразделе мы обратимся к конструктивным особенностями парцеллемы, выявим их синтаксическую и семантическую специфику, что даст нам основание для выделения принципов парцеллирующего членения и их моделей. Наш интерес к структуре парцеллемы вполне закономерен и естествен. Мы не можем не согласиться с А. А. Кибриком в том, что «любой эмпирической дисциплине вопросы об устройстве изучаемого объекта ставятся при исследовательском анализе в первую очередь. Свойства объекта во многом выводятся из свойств его частей» [Кибрик, 2003, 30].

Парцелляты и их структурные характеристики довольно подробно изучались в основном на материале русского языка, и были получены интересные результаты. Но наше внимание привлекло отсутствие четких оснований для классификаций, больше интуитивный, нежели строго научный подход к описанию структуры парцеллемы. Очевидной представляется необходимость в систематизации, уточнении и введении новой терминологии для характеристики типов парцеллятов.

Предлагаемая нами классификация будет полезна для нашего исследования по нескольким причинам. Во-первых, она позволит уточнить представления о принципах построения парцеллемы в сопоставительном аспекте. Применение корпусного подхода позволит нам с высокой точностью выявить степень схождений, расхождений и специфики принципов ее архитектуры. Во-вторых, классификация будет актуальна для последующего когнитивно-дискурсивного анализа парцелляции, поскольку некоторые специфические функции закрепляются за тем или иным типом парцеллята или тип парцеллята существенно влияет на выполнение той или иной функции. Эти моменты будут уточняться по ходу исследования.

Изучение нами конструктивных свойств парцеллемы опирается на современные, а также уже ставшие классическими труды отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся проблемами конструкций: О. С. Ахмановой, Э. Бенвениста, В. Г. Гака, А. Готье, Т. ван Дейка, Л. И. Илия, М. Мамудиана, А. Мартине, О. И. Москальской, Е. В. Рахилиной, Г. И. Скепской, В. Л. Темкиной, Л. Теньера, Н. Ю. Шведовой и др.

3.2.1. Конструктивные свойства парцеллемы во французском и русском языках

В процессе анализа материалов корпуса стало очевидно, что организация французских и русских парцеллем имеет много общих черт. Сравним приведенные ниже примеры.

1. Он профессиональный военный. *И интеллектуал* (Московский комсомолец. 2002. 20 янв.).

2. Таким образом, ОПС «Уралмаш» в политике остается в гордом одиночестве. *Один и без оружия* (Московский комсомолец. 2002. 26 нояб.).

3. Все-таки хоть кого-то из-под него посадили. Уже неплохо. *Хотя, конечно, хотелось бы увидеть, во сколько проемов тюремной решетки уместится это лицо* (АиФ. 2013. 16 мая).

4. Пусть этим идеалом, местом для душевного отдыха и успокоения станет ваш дом. *Или ваш офис.* (1) *Или просто вы сами.* (2) (Московский комсомолец. 2002. 31 окт.).

5. Les cours y ont commencé depuis le 3 septembre. *Sans lui* (Le Figaro. 2002. 26 sept.).

6. Mais c'est sans compter sur Roff qui égalise (22–22). *Avant l'exploit de Mazas* (Le Monde. 2002. 9 juin).

7. Pour couronner le tout, notre collectionneur est devenu monomaniacque... *Ou, plutôt, maniaque d'une seule firme: Mercedes-Benz!* (Le Figaro. 2003. 7 jan.).

8. Il s'accordera peut-être une coupe de champagne. *Demain.* (1) *Ou aprus-demain.* (2) (Le Monde. 2003. 7 jan.).

Представленные выше примеры свидетельствуют о сходных структурах парцеллемы в обоих языках: основа и парцеллят (парцелляты). Парцеллят в них находится в постпозиции и малоформатен (примеры 1, 5, 8) или крупноформатен, превышает размер основы (пример 3), синтаксически и семантически зависит от нее. В примерах 1, 2, 4, 5, 7 в отчлененной части находятся члены параллельного ряда. Как показывают примеры 4 и 8, количество парцеллят может быть больше одного в пределах одной парцеллемы подобного типа. В целом примеры 1–8 доказывают наличие сходств в структуре французских и русских парцеллем. Легко предположить, что существуют и отличия, ведь названные языки являются разноструктурными и лишь отдаленно родственными.

Наша задача, таким образом, состояла в том, чтобы, опираясь на возможности корпусного метода, выявить и обосновать имеющиеся сходства, различия и специфику конструктивного устройства парцеллемы. На момент подведения итогов исследования корпус содержал 631 текст, включающий 2 569 парцеллем, что, как мы убедились благодаря методике верификации достоверности, представляет достаточный для сопоставительного исследования материал.

Проведенный анализ позволил установить и систематизировать «поведение» различных типов парцеллем. Для фиксации сходств и расхождений мы построили принципиальную схему сопоставления, в которую включили следующие параметры, проиндексированные в корпусе:

- 1) локализация парцеллята по отношению к основе (ретроспективный и проспективный типы парцеллят);
- 2) дистанция между основой и парцеллятом;
- 3) тип парцеллемы по количеству парцеллят;
- 4) семантика парцеллятных отношений;
- 5) принципы парцеллятного членения и его модели.

3.2.1.1. Локализация парцеллята по отношению к основе: ретроспективные и проспективные парцелляты

По данному параметру были выделены три типа парцеллят: ретроспективные, проспективные и проспективно-ретроспективные.

Ретроспективные парцелляты возвращают реципиента к предшествующей информации, что обеспечивает удержание в памяти, лучшее запоминание парцеллемы и позволяет актуализировать парцеллятный сегмент. В подтверждение этой трактовки приведем слова И. Р. Гальперина, который пишет, что категория ретроспекции неизбежно влечет за собой переакцентуацию отдельных частей текста (см.: [Гальперин, 1981, 106]). Всякая соотнесенность одной единицы с другой неизбежно влечет за собой сопоставление этих единиц с точки зрения их когнитивной значимости. Более того, «ретроспекция, способствуя более глубокому пониманию взаимозависимости отдельных частей текста, тем самым обеспечивает процесс интеграции» и качественное декодирование [Там же, 107]. Реципиент сохраняет в памяти информацию о ситуациях, событиях, обстоятельствах их протекания, участниках и их характеристиках и выстраивает сознательно или подсознательно свое видение и отношение к ним и к содержанию текста. Примерами могут служить приведенные ниже парцеллемы.

Ma rébellion à moi, écrit-il, c'était de m'adapter. Pas au comportement attendu en Allemagne d'un immigré, mais pas davantage de m'y opposer consciemment (Le Monde. 2021. 26 févr.).

Однако в 2000 году в армейской печати случилась очередная коренная реорганизация. *Или оптимизация* (Российская газета. 2002. 26 июня).

Проспективные парцелляты можно определить как редкий, но креативный тип парцеллятов, направляющих мысль адресата на то, что будет впереди, но не раскрывающих структуру ситуации и ее участников. Находящаяся в фокусе информация в парцелляте проспективно настраивает адресата, мобилизует его творческий потенциал, заставляет предугадывать то, что будет сконструировано в основе. Показательно, что существительные в проспективном парцелляте либо не сопровождаются артиклями, так как это имена собственные, приложения или ряд существительных, для которых опущение артикля естественно, либо используются с неопределенными артиклями, в которых усматривают сигналы прединформации (см.: [Weinrich, 1971, 24]).

Un pays riche avec le pétrole, le gaz, le phosphate. L'Algérie a besoin de paix (Le Figaro. 2002. 1 oct.).

Еще более редкий тип парцеллятов – **перспективно-ретроспективные**, одновременно воплощающие специфичность перспективных и ретроспективных парцеллятов.

Quant à Camus... Comme la plupart des jeunes de ma génération, je l'avais lu en classe de terminale. *Mais je n'en gardais pas un souvenir important* (Le Monde. 2014. 19 août).

Брошенная в лицо тряпка, разбитая тарелка с «такими-поями-только-свиней-кормить», гадкие слова, презрительный взгляд... Насилие многогранно. *И ломает оно не столь тело, сколь душу* (АиФ. 2013. 25 нояб.).

Очевидно, что локализация парцеллята играет существенную роль в распределении аттенциального фокуса, меняя его «угол» и специфичность. На этом основании мы можем выделить три техники фокусирования, соответствующие выделенным конструктивным типам: в ретроспективных парцеллятах реализуется ретроспективная техника аттенциального фокусирования, перспективным свойственна перспективная, перспективно-ретроспективным – одноименная техника.

Результаты сопоставительного анализа позиций парцеллятов указывают на окказиональность перспективного парцеллята в исследованном нами русском корпусе и на некоторую регулярность во французском, которая подчиняется определенным тенденциям.

Как справедливо замечают авторы статьи «Линейность в языке: от фонемы до текста», «порядок слов и составляющих фразы зависит от факторов не только синтаксических, но и семантических, стилистических и прагматических (и других) и часто в различных пропорциях, в зависимости от рассматриваемого языка» [Korzen, Nølle, 1996, 3].

Мы полагаем, что возможность выноса парцеллята в препозицию во французском языке связана с некоторыми явлениями как синтактико-стилистического, так и прагматического характера. Во-первых, случаи перспективного парцеллята можно сравнить

с характерной для французского языка местоименной репризой в предложениях типа: Lui, il est malade; Le train, il est arrivé – в которых происходит перестановка темы и ремы. В русском языке это средство не относится к продуктивным, и подобный эффект создается изменением порядка слов или другими средствами. Проспективные парцелляты, как мы убедимся далее, обладают эффектом интриги, притягивают фокус внимания на себя, их декодирование требует больших когнитивных усилий, чем декорирование более распространенных ретроспективных парцеллятов.

Данные о проспекции и ретроспекции парцеллятов в рассматриваемых нами языках приведены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

**Проспекция и ретроспекция парцеллятов
во французском и русском корпусах, %**

Локализация парцеллята по отношению к основе	Французский корпус	Русский корпус
Ретроспективная	98,91	99,60
Проспективная	0,77	0,32
Проспективно-ретроспективная	0,33	0,08

Как видно из представленных в табл. 3 сведений, ретроспективные парцелляты преобладают в обоих корпусах. Проспективные парцелляты находятся на периферии феномена парцелляции, составляют небольшую, но очень интересную группу. Без анализа проспективных парцеллятов невозможно получить всестороннее представление о парцелляции и отразить все богатство ее возможностей, динамику ее развития.

Рассмотрим специфические особенности проспективных парцеллятов, извлеченных из французского корпуса. Как показывает анализ, разрыв происходит по линии инфрасинтагматических связей. Проспекция, создаваемая в процессе линейного развертывания парцеллята, обязательно находит свое завершение в основе.

Следует отметить, что парцеллятная пунктуационная сетка, оформляющая проспективный парцеллят, часто включает парцеллографему многоточие, которая, на наш взгляд, существенно сглаживает разрыв между парцеллятом и основной.

Выбор размещения фокусной информации в проспективном или в ретроспективном парцелляте – индивидуально-авторская стратегия, на которую накладываются, однако, существенные синтаксические ограничения. В проспективный парцеллят могут быть вынесены только номинальные координативные синтагмы, представляющие собой эндоцентрические конструкции³⁴ – параллельные ряды, обобщающее слово которых расположено в основной части (помещенные ниже примеры 1 и 2), и номинальные синтагмы, дублирующиеся в основной части местоимением (местоименная реприза) или находящиеся в аппозитивных отношениях с подлежащим основной части (примеры 3 и 4).

1. *Angel, Daniel, Fleur, Yinn, Mai...* «Ils existent tous. Ils sont là», insiste Marie-Claire Blais, montrant le salon, où nous sommes assises, d'un geste éloquent (Le Monde. 2014. 9 oct.).

2. *Islam, bouddhisme, judaïsme, christianisme...* Ces religions attendaient ou attendent beaucoup d'efforts de notre part (L'Humanité. 2002. 21 août).

3. *Formidables matous.* Ils sont partout, dans les rues, les jardins, les livres (Le Monde. 2014. 19 juin).

4. *Un chasseur, un écologiste, un communiste, un ancien ministre de droite, un souverainiste...* François Bayrou avait joliment travaillé son plan de table (Le Figaro. 2003. 7 jan.).

Последний пример интересен для анализа. «Высвеченный» фокусным «аттенциональным лучом» [Гоготишвили, 2006, 79] проспективный парцеллят представляет собой перечень противоположных по смыслу существительных: охотник / эколог, коммунист / бывший министр от правых, сторонник суверенитета ЕЭС – такова проти-

³⁴ Такие конструкции могут объединять слова посредством сочинительного союза или бессоюзно. В последнем случае речь идет об эндоцентричности первого уровня (см.: [Touratier, 1990, 14]).

воречивая и интригующая характеристика человека, имя которого возникает лишь в начале основы: Франсуа Байру. Интригу поддерживает и парцеллятная сетка с многоточием, позволяющая выдерживать многозначительную паузу между частями парцеллемы. Неопределенные артикли тоже поддерживают этот код. В создании сообщения также активно участвуют фоновые знания о личности известного писателя и политика. Антитезы, артикли, а также нетипичная протяженность проспективного парцеллята, затем наречие *joliment* (*ирон.* мило) и метафора в основе успешно способствуют шифровке / расшифровке иронического кода. Как представляется, автор избрал весьма удачную стратегию кодирования сообщения.

В проспективных парцеллятах происходит обратная реализация обычной схемы: конкретизация в парцелляте предшествует словам с обобщающим значением или лексически неполноценным, малоинформативным словам: дейктическим, именам собственным, местоимениям. Заметим, что это кореферентное замещение всегда постседентно. Таким образом адресант фокусирует внимание на особой для него значимости элемента действительности, отраженного в парцелляте. Следовательно, *аттенциальный фокус* имеет *предвосхищающий* характер.

Отметим также еще одну конструктивную особенность: второй тип (номинальные координативные синтагмы) может располагаться только в контактной позиции.

В русском корпусе наблюдаемые проспективные парцелляты не укладываются в рамки каких-либо конкретных групп: это могут быть части сложных высказываний, дискурсивные слова, координативные синтагмы.

И вообще, если по-большому... То есть – по-государственному мыслить, надо объявить конкурсный набор! (АиФ. 2014. 19 февр.).

Пряно и непосредственно. Проходит первая индийская Биеннале современного искусства (Коммерсантъ. 2012. 25 дек.).

3.2.1.2. Типы парцеллятов по степени удаленности

Вопрос о степени удаленности парцеллята решается в работах, посвященных исследованию парцелляции, по-разному. Обычно

выделяются две позиции: контактная и дистантная [Ступакова, 1975; Рыжикова, 1978; Хаймурзина, 2008; Добрычева, 2012]. Первая подразумевает расположение парцеллята контактно по отношению к подчиняющему его слову. Вторая – дистантная – позиция предполагает удаленное расположение парцеллята. В работе Т. Г. Сербиной эти позиции объединяются под названием «контактный парцеллят», а под «дистантным парцеллятом» понимается отделение парцеллята от основы другим предложением [Сербина, 1988].

При первом подходе остаются необъясненными позиции парцеллятов, отделенные от основы другими предложениями. При втором подходе под понятие «контактный парцеллят» подводятся случаи парцеллем, в которых нет непосредственного контакта парцеллята с подчиняющим его словом. Эта путаница связана с отождествлением двух разных позиций – позиции по отношению к подчиняющему слову и позиции по отношению к основе. Отсюда вытекает необходимость уточнения формулировки описываемых особенностей и, как следствие, выделения двух групп парцеллятов, обладающих специфическими особенностями.

Характеристика парцеллята по степени удаленности от подчиняющего его слова

Анализ корпуса позволил выделить три возможных расположения парцеллята: контактное, псевдоконтактное и свободное.

При **контактном расположении** парцеллят следует непосредственно за словом, от которого он зависит синтаксически, или предшествует ему.

La pelouse de Jean-Pierre, 47 ans, est en pente. *Bien entretenue* (Libération. 2007. 8 août).

Передвигаться самостоятельно генсек не может, так что необходимо доставить специальный эскалатор. *Немецкий* (АиФ. 2002. 21 окт.).

В контактном расположении происходит разрыв инфрасинтагматических отношений. Парцеллятная подача сообщения слишком явно нарушает пунктуационные каноны и обостряет восприятие графического объекта, выделенность которого распознается сразу же.

Псевдоконтактное расположение предполагает удаленность парцеллята от главного слова, разрыву подвергаются инфрасинтагматические отношения, как субординативные, так и координативные.

Loin du regard et de l'influence des hommes, tout semble finalement plus simple. *Et plus sain* (Libération. 2020. 1 oct.).

После этого она попала в чапаевскую дивизию. *Случайно* (Российская газета. 2001. 11 сент.).

Во французском языке порядок слов строго фиксирован, и тенденция к дистаксии³⁵ ему не свойственна, что обуславливает нетипичность случаев выноса в псевдоконтактный парцеллят сегментов, связанных с главным словом субординативными отношениями. Корпус содержит незначительное количество подобных примеров.

Le Pen expulse en masse «des extrémistes» et «des racistes». *Déjà* (Le Figaro. 1998. 9 déc.).

Прием реинтеграции парцеллята позволяет вернуть наречие на «свое», после глагола, место: *Le Pen expulse déjà en masse «des extrémistes» et «des racistes»*.

Свободное расположение парцеллята. Эту разновидность составляют парцелляты, не подчиняющиеся какому-либо конкретному слову в основной части. Речь идет о разрыве супрасинтагматических отношений. Сюда входят две группы: парцелляты-детерминанты и парцелляты – части сложносочиненного предложения.

1. *Парцелляты-детерминанты*. К ним относятся некоторые падежные (предложно-падежные) формы и наречия в составе предложения, которые выступают в периферийной по отношению к глаголу позиции, определяя все предложение в целом. Детерминанты связаны с конструктивным центром «подлежащее – сказуемое» или с главным членом односоставного предложения, «не обусловлены его грамматической формой или лексическим значением» [Акимова, 1990, 143], соединяются с ним связью «свободного присоединительного характера» [Золотова, 2003, 31].

³⁵ Дистаксия – дистантное расположение грамматически и семантически связанных компонентов (см.: [Гак, 1981, 105]).

2. Парцелляты – части сложносочиненного предложения.

Сколько ядовитых стрел досталось Союзу биатлонистов России за эти 17 дней – и не сосчитаешь. *Но выступления в эстафетах совершенно изменили градус восприятия произошедшего* (Московский комсомолец. 2014. 25 февр.).

Nos sociétés de droits sont des coopératives ouvrières et je tiens au mot. *Car nous gérons nous-mêmes notre maison* (Humanité. 2014. 31 jan.).

В псевдоконтактной и свободной позиции разрыв несколько сглажен, имеет характер уточнения, дополнения или пояснения, но тоже экспрессивен, особенно при разрыве инфрасинтагматических отношений (псевдоконтактное расположение).

Характеристика парцеллята по степени удаленности от основы

По этому критерию мы выделили две группы возможных позиций парцеллятот: примыкающее расположение и дистантное расположение.

Примыкающее расположение парцеллята описано выше: парцеллят находится в непосредственной близости от основной части.

Дистантное расположение служит ярким проявлением синтагматической дисконтинуальности. Характерно для парцеллятот, отделенных от основы другим (другими) предложением (предложениями):

En existe-t-il d'autres? Une intervention militaire classique du type «Tempête du désert»? (1) Inadaptée et coûteuse? (2) Après tout, les réseaux de ben Laden sont dispersés et pas vraiment nombreux. Cinq mille hommes ne font pas une armée. Une attaque commando à la manière israélienne? (3) (Le Figaro. 1998. 23 août).

Третий парцеллят удален от основы и первых двух парцеллятот другим предложением.

Ниже приведены подобные примеры из русского корпуса.

Настолько это бесцветные, мрачные существа. Слава богу, что они хотя бы материально хорошо обеспечены, иначе их совсем жалко было бы. А Софи Лорен совершенно из другого теста (АиФ. 2014. 13 дек.).

В Минэкономразвития имен и явок не называют. Не их профиль. Но перечисляют отрасли-аутсайдеры (Московский комсомолец. 2014. 10 февр.).

Сегмент, отдаляющий парцеллят от основы, может представлять собой одно или несколько предложений, которые выступают в функции парантезы, комментирующей, разъясняющей или сообщающей авторскую оценку описываемой ситуации.

Выделение этих позиций нам представляется необходимым, так как оно дифференцирует как конструктивные особенности парцеллятов, так и их участие в идентификации / восприятии и в текстообразовании.

Статистика по корпусам приведена в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

**Частотность удаленности парцеллятов
от основы парцеллемы в французском и русском языках, %**

Тип парцеллята по степени удаленности от основы	Французский корпус	Русский корпус
Примыкающий	98,47	97,77
Дистантный	1,53	2,23

Сопоставительный анализ показывает ярко выраженное сходство в распределении примыкающих и дистантных парцеллятов (незначительная разница $\Delta = 0,7 \%$):

1) примыкающие парцелляты в обоих корпусах преобладают (98,47 и 97,77 %);

2) в корпусах фиксируется малая частотность дистантных парцеллятов (1,53 и 2,23 %), связанная, очевидно, со сложностью, подчеркнутой расчлененностью подобной структуры, осложнением отношений между ее компонентами и восприятием.

**3.2.1.3. Количественный признак
при определении типа парцеллемы**

Количественный параметр характеризует способность парцеллемы к расщеплению аттенциального фокуса.

По данному параметру нами выделяются три типа парцеллем: однопарцеллятные структуры, двухпарцеллятные построения и полипарцеллятные построения.

Однопарцеллятные структуры включают основу и парцеллят, на который направлен «аттенциональный луч».

Après les discours musclés annonçant l'éradication du terrorisme, voici les discours savants sur le «Zéro Covid». *Et toujours la même obsession sécuritaire, le même rêve d'un monde sans risque, sans crime et sans maladie* (Le Figaro. 2021. 1 mars).

Владимир Якунин открестился от неудобного доклада. *Но КППРФ им уже воспользовалась* (Коммерсантъ. 2013. 15 марта).

В однопарцеллятных конструкциях аттенциальный фокус «выделяет в текущем конструируемом семантическом пространстве и ситуации один из элементов в качестве центра, относительно которого – как его кругозорный фон – группируются все остальные... “участники” семантического состава предложения» [Гоготишвили, 2006, 109].

Этот тип парцеллем является наиболее представленным как во французском корпусе, так и в русском.

В высказываниях происходит постоянная смена фокусов внимания, и многократная парцелляция говорит об интенции адресанта направить и удержать фокус на нескольких аспектах или характеристиках ситуации. То есть такая «упаковка» позволяет продуценту речи последовательно наводить аттенциальный фокус на каждый парцеллят, что свидетельствует о *расщеплении фокуса внимания* на различные элементы ситуации или характеристики объекта / ситуации.

Многократную парцелляцию мы подразделяем на двухпарцеллятную и полипарцеллятную.

Двухпарцеллятные построения состоят из основной части и двух парцеллятов, на которых сосредоточен *двойной фокус*.

La perspective d'une loi d'amnistie des délits politico-financiers est inacceptable. *Scandaleuse*. (1) *Révoltante*. (2) (L'Humanité. 2002. 8 juill.).

Ему начали предлагать роли романтические, но не пошлые. *Драматические, но не банальные.* (1) *С любовной интригой, но и еще с участием сверхъестественных сил.* (2) (Московский комсомолец. 2001. 24 мая).

Полипарцеллятные построения имеют в своем составе три парцеллята и более. Аттенсиальный фокус в них *расщепляется многократно*.

Il tutoie les hommes, vouvoie (presque toutes) les femmes, en la compagnie desquelles il se sent plus à l'aise. *Avale plus qu'il ne mange.* (1) *Se casse la gueule à vélo.* (2) *N'aime pas la révérence, laisse difficilement s'établir la complicité* (3) (Libération. 2007. 5 déc.).

Да, есть умные родители, есть талантливые учителя. *Те, кто обучают думать.* (1) *Думать системно.* (2) *Понимая, что надо всматриваться в причины и следствия, что решений может быть много, что не для всех задач существуют ответы.* (3) (АиФ. 2014. 28 янв.).

Целесообразность выделения трех количественных типов парцеллем основывается не только на типе фокуса (двойной, многократный), но и на использовании в них разного набора синтаксических принципов парцеллирования. В однопарцеллятных конструкциях реализуется линейный принцип построения. Принципы парцеллирования в двухпарцеллятных конструкциях расширяются за счет параллельного членения. Выделенные типы являются базовыми для полипарцеллятных конструкций, строящихся на этих двух принципах и / или их комбинациях.

Максимальное количество парцеллятов, зафиксированное в корпусе, – 7, что, как мы полагаем, связано с возможностями оперативной памяти человека и коррелирует с числом 7 ± 2 (гипотеза глубины В. Ингве, который, опираясь на результаты психологических исследований, писал: «Мы можем вспомнить сразу лишь около семи грамматических или синтаксических ограничений. Гипотеза глубины гласит, что, приняв во внимание ограничение памяти, можно понять многие сложные черты английского синтаксиса. Синтаксис английского языка располагает разнообразными средствами

для того, чтобы автоматически удерживать высказывание в пределах, определяемых ограничением, а также многими средствами, позволяющими успешно обойти это ограничение таким образом, чтобы компенсировать потерю экспрессивной силы из-за указанной ограниченности объема непосредственной памяти. Гипотеза глубины предсказывает, что *все* языки имеют усложненные синтаксические особенности, служащие той же цели» [Ингве, 1965, 126–127].

В табл. 5 отражены статистические данные по корпусам.

Т а б л и ц а 5

**Частотность количественных типов парцеллем
во французском и русском языках, %**

Тип парцеллем	Французский корпус	Русский корпус
Однопарцеллятные структуры	86,54	79,97
Двухпарцеллятные построения	10,07	13,97
Полипарцеллятные построения	3,39	6,06

Как свидетельствуют приведенные в табл. 5 данные, наибольшее распространение во французском и русском языках имеют однопарцеллятные структуры, характеризующиеся относительной синтаксической простотой. Встречаемость однопарцеллятных структур достаточно высока в обоих корпусах, но выше – во французском (86,54 и 79,97 % соответственно; $\Delta = 6,57$ %). Двухпарцеллятные построения встречаются в 10,07 % и 13,97 % случаев соответственно ($\Delta = 3,9$ %). В сфере полипарцеллятных построений различия более ощутимы: во французском корпусе данный тип встречается почти в два раза реже (3,39 и 6,06 % соответственно). Невысокую частотность парцеллятов последнего типа можно объяснить причинами грамматического и семантического характера: синтаксическая связь парцеллятов и их семантические отношения с основной частью осложнены. Однако, в отличие от однопарцеллятных структур, двухпарцеллятные и полипарцеллятные построения способст-

вуют градационному нарастанию эмоциональных акцентов в высказывании, придают повествованию динамичность и экспрессивно насыщают текст.

В целом по количеству парцеллят в пределах одной парцеллемы наблюдаются следующие сходства и различия:

- 1) безусловное преобладание однопарцеллятных структур в обоих корпусах;
- 2) более высокая частотность двухпарцеллятных построений при сравнении с полипарцеллятными;
- 3) меньшая частотность полипарцеллятных построений во французском корпусе по сравнению с русским.

3.2.1.4. Семантика парцеллятных отношений

В исследованиях, проведенных на материале разных языков, утверждается, что в парцеллят могут выноситься как все члены простого предложения, так и части сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Однако анализ нашего корпуса позволяет со всей уверенностью утверждать, что не все семантико-синтаксические отношения могут подвергаться парцелляции. Другими словами, потенциал парцелляции в этом плане имеет определенные рамки. Обычно исследователи ограничиваются заявлениями, что парцеллятная граница может проходить перед любой частью предложения, в том числе и между подлежащим и сказуемым (см., например: [Пинегина, 2005]). Б. Комбетт среди ограничений называет только невозможность отчленения именного сказуемого (например, **Il semble. Surpis*) и прямых дополнений (**Ceci comporte. Des avantages*) [Combettes, 2007b, 119]. Отсутствие специальных исследований по обозначенной проблеме объяснимо: реализация подобной задачи возможна только на большом массиве эмпирического материала и с применением инновационных технических средств. Поскольку теперь эта задача решается, на первом этапе мы сосредоточим фокус нашего исследовательского внимания на систематизации парцеллятных отношений, а затем обратимся к выявлению тех отношений, которые парцелляции недоступны.

Семантика отношений, подвергаемых парцеллятному разрыву, неоднородна. Анализ материала позволил выделить два типа пар-

целлятных отношений, которые объединяют ряды подтипов (в процессе работы с корпусом классификация углублялась и корректировалась по мере фиксирования новых единиц анализа). Эти два типа – отношения асимметрии и симметрии.

Асимметрические парцеллятные отношения

Устанавливаются между парцеллятом и основой в случае *отсутствия коррелята*, под которым мы понимаем члена пары или ряда взаимно обусловленных, соотносительных единиц. Парцелляты, связанные с основой асимметрическими отношениями, выстраивают новую семантико-синтаксическую программу, поскольку заполняют вакантную позицию. Предназначение асимметрических парцеллятов мы определим как введение новых когнитивных представлений в контекст дискурса.

Подобные отношения связывают части парцеллем в 22,21 % случаев, зафиксированных во французском корпусе, и в 14,29 % случаев – русском. Эти случаи распределены нами по 17 типам. Проиллюстрируем каждый тип примерами.

Объектные парцелляты (парцелляты с benefактивной, инструментативной, комитативной и др. семантикой).

C'est évidemment lourd de signification. *Pour l'Europe et pour la vie politique française* (Humanité. 1999. 29 juin).

Украина перекрыла железные дороги. *Для пассажиров поездов дальнего следования* (Коммерсантъ. 2013. 14 февр.).

Изыяснительно-объектные парцелляты (в русском корпусе отсутствуют).

Il va lui falloir calmer les esprits! *Surtout que les lendemains risquent d'être difficiles* (La Tribune. 2012. 6 mai).

Атрибутивные парцелляты (парцелляты, характеризующие субъектов и объектов описываемой ситуации).

On en réalise une seconde, dans la nuit, qui finira à la poubelle, le lendemain. *Découpée en fines bandelettes* (Le Monde. 2014. 5 juin).

Что еще? Ну, конечно, эмоции. *Яркие, по-хорошему сумасшедшие* (Московский комсомолец. 2014. 25 февр.).

Предикативные парцелляты (во французском корпусе отсутствуют).

Незнакомые люди!.. – подчеркнул Владимир Путин. – *Обнимали!* (Коммерсантъ. 2013. 25 февр.).

Темпоральные парцелляты.

Je pensais que mon destin était celui de mon pays. *Jusqu'à l'échec du putsch* (Libération. 1995. 23 déc.).

Памятники русским воинам на Украине назначили чуть ли не главными врагами. *Причем давно* (АиФ. 2014. 7 мая).

Пространственные парцелляты (парцелляты с директивной, аблативной, транзитивной и иной семантикой).

Une lectrice nous écrit : «Bonjour, je souhaiterais faire du pédalo sur un petit lac qui s'étendrait paresseusement au pied d'une forteresse médiévale. *De préférence pas trop loin de Paris* (Libération. 2008. 26 avr.).

Нет, я ее не носил. *Ни на сумке, ни на кепке, ни тем более на ботинках, как кое-кто уже повадился* (АиФ. 2014. 6 мая).

Каузальные парцелляты.

D'un autre côté, ces résultats étaient inéluctables. *A cause de la misère qui frappe beaucoup de mes compatriotes* (Libération. 1995. 23 déc.).

Раньше, даже если кто-то из политиков и придерживался таких взглядов, то держал их при себе. *Потому что это противоречит американской идеологии – ведь Америка стала независимой, восстав против власти Британской империи* (Российская газета. 2003. 2 сент.).

Следственные парцелляты.

Dans le même temps, nous avons tous rencontré des doutes, des réticences, voire des démarches et des comportements qui en contredisaient le sens. *Au point d'en amoindrir la signification et la portée chez ceux qui nous regardaient* (Humanité. 1999. 29 juin).

Кризис в стране отражен в беспорядочных и истеричных связях, происходящих в основном в грязи, которой покрыт пол. *Так что все голые, грязные и несмешные* (Московский комсомолец. 2014. 21 июля).

Целевые парцелляты.

Il est déçu, mais il reviendra l'année prochaine. *Pour essayer de mieux faire* (Libération. 2007. 30 juin).

«Росатом» собирает тепло. *Чтобы вывести свои ТЭЦ из убытков* (Коммерсантъ. 2013. 2 февр.).

Условные парцелляты.

Pour tout ce qui est de la tradition, il n'y aura pas de problème. *Même si, à Bruxelles, les anticorridas ont de gros moyens* (Libération. 2007. 16 mars).

Можно, конечно, глотать все подряд и, где станет легче, там помечать крестом. *Если не забудешь* (АиФ. 2014. 12 июня).

Уступительные парцелляты.

Les débats actuels sur le travail du dimanche restituent le modèle français à sa juste place : malgré sa volonté universaliste et généralisatrice – qui vient notamment de la Révolution française et de l'Eglise-, la France est aussi le pays où il y a le plus de dérogations. *Contrairement aux autres pays, peu régulateurs, mais qui accordent peu de dérogations* (Libération. 2007. 28 juill.).

И никогда он не жаловался. *Хотя здоровье было сильно подорвано* (АиФ. 2014. 7 окт.).

Парцелляты, характеризующие действие (способы и характер совершения действия).

Boualem Sansal habite ici, aux portes de la Kabylie. *Dans une solitude sidérale* (Le Monde. 2013. 7 juill.).

Практически никогда ребенку не истолковывают смысл требований. *Во всяком случае, в понятной ребенку форме* (АиФ. 2013. 12 нояб.).

Парцелляты, характеризующие меру, степень, стоимость, вес и др.

«Soudain, plein de monde s'est intéressé à nos enquêtes.» *Parfois trop* (Libération. 2010. 4 sept.).

Подобное молчаливое одобрение, порой скрываемое под маской неведения, опасно. *И даже очень* (АиФ. 2014. 9 мая).

Компаративные парцелляты.

Les gosses avaient un fleuret et une dague dans chaque main. *Comme cela se passait jadis dans les duels* (Libération. 2001. 29 oct.).

И впоследствии богоискательство Бердяева было сродни богоборчеству. *Точь-в-точь как у «русских мальчиков» Достоевского* (АиФ. 2014. 12 марта).

Парцелляты, указывающие на источник информации.

Конституционный суд не решил всех проблем закона о митингах. *Считает Венецианская комиссия* (Коммерсантъ. 2013. 12 марта).

Слышали хоть раз такое? *От коллег, друзей, близких, от себя, в конце концов?* (АиФ. 2013. 30 дек.).

Парцеллят – дискурсивное слово.

Кстати. Памятник нашему Алеше в Пловдиве нежно любят (АиФ. 2013. 24 апр.).

Разнородные парцелляты фокусируют в двух- и более парцеллятных построениях такую семантику, как (1) локализация объекта в пространстве и его характеристика; (2) время и характер совершения действия; (3) характеристика пространства и объекта; (4) характеристика объекта, цели действия и возможного результата (следствия).

(1) Des hôpitaux ont non seulement des rez-de-chaussée inondables mais, en plus, des blocs électrogènes de secours... *En sous-sol. Inopérants en cas d'inondation et de coupure d'électricité* (Libération. 2007. 15 août).

(2) Donc, face à un piège comme celui-ci, on a que le choix de la manière de composer. *Plus ou moins tôt, plus ou moins tard. Plus ou moins copieusement. Avec plus ou moins d'enthousiasme, et plus ou moins de réticence* (Libération. 2007. 18 déc.).

(3) Depuis que l'aïeul a trouvé le filon, ici, à Neuville-Coppegueule, dans ce petit village picard à trois quarts d'heure d'Amiens, c'est une forêt de chaises qui encombre la maison Tourneur. *Du sol au plafond, empilées ici, accrochées en l'air là. De toutes tailles, de tous styles, de tous bois* (Libération. 2008. 4 août).

(4) Того и гляди депутаты в обход Кремля, министерств обороны и иностранных дел объявят Америке войну. *Не настоящую, конечно, а так, понарошку. Чтобы и повопить вволю, и в штыковую атаку не ходить. А то вдруг ранят или убьют...* (АиФ. 2013. 8 мая).

Перейдем к сопоставительному анализу представленности асимметрических парцеллятов каждого типа во французском и русском корпусах (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

**Типы асимметрических парцеллятов
и частота их встречаемости, %**

№ п/п	Семантика парцеллятов	Французский корпус	Русский корпус
1	Объектные	6,90	3,91
2	Изъяснительно-объектные	0,50	0
3	Атрибутивные	8,87	12,29
4	Предикативные	0	1,12
5	Темпоральные	16,29	5,59
6	Пространственные	3,45	3,35
7	Каузальные	17,73	21,79
8	Следственные	4,43	6,15
9	Целевые	7,39	10,06
10	Условные	5,41	5,59
11	Уступительные	0,99	15,08
12	Характеризующие действие	14,29	6,15
13	Характеризующие меру, степень, стоимость, вес и др.	2,46	0,56
14	Компаративные	7,88	3,91
15	Указывающие на источник информации	0	1,68

№ п/п	Семантика парцеллятов	Французский корпус	Русский корпус
16	Дискурсивное слово	0	1,68
17	Разнородные (для двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений)	3,45	1,12

Анализ приведенных в табл. 6 данных позволяет сделать следующие выводы относительно **сходств** в сфере асимметрических парцеллятов во французском и русском языках:

1) в обоих корпусах преобладают каузальные парцелляты (17,73 % во французском корпусе и 21,79 % в русском), указывающие на причину ситуации, описанной в основе парцеллемы;

2) примерно одинаково в корпусах представлены пространственные парцелляты (3,45 и 3,35 %) и условные парцелляты (5,41 и 5,59 %).

Различия подразделяются на более (пункты 1–3 в табл. 6) и менее (пункты 4 и 5) существенные:

1) парцелляты с уступительной семантикой в русском корпусе превышают в 15 раз количество французских парцеллятов с данной семантикой (0,99 и 15,08 % соответственно);

2) парцелляты с темпоральным значением встречаются во французском корпусе примерно в 3 раза чаще, чем в русском (16,29 и 5,59 %); то же касается разнородных парцеллятов, являющихся частями двух- и полипарцеллятных построений (3,45 и 1,12 % соответственно);

3) во французском корпусе примерно в 4 раза больше парцеллятов, характеризующих меру, степень и так далее (2,46 и 0,56 % соответственно); в 2 раза больше парцеллятов, характеризующих действие (14,29 и 6,15 %);

4) примерно в 1,5 раза чаще во французском корпусе встречаются парцелляты со значением объекта действия (6,90 и 3,91 %) и компаративные парцелляты (7,88 и 3,91 %);

5) в русском корпусе по сравнению с французским частотность атрибутивных (12,29 и 8,87 % соответственно), целевых (10,06 и 7,39 %) и следственных (6,15 и 4,43 %) парцеллятов в 1,5 раза выше.

Специфическим для русского корпуса является наличие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации, и парцеллятов – дискурсивных слов.

Итак, во французских парцеллемах аттенциальный фокус чаще всего направлен на причины и темпоральную характеристику ситуации, конструируемой продуцентом речи. Также важны характеристики описываемых действий, их цель и характеристики объектов или субъектов ситуации. Русские парцелляты чаще других аспектов высвечивают «аттенциальным лучом» причины ситуаций, цели предпринимаемых действий, характеристики объектов или субъектов ситуации, а также выводят в фокус уступку.

Симметрические парцеллятные отношения

Эта группа объединяет 73,74 % парцеллем французского корпуса и 78,93 % парцеллем русского корпуса. Данный тип отношений свойственен парцеллятам, имеющим коррелят в основе (функционально и / или семантически тождественный, координативный). Такие парцелляты не выстраивают новой семантико-синтаксической программы. Их предназначение заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении / исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений о контексте дискурса.

Проиллюстрируем некоторые выделенные нами типы симметрических парцеллятов.

Субъектные

Tout a été prévu pour le confort des militants salariés. *Même la cantine* (Libération. 2008. 30 avr.).

Выясняется, что им страшно мешают русские. *Вернее, наше символическое присутствие – в бронзовом, гранитном или железобетонном виде. Памятники советским воинам-освободителям* (АиФ. 2014. 5 мая).

Объектные

Giulia Salvatori est de la famille des bravaches. *De ceux qui relèvent le menton et s'entêtent à donner le change quand bien même la désolation s'impose* (Libération. 2007. 8 août).

Теперь она яростно отстаивает свои «оппозиционные идеалы». Анталию, например. Египет. Безвизовый въезд в ЕС (АиФ. 2014. 14 марта).

Изыяснительно-объектные в составе ряда

Il a beau multiplier les «discours fondateurs», Bockel redoute que son retour aux affaires ne soit qu'éphémère. *Qu'il perde la mairie de Mulhouse en mars et il aura tout perdu* (Libération. 2007. 25 juill.).

Мы, собственно, за это его всегда ругали. *Что всякие там друзья с их хотелками для Путина бывают много важнее и политики, и экономики* (Московский комсомолец. 2013. 10 июня).

Атрибутивные

C'est triste comme le cinéma est devenu triste. *Adolescentisé et multiplexisé* (Libération. 2007. 30 juin).

А вот не очень-то и большая британская колония. *Заокеанская* (АиФ. 2014. 1 апр.).

Присубстантивно-атрибутивные

Menacé, le père de Trisha s'était procuré un revolver. *Qu'il a caché dans «le ventre muet» d'une couette rouge* (Le Monde. 2014. 2 jan.).

Мы решили населить Мир Полудня теми людьми, которые уже есть сейчас. *Которые уже годятся для коммунизма* (АиФ. 2014. 6 марта).

Предикативно-атрибутивные

Alors, on était plus utile en soldats. *Ou morts* (Libération. 1995. 14 déc.).

Люди интересуются или спорят, возмущаются или радуются, но это люди. *Личности* (АиФ. 2013. 5 дек.).

Предикативные

Les sites de vente en ligne spécialisés dans le luxe ne se sont jamais aussi bien portés. *Et rivalisent d'ingéniosité pour prendre la pole position d'un secteur qui attire aussi les géants de la tech comme Amazon, Instagram ou TikTok* (Le Monde. 2021. 26 févr.).

Есть электросчетчики, счетчики воды – надо бы изобрести счетчики жадности и глупости. *Установить во всех госучреждениях и в Госдуме* (АиФ. 2014. 16 июля).

Темпоральные

Depuis le début de l'année, l'or a grimpé deux fois à presque 1 000 dollars l'once. *En mars, puis en juillet. Et en septembre, voilà qu'il s'effondre!* (Libération. 2008. 7 oct.).

Я сплю и вижу пустые трибуны на играх питерского клуба, от матча к матчу. *На протяжении всего сезона* (АиФ. 2014. 11 мая).

Пространственные

Dans ce cas, programmez d'atterrir jeudi en fin d'après-midi, etv de poser votre mallette à l'hôtel Cinema, pur Bauhaus 1930, au centre-ville. *Ou dans l'un des hôtels du front de mer, à temps pour le coucher du soleil sur Jaffa, la ville arabe brûlée par notre Napoléon* (Libération. 2008. 7 juill.).

Главная проблема «оппозиции» в том, что не пустят в Европу за модными сумочками. *Или в Турцию* (АиФ. 2015. 14 марта).

Каузальные

Les exemples sont légion : dans le litige opposant Bernard Tapie au Crédit lyonnais, l'ex-chef de l'Etat, ses agendas en font foi, est intervenu plusieurs fois au secours de l'homme d'affaires, même si celui-ci s'en défend. *Par amitié, peut-être. Mais aussi parce que M. Sarkozy était persuadé qu'un bon arrangement, même coûteux, valait mieux que le recours à une justice qu'il trouve lente et désuète* (Le Monde. 2014. 8 mars).

Вы думаете, она в депрессии из-за глубокой обиды на тренера? *Или из-за того, что она, красивая молодая девушка, будет кривой на один бок?* (АиФ. 2014. 14 февр.).

Целевые

Donc, j'ai voté Sarko, pour elle. *Pour lui dire merde* (Libération. 2007. 30 juin).

Это делалось для решения тактических задач. *Например, для того чтобы обеспечить «Единой России» победу на выборах* (АиФ. 2013. 1 мая).

Характеризующие действие

A force de défendre les «sans», elle a fini avec des «avec». *Un grand sac à «avec», plein de certitudes, de principes, de professions de foi* (Libération. 2007. 30 juin).

Ему же, по сути, ничего не стоит ляпнуть, что Россия отстает в научно-техническом оснащении войск, и – можно спать спокойно. *И не вечным сном* (АиФ. 2014. 19 февр.).

Характеризующие меру, степень, стоимость, вес и т. д.

Elle est pourtant garantie, tout comme les dépôts bancaires, et distinctement, à hauteur de 70 000 euros par épargnant et par compagnie d'assurance. *Et même jusqu'à 90 000 euros pour les rentes* (Libération. 2008. 7 oct.).

Примеры можно перечислять сотнями. *Даже тысячами* (АиФ. 2014. 1 апр.).

Компаративные

Avec lui, quelque 3 000 moudjahidin du Panshir ont été chassés de la jeune armée nationale. *Comme Mohammed Moussa, 42 ans, et Khalilullah, 51 ans* (Libération. 2005. 10 nov.).

Только как бы в духе нового времени и она не поменялась на «Терпение лопнет, и тогда тут всех перетрут». *Как уже было, и – по историческим меркам – не столь давно* (АиФ. 2013. 30 окт.).

Подчинительно-присоединительные

Il ne devrait donc pas y avoir d'attaques contre l'Iran avant Septembre. *Ce qui explique en partie la baisse spectaculaire du pétrole* (La Tribune. 2012. 7 mai).

Похоже, не смогли поделить заказчики шкуру еще не убитого медведя... *Чем и оплатились* (Российская газета. 2003. 1 сент.).

Рестриктивные

Les cimetières sont pleins d'anonymes géniaux, clochards, dessinateurs ou travestis. *Sauf que Marcel Basoulard était tout cela à la fois* (Le Monde. 2014. 4 déc.).

Координативные

Oui, ça aurait été l'idéal. *Mais je n'y croyais pas* (Le Monde. 2014. 17 mars).

Владимир Якунин открестился от неудобного доклада. *Но КППФ им уже воспользовалась* (Коммерсантъ. 2013. 15 марта).

Разнородные

(для двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений)

Au bout du compte, c'est le succès du mensonge qui construit sa vérité. *Une vérité absurde, plus résistante que la vraie. Starifiée* (Libération. 2007. 30 juin).

На родство с этой женщиной могут претендовать сразу несколько народностей – немцы, латыши, эстонцы. *Но в истории она осталась как русская. Русская императрица* (АиФ. 2014. 15 апр.).

Результаты статистического обсчета представлены в табл. 7.

Т а б л и ц а 7

**Типы симметрических парцеллятов
и частота их встречаемости, %**

№ п/п	Семантика парцеллятов	Французский корпус	Русский корпус
1	Субъектные	4,45	3,64
2	Объектные	15,88	4,95
3	Изъяснительно-объектные в составе ряда (СПП)	1,78	0,82
4	Атрибутивные	2,37	3,84
5	Присубстантивно-атрибутивные (СПП)	4,30	1,21

О к о н ч а н и е т а б л . 7

№ п/п	Семантика парцеллятов	Французский корпус	Русский корпус
6	Предикативно-атрибутивные	4,15	2,63
7	Предикативные	8,46	17,59
8	Темпоральные	1,04	0,51
9	Пространственные	2,08	0,71
10	Каузальные	0,30	0,30
11	Следственные	0	0
12	Целевые	0,89	0,20
13	Условные	0	0
14	Уступительные	0	0
15	Характеризующие действие	0,89	0,71
16	Характеризующие меру, степень, стоимость, вес и т. д.	0,45	0,20
17	Компаративные	1,04	0,20
18	Координационно- пояснительные в составе ряда (СПП)	0	0,10
19	Подчинительно- присоединительные (СПП)	3,86	0,81
20	Рестриктивные (СПП <i>sauf que</i>)	0,74	0
21	Координативные (ССП)	41,99	52,28
22	Разнородные (для двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений)	5,34	9,20

П р и м е ч а н и е. СПП – сложноподчиненное предложение.

Сопоставительный анализ статистических данных позволяет выделить следующие **сходства**:

1) преобладание координативных, то есть связанных сочинительными отношениями парцеллятов – частей сложного предложения (41,99 % во французском корпусе и 52,28 % в русском), но их частотность при этом в русском корпусе выше в 1,25 раза; в обоих корпусах превалируют парцелляты с союзом *но* (> 25 %);

2) одинаковая частотность каузальных парцеллятов (0,30 % в обоих корпусах);

3) отсутствие следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах.

Различия подразделяются на существенные и менее существенные.

Существенные различия:

– значительное преобладание во французском корпусе по сравнению с русским парцеллятов симметрических объектных (15,88 и 4,95 % соответственно), подчинительно-присоединительных (3,86 и 0,81 %), присубстантивно-атрибутивных (4,30 и 1,21 %), предикативно-атрибутивных (4,15 и 2,63 %) и пространственных (2,08 и 0,71 %);

– значительное преобладание в русском корпусе по сравнению с французским симметрических предикативных парцеллятов (17,59 и 8,46 % соответственно), а также разнородных парцеллятов среди двух- и полипарцеллятных построений (9,20 и 5,34 %).

Менее существенные различия:

– незначительное преобладание во французском корпусе по сравнению с русским субъектных парцеллятов (4,45 и 3,64 % соответственно), изъяснительно-объектных (1,78 и 0,82 %), темпоральных (1,04 и 0,51 %), целевых (0,89 и 0,20 %), компаративных (1,04 и 0,20 %) парцеллятов, а также парцеллятов, характеризующих действие (0,89 и 0,71 %), меру, степень и так далее (0,45 и 0,20 %);

– преобладание в русском корпусе атрибутивных парцеллятов (3,84 и 2,37 %).

Специфическими чертами являются наличие рестриктивных парцеллятов, оформляемых союзом *sauf que* (0,74 и 0 %), во французском корпусе и наличие координационно-пояснительных парцеллятов в русском корпусе (0 и 0,10 %). Однако низкий процент встречаемости парцеллятов данного типа говорит о его окказиональности.

Анализ представленных в табл. 7 данных позволяет заключить, что в области симметрических парцеллятов на первое место выходят сложносочиненные конструкции, парцелляция которых призвана сфокусировать внимание на неравноправности ее частей. При этом важную роль играет семантика союза, оформляющего парцеллят: противительная, сопоставительная, альтернативная и так далее.

Еще одной разновидностью, объединяющей свойства симметрии и асимметрии, являются разнородные парцелляты в сложных построениях, включающих два парцеллята и более.

1. Le bas de la côte de Laffrey (Isère), c'est d'abord une odeur. *Chaude et âcre à la fois.* (1) *Celle des plaquettes de freins en surchauffe* (2) (Libération. 2007. 8 août).

2. Mon contact portait lui aussi une petite valise. *Dans laquelle, il transportait un flingue et une hache. Pour me tuer, et me couper la main* (Libération. 2010. 4 sept.).

3. Вот недавно мне предлагали сниматься в проекте киевского режиссера известного, историческое кино он снимать собирался. *По Тарасу Шевченко.* (1) *Но я отказался* (2) (АиФ. 2013. 26 апр.).

4. Там, в умирающей базе мертвого флота, они торжественно отметили свою последнюю «автономку», сфотографировались на память. *Иушили в море. На буксире* (Российская газета. 2003. 2 сент.).

Примеры 1 и 3 иллюстрируют возможность комбинации асимметрии и симметрии; примеры 2 и 4 – возможность комбинации симметрии и асимметрии.

Рассмотрим соотношение асимметрии, симметрии и их комбинаций в парцеллемах (табл. 8).

**Типы парцеллятных отношений
и частота их встречаемости, %**

Тип отношений	Французский корпус	Русский корпус
Асимметрический	22,21	14,29
Симметрический	73,74	78,93
Разнородный (асимметрия + симметрия для двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений)	4,05	6,78

Итак, опираясь на корпусную статистику, мы фиксируем следующее.

Сходство заключается в том, что частотность выделенных типов в обоих корпусах совпадает: значительно преобладает симметрический тип отношений между основой и парцеллятом (73,74 % во французском корпусе и 78,93 % в русском) с незначительной разницей в корпусах ($\Delta = 3,9$ %), затем следует асимметрический тип (22,21 и 14,29 % соответственно), в меньшей степени представлены разнородные парцеллемы (4,05 и 6,78 %).

Различия сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов: их в 1,5 раза больше во французском корпусе; разнородные парцеллемы преобладают в русском корпусе, их количество в 1,7 раза выше, чем во французском.

Анализ ограничений возможностей парцелляции приводит к следующим результатам.

В сфере **асимметрических парцеллятных отношений** в обоих корпусах парцелляция не распространяется на именную часть сложного сказуемого.

Более существенные ограничения в этой сфере касаются французского корпуса, где отсутствует парцелляция предикативных отношений, парцелляция компонентов, указывающих на источник информации и дискурсивных слов. В русском корпусе отсутствуют

примеры парцелляции прямообъектных дополнений, а во французском был зафиксирован только один подобный пример: *Lever à 8 heures, il écrit une bonne partie de la journée. Des courts textes, des études littéraires* (Libération. 2008. 5 août).

В сфере **симметрических парцеллятных отношений** было установлено, что парцелляции не подвергаются следующие типы отношений: следствия, условия, уступки, прикомпаративно-объектные, даже в условиях ряда, координационно-пояснительные, подчинительно-сопоставительные.

Парцеллятная граница не проводится в конструкциях с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью, после коррелятов *celui, ce, тот, такой*. Например: *Это была не та подлинная жизнь. Которая нас окружала.

3.2.2. Модели парцеллем

3.2.2.1. Принципы парцелляции:

линейный, параллельный и комбинированный

Анализ корпусов убеждает в том, что членение конструкции происходит не всегда по одной и той же схеме, зависит от количества парцеллятов, типа парцеллятных отношений и других параметров.

Проанализируем характер парцеллирующего членения во французских и русских конструкциях.

1. При обыске у парня нашли 12 компакт-дисков с компьютерными играми-стрелялками. *И большой набор видеокассет, в основном боевиков.* (1) *С убийствами* (2) (Московский комсомолец. 2002. 4 дек.).

2. Акция «Грязные деньги на свободу! И совесть чиста...» воспринимается в республике неоднозначно. *Напряженно.* (1) *И очень часто без юмора* (2) (Российская газета. 2001. 21 июля).

В первом примере каждый последующий конституент зависит от предыдущего: первый парцеллят *И большой набор видеокассет, в основном боевиков* подчиняется глаголу-сказуемому нашли, расположенному в основе, а второй парцеллят *С убийствами* выступает в качестве несогласованного определения, относящегося к существительному боевиков, расположенному в первом парцелляте.

Обратимость или опущение предшествующего парцеллята невозможны, так как он содержательно и синтаксически предопределяет последующий сегмент.

Такой принцип членения назовем **линейным**, что отражает последовательный характер подчинения сегментов в линейном ряду.

Во втором примере оба парцеллята *Напряженно. И очень часто без юмора* выполняют в предложении одну и ту же функцию – это обстоятельства образа действия, относящиеся к сказуемому воспринимается. Парцелляты зависят от той части конструкции, которая содержит подчиняющее их слово, что иллюстрируют тип членения, который можно назвать **параллельным**. Обратимость или элиминация предшествующего парцеллята в большей части случаев возможна.

В группе парцеллятов с параллельным членением мы выделили два типа: синтаксически идентичные и синтаксически неидентичные.

Синтаксически идентичные парцелляты. В этом типе членения воплощена сущность синтаксического параллелизма, то есть такого положения компонентов синтаксической структуры, когда ее члены синтаксически не зависят друг от друга и имеют совпадающие линии синтаксических связей, подчиняются одному и тому же слову в основе или координируют с ней.

Le hic dans ce type de fête, c'est la frontière entre vie privée et vie professionnelle. *La crainte d'y dévoiler une partie de soi qui échappe à l'environnement professionnel. Le risque qu'entre un canapé au saumon et trois coupes de champagne, on laisse tomber son masque* (La Tribune. 2013. 22 déc.).

И ведь это только те примеры, когда, вооружаясь духом римского мифа, создавали новую реальность почти из ничего. *Из колоний. Из зависимых данников* (АиФ. 2014. 1 апр.).

Синтаксически неидентичные парцелляты. Парцелляты подчинены разным словам или одному и тому же слову (в этом случае они морфологически разнородны) в основе или координируют с ней.

La série de portraits, emboîtés les uns dans les autres, que Marcel Cohen dessine ici, comme avec des crayons cassés, donne à voir une famille. *La sienne. Dont la plupart des membres ont été déportés dans les camps de la mort et n'en sont pas revenus* (Le Monde. 2013. 28 mars).

В знатном столичном парке пошли навстречу безобразникам – поставили у каждой лавочки не по одной, а по две урны. *Слева и справа. Но ожидания не оправдались* (АиФ. 2014. 4 июня).

Анализ французского корпуса дает основания для выделения еще одного типа членения. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером:

Voilà un star. *Disponible, sincère, fidèle à elle-même et à son public, souvent drôle, toujours émouvante.* (1) *Et sa voix de l'or en barre.* (2) *Puissante et douce à la fois, rassurante, grave, chaude* (3) (Le Parisien. 2001. 22 mars).

Парцеллят (1) *Disponible, sincère, fidèle à elle-même et à son public, souvent drôle, toujours émouvante* представляет собой ряд однородных определений, отчлененных при помощи линейного принципа. Парцеллят (2) *Et sa voix de l'or en barre* тоже связан с основной частью, но парцеллирован параллельно. Парцеллят (3) *Puissante et douce à la fois, rassurante, grave, chaude* вновь парцеллируется по линейному принципу, но уже от парцеллята (2), так как представляет собой ряд однородных согласованных определений к существительному sa voix.

Таким образом, парцелляты могут быть разнофункциональны и подключаться как линейно, так и параллельно в различных комбинациях. Данный принцип членения мы назовем **комбинированное членение**. Комбинированная парцелляция возможна только в полипарцеллятных построениях.

Россию никогда не понять, если не знать, что же пережил наш народ во время войны. *Какой он приобрел опыт на фронте и в тылу.* (1) *Не понять наше особое отношение к армии и защитникам Отечества.* (2) *Не осознать, откуда у наших блокадников привычка собирать черствый хлеб.* (3) *Откуда у нашего народа такая ненависть к войне.* (4) *И откуда родилась фраза, которую так*

часто повторяют наши старики, а за ними и молодые люди: «Лишь бы не было войны» (5) (Российская газета. 2001. 23 июня).

Парцелляты (1), (2) и (3) отчленены в соответствии с параллельным принципом членения (оба типа), а парцелляты (4) и (5) – линейно, они поддерживают симметрические отношения с третьим парцеллятом.

Итак, в обоих корпусах имеются конструкции, которые построены при помощи линейного, параллельного и комбинированного принципов парцеллирующего членения.

Следующим этапом нашего анализа будет сопоставление статистических данных по частотности принципов членения в двухпарцеллятных и полипарцеллятных построениях (табл. 9, 10).

Т а б л и ц а 9

**Принципы членения в двухпарцеллятных построениях
и частота их встречаемости, %**

Принцип членения	Французский корпус	Русский корпус
Линейный	59,79	70,85
Параллельный	40,21	29,15

Т а б л и ц а 10

**Принципы членения в полипарцеллятных построениях
и частота их встречаемости, %**

Принцип членения	Французский корпус	Русский корпус
Линейный	25,80	27,77
Параллельный	48,38	22,23
Комбинированный	25,80	50,00

Как показывают приведенные в табл. 9 данные, **сходство** между корпусами проявляется в том, что ведущим принципом парцеллятного членения в случае двухпарцеллятных построений является линейный принцип. Параллельный принцип используется реже.

Однако количественное распределение данных принципов в корпусах, как мы видим, довольно значительно **различается**: линейный принцип более свойственен русскому корпусу, а параллельный – французскому.

Помещенные в табл. 10 данные свидетельствуют о **различиях** в типах парцеллятного членения. В области полипарцеллятных построений наблюдается иная картина: линейный принцип теряет свою ведущую позицию. Во французском корпусе преобладают парцеллемы, построенные по параллельному принципу членения (48,38 %), а в русском – по комбинированному. «Удельный вес» французских парцеллем, построенных в соответствии с линейным и комбинированным принципами, совпадает. В русском корпусе линейный принцип членения применяется чаще, чем параллельный.

3.2.2.2. Инвариантная модель парцеллемы

В публикациях по теории и методам сопоставительных исследований часто отмечается, что при изучении синтаксических единиц языка необходимо вычленять их модели, что особенно важно в работах, выполняемых в сопоставительном русле (см., например: [Попова, 1980, 5]). Моделирование признается «формой познания и репрезентации действительности возможностями языка», которая «получает в современной науке широкое применение» [Шаталова, 2012, 24]. С чем, конечно, нельзя не согласиться.

Модель объекта является объектом-заместителем, воспроизводящим интересующие исследователя свойства и характеристики объекта-оригинала (см.: [Горячев, 2010, 58]), а также способом компактного и одновременно системного описания некоторого множества лингвистических объектов. Моделирование синтаксических объектов опирается на инвариантно-вариативные соотношения синтаксических структур, являющиеся общим свойством языковой системы в целом (см.: [Блох, 1977, 3]). Инвариант воспринимается как некая абстракция, извлеченная из некоторой суммы вариантов (см.: [Солнцев, 1984, 32–34]), метаязыковое понятие, в котором отражается наличие постоянных элементов и которое лежит в основе выделения прототипических понятий. Модель

при этом подходе рассматривается как метаязыковая реализация инварианта в речи через определенный набор структурно-семантических вариантов (см.: [Бурдаева, 2002, 48]). Под вариантом, следовательно, понимается речевая (коммуникативно-ситуативная) реализация языковой единицы.

Выделение вариантов может опираться на различные типы модификаций: только грамматические (О. И. Москальская, Н. Ю. Шведова), грамматические и конструктивные (М. Я. Блох), конструктивные (Р. Якобсон) и др. В нашем исследовании при различении модификаций парцеллем мы принимаем во внимание грамматические и конструктивные особенности парцелляции (локализация, количественный признак, семантический тип парцеллятных отношений и типы парцеллирующего членения).

Под *моделью парцеллемы* мы понимаем отвлеченный схематический образ, то, в чем заключается тождество данной парцеллемы с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов. Различия в структуре модели были установлены с помощью внутрипарадигматического противопоставления, анализа постоянных элементов.

В самом общем виде модель, свойственная всем парцеллемам, как мы уже установили, выглядит следующим образом (рис. 12).

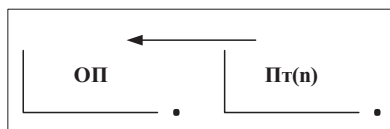

Рис. 12. Инвариантная модель парцеллемы.

Здесь и в последующих моделях используются следующие обозначения:

ОП – основа парцеллемы; **Пт** – парцеллят; **(п)** – возможное множество парцеллятов; **←** – направление синтаксической зависимости.

Знак **•** символизирует расчленение синтагматической цепи парцеллографемой (точкой или иными парцеллографемами).

Парцеллят оформляется с заглавной буквы

Данная модель является инвариантной. Ее разновидности имеют свои особенности, но всегда вписываются в общую инвариант-

ную модель: основа + парцеллят (парцелляты в двухпарцеллятных и полипарцеллятных построениях).

В номинациях моделей используются следующие символы:

- цифры **1** и более означают количество парцеллятов в пределах одной конструкции;
- прописные буквы латинского алфавита **A** и **B** обозначают используемый принцип парцеллирования (**A** – линейное членение, **B** – параллельное членение); их порядок отражает порядок применяемых принципов;
- строчные буквы латинского алфавита **a** и **b** обозначают принцип членения последнего парцеллята при комбинированной парцелляции.

Выделенные модели конструкций показывают, какие общие закономерности, специфические черты и различия существуют в структурной организации французских и русских парцеллем.

3.2.2.3. Модели однопарцеллятных конструкций

Модель 1A

Сущностью модели является парцеллема с одним парцеллятом. Имеются три ее разновидности.

1. Модель с ретроспективным парцеллятом (рис. 13).

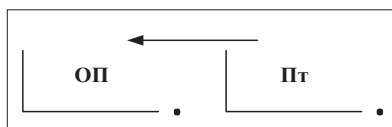

Рис. 13. Модель 1A с ретроспективным парцеллятом

Приведем примеры «материального воплощения» этой модели.

Et puis il y a eu une espèce de défilé de gens, d'officiels qui venaient me féliciter. *En plein match!* (Humanité. 2002. 17 sept.).

В России всегда с симпатией относились к несправедно обиженным властями. *Тем более обиженным властями другого государства* (Российская газета. 2002. 23 мая).

2. «Зеркальная» модель с перспективным parcelлятом (см. подраздел 3.2.1.1) (рис. 14).

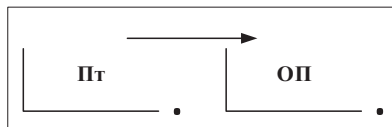

Рис. 14. Модель 1А с перспективным parcelлятом

Chicorée, alchémille, pastel, chélidoine, thym, mais aussi épinard...
Une centaine d'espèces de plantes et de légumes vous attendent aujourd'hui au jardin des plantes de la base de loisirs de Bois-le-Roi (Le Monde. 2002. 9 juin).

3. Модель с дистантно расположенным parcelлятом (рис. 15).

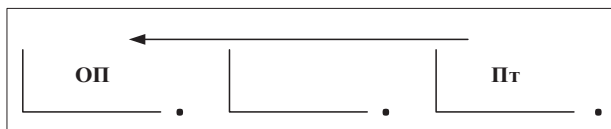

Рис. 15. Модель 1А с дистантным parcelлятом

On voulait faire un livre hybride, dont le sujet principal serait la trace", précise Mathias Enard. Pari réussi. *Trace de la guerre elle-même ou trace d'avant le grand saccage* (Le Monde. 2013. 30 mai).

В Минэкономразвития имен и явок не называют. Не их профиль. *Но перечисляют отрасли-аутсайдеры* (Московский комсомолец. 2014. 10 февр.).

Наложение фильтров «дистантный parcelлят» и «перспективный parcelлят» в программе показало, что данная модель может реализовываться только в parcelлемах с ретроспективными parcelлятами.

3.2.2.4. Модели парцеллем с двумя парцеллятами

Модель 2А

Данная модель представляет собой конструкцию с линейным парцеллированием компонентов. В основе этой модели лежит модель 1А. Сущность модели 2А составляет расчленение конструкции дважды путем углубления его синтаксической перспективы. Второй парцеллят синтаксически и семантически согласуется с первым, а не с основой. Предыдущий парцеллят предопределяет последующий, что делает невозможным их перестановку или опущение.

Модель принимает следующий вид (рис. 16).

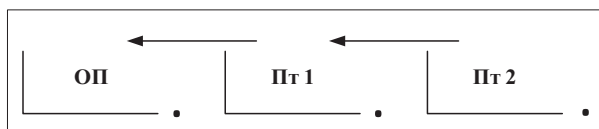

Рис. 16. Модель 2А

Проверка в программе позволила установить, что в отличие от модели 1А вариант с проспективным парцеллятом невозможен.

Приведем пример парцеллемы, построенной по выявленной модели.

Они весьма активно участвовали в событиях 93-го года. *Проникнув в Белый дом, уничтожив там документы.* (1) *И компромат на Ельцина и К°, собранный оппозиционерами* (2) (Московский комсомолец. 2001. 28 июня).

В данном случае в качестве первого парцеллята выступает обстоятельство образа действия, выраженное деепричастными оборотами, а второй парцеллят выполняет функцию однородного прямого дополнения и подчиняется неличной глагольной форме *уничтожив*.

Продemonстрируем реализацию этой модели на приведенных ниже примерах.

Actuellement 56e au classement mondial, elle espère franchir bientôt pour la première fois la barre psychologique des 50. *En attendant mieux.* (1) *Par exemple à Roland-Garros* (2) (Le Figaro. 2003. 15 jan.).

Сейчас стараюсь читать классику. *Исторические вещи*. (1) *Философские* (2) (Российская газета. 2001. 23 февр.).

Модель 2В

Данная модель воплощается в парцеллеме с параллельным парцеллированием членением (рис. 17).

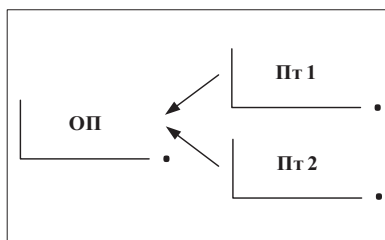

Рис. 17. Модель 2В

Приведем примеры материального воплощения приведенной на рис. 17 модели.

Il y a Caroline aussi. *L'animal de campagne*. (1) *Une tortue* (2) (Le Figaro. 1999. 16 mai).

В этом примере оба парцеллята находятся в симметрических координативных отношениях с основой и связаны с ней субординатными отношениями.

Можно вспомнить и другие фильмы. *Поразительную картину Ульриха Зайделя «Собачья жара»*. (1) *Или наше «Место на земле» Артура Аристакисяна* (2) (АиФ. 2002. 19 мая).

Поезжайте на лето в Таиланд. *Или в Сочи*. (1) *Или в любое другое место* (2) (Московский комсомолец. 2001. 28 июня).

В первом примере оба парцеллята связаны между собой альтернативными отношениями и подчинены глаголу-сказуемому *вспомнить*, а во втором – глаголу *поезжайте*.

Вариантом данной модели выступает «зеркальная» модель с проспективно-ретроспективным парцеллятом (рис. 18).

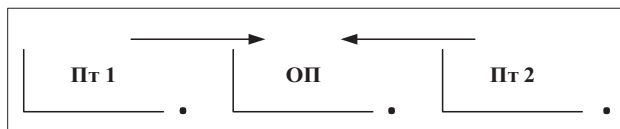

Рис. 18. Модель 2В с проспективно-ретроспективным парцеллятом

Quant à Camus... (1) Comme la plupart des jeunes de ma génération, je l'avais lu en classe de terminale. Mais je n'en gardais pas un souvenir important (2) (Le Monde. 2014. 19 août).

Брошенная в лицо тряпка, разбитая тарелка с «такими-помоями-только-свиней-кормить», гадкие слова, презрительный взгляд... (1) Насилие многогранно. И ломает оно не столь тело, сколь душу (2) (АиФ. 2013. 25 нояб.).

3.2.2.5. Модели полипарцеллятных построений

В корпусе были проиндексированы две группы моделей парцеллирующего членения, строящихся по следующим принципам: углубление синтаксической перспективы по моделям двухпарцеллятных структур (модели 2А или 2В) и комбинация моделей линейного и параллельного членения.

Модели парцеллем с синтаксической перспективой Модель (п)А

Линейная модель (п)А воплощается в парцеллеме с линейным членением компонентов (Пт 1, Пт 2, Пт 3 и так далее). Сущностью этой модели является расчленение предложения путем углубления его синтаксической перспективы (рис. 19).

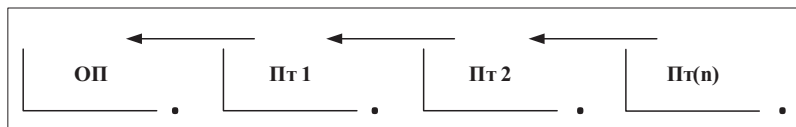

Рис. 19. Модель (п)А

Cette frénésie, un homme clé l'orchestre. Un sous-préfet, fidèle, précieux. (1) Qu'il faut protéger à tout prix. (2) Comme ce 15 mai 2012 (3) (Le Monde. 2014. 5 juin).

Да, есть умные родители, есть талантливые учителя. *Те, кто обучают думать.* (1) *Думать системно.* (2) *Понимая, что надо всматриваться в причины и следствия, что решений может быть много, что не для всех задач существуют ответы* (3) (АиФ. 2014. 28 янв.).

Модель (n)В

Сущностью данной модели (рис. 20) является парцелляция по параллельному принципу симметрических отношений (чаще всего – членов синтаксически параллельного ряда, подчиненных одному главному члену) по типу модели 2В.

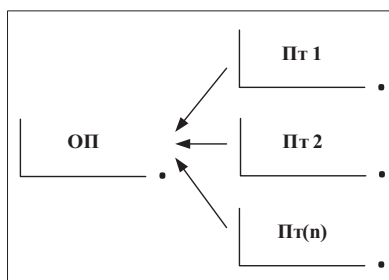

Рис. 20. Модель (n)В

Количество парцеллятов в данной модели может доходить до 7.

Il a souvent raconté la soirée fatale du meurtre de la parlementaire. *Au juge Rolland.* (1) *Aux amis de Yann Piat.* (2) *A d'innombrables journalistes de la presse écrite et audiovisuelle* (3) (Libération. 1998. 26 mai).

Это страх. *Страх взять на себя и только на себя ответственность за собственную жизнь.* (1) *Страх не справиться с жизнью и начать винить себя.* (2) *Страх, что «не сбудется мечта» или «сбудется, но не так»* (3) (АиФ. 2013. 20 дек.).

Выделенные парцелляты в приведенных примерах относятся к симметрическому типу.

3.2.2.6. Модели конструкций комбинированного типа

Парцеллированные конструкции, воплощающие комбинацию моделей линейного и параллельного членения компонентов, проявляют достаточно большое разнообразие. Наш корпус содержит конструкции, представляющие собой варианты комбинации типов членения. Приведем некоторые примеры.

Модель 3ABb

Данная модель (рис. 21) строится по линейному принципу в первом парцелляте (Пт 1) и по параллельному принципу во втором в третьем парцеллятах (Пт 2 и Пт 3).

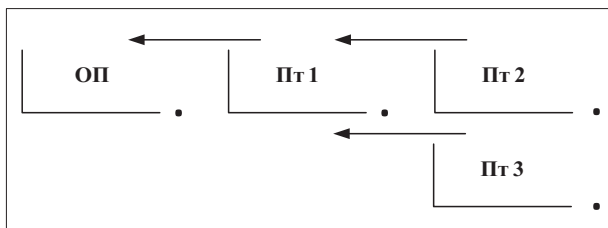

Рис. 21. Модель 3ABb

Roman d'apprentissage, La Sourde Violence des rêves embarque le lecteur dans un voyage à plusieurs voix. Il y a celle de Tshepo, d'abord, qui «filme» et raconte ses errances – de l'asile psychiatrique aux hôtels luxueux de Camp Bay, en passant par les townships et leurs enfants cruels-, évoquant les viols collectifs, les braquages et les agressions, qui font l'ordinaire des Sud-Africains les plus pauvres. *Mais il y a aussi l'inoubliable Mmabatho, amoureuse et bourrue, en quête d'elle-même, comme Tshepo.* (1) *Et le mutique Zebron, au passé criminel, dont le duo/duel avec une vieille psychiatre afrikaner est un modèle de finesse.* (2) *Sans oublier le doux Karel, Sebastian le rêveur et les ignobles Chris ou Jacques...* (3) (Le Monde. 2014. 20 févr.).

Пожалуй, лишь в кавээнзовском выступлении прошла бы реприза Владимира Вольфовича величать Путина Владимир Первый. *Потому что догадливая молодежь углядела бы, что Владимир Второй – это он сам!* (1) *Жириновский!* (2) *И оценила бы юмор по достоинству* (3) (АиФ. 2014. 20 авг.).

Модель 3ВВа

Сущностью этой модели (рис. 22) является комбинация параллельного членения (Пт 1 и Пт 2) и линейного членения (Пт 3).

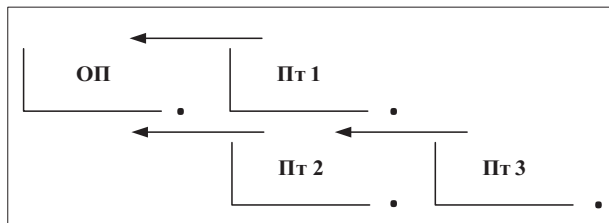

Рис. 22. Модель 3ВВа

Правда, тут важно не впасть в другую крайность. *В брюзжащий нигилизм.* (1) *В отрицание всего и вся.* (2) *Хотя, если присмотреться, это просто «вывернутая наизнанку матрица»* (3) (АиФ. 2014. 13 янв.).

Мне ближе камерная музыка. *Живая и свободная.* (1) *Когда друзья и единомышленники вокруг.* (2) *Такие же живые и свободные* (3) (Московский комсомолец. 2014. 21 июля).

Модель 4АВВb

Сущностью данной модели (рис. 23) является комбинация последовательного членения (Пт 1) и параллельного членения (Пт 2, Пт 3 и Пт 4).

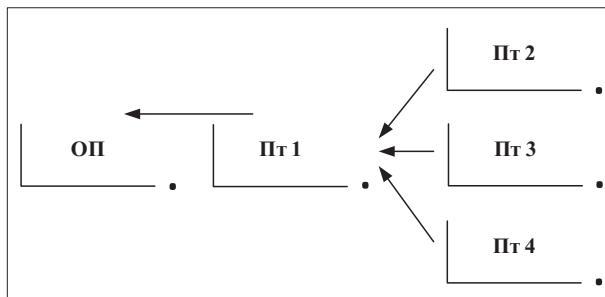

Рис. 23. Модель 4АВВb

En même temps, l'auteur ne cesse pas de regarder au-delà des apparences. *De chercher à débusquer partout les signes d'un sens général.* (1) *Comme dans cette image d'une nouvelle race de grands-parents, affublés de ridicules vêtements de sport.* (2) *Ou dans l'impression de chaos organisé des images à la télévision.* (3) *Ou encore dans les manifestations de quelques penchants notoires de l'époque* (4) (L'Humanité. 2002. 11 oct.).

Второй парцеллят представляет собой часть сложного глагольного сказуемого, первая часть которого расположена в основе. Второй, третий и четвертый сегменты представляют собой симметрические парцелляты альтернативного типа, имеющие семантическое значение сравнения и подчиняющиеся глаголу *débusquer*. Таким образом, первый парцеллят отчленен линейно, а остальные – параллельно.

Модель 4ВВАа

Рассмотрим следующий далее пример.

Иной раз кажется, что виной всему происходящему – элементарное бескультурье. *Вернее, малый культурный багаж той или иной нации.* (1) *Другими словами, варварство в том самом смысле, что в это слово вкладывали древние греки и римляне.* (2) *Но потом спохватываешься.* (3) *Потому что налицо явное несоответствие* (4) (АиФ. 2014. 9 мая).

Симметричные парцелляты *Вернее, малый культурный багаж той или иной нации.* (1) *Другими словами, варварство в том самом смысле, что в это слово вкладывали древние греки и римляне.* (2) отчленены по параллельному типу. Парцелляты *Но потом спохватываешься.* (3) *Потому что налицо явное несоответствие* (4) отчленены линейно. Данный случай представляет модель, изображенную на рис. 24.

Модель 4ВВВа

Данная модель (рис. 25) включает комбинацию первых трех парцеллятов, отчлененных параллельно, и линейного четвертого парцеллята.

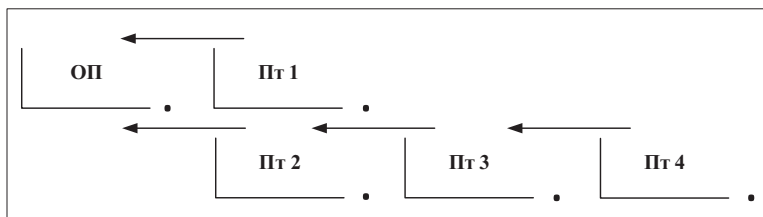

Рис. 24. Модель 4BBAa

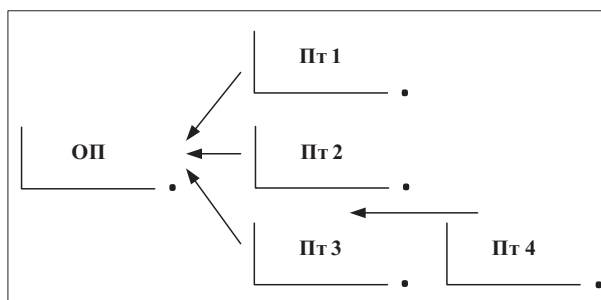

Рис. 25. Модель 4BBBa

Avec leurs derniers euros de bienfaiteurs incompris, je leur suggère d'ouvrir une salle où l'on passerait les grands films qu'on ne revoit plus qu'en petit. *Lawrence d'Arabie en copie neuve, le Parrain, Deer Hunter, en boucle.* (1) *Le Guépard, Johnny Guitare.* (2) *Et Jeanne d'Arc d'Orson Besson.* (3) *Pour le contraste* (4) (Libération. 2007. 30 juin).

Модель 4AABb

Сущность данной модели отражена на рис. 26.

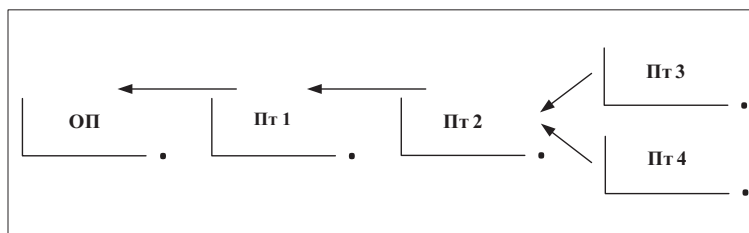

Рис. 26. Модель 4AABb

Il semblerait que l'époque morose, des mois de crise et une tension exacerbée, aient fait naître le besoin de se lâcher. *Ou du moins de se retrouver à partager quelques bulles de champagne.* (1) *Car ce rituel de Noël est, de tous, le seul à permettre un resserrement des liens, un apaisement des conflits, voire, dans l'idéal, un pardon.* (2) *D'abord à cause de son sens symbolique d'échange de dons.* (3) *Ensuite par son message de transition et de redémarrage* (4) (La Tribune. 2013. 22 déc.).

Модели пяти и более парцеллятных структур строятся по тем же схемам в различных вариациях. Одни рекуррентны во французских СМИ, другие – в русских (квантитативные данные представлены в табл. 11). Приведем некоторые примеры.

Модель 5BbAbB

«Кардиополитика» – точный документ своей эпохи. *Не такой радикальный по форме и содержанию, как фильм «Срок» Александра Расторгуева, Павла Костомарова и Алексея Пивоварова – хроника поражения лидеров протестного движения 2011–2012 годов в Москве, ставящая под сомнение саму возможность перемен в русской жизни.* (1) *Но достаточно тонкий и взвешенный, чтобы разглядеть нашу историю спустя сто лет.* (2) *Историю, в которой документальные события так похожи на вымысел и наоборот.* (3) *В которой справедливость относительна и недоступна, как горизонт, зато подлость и благородство, трусость и смелость всегда конкретны и видны как на ладони.* (4) *И в которой каждый раз все забывается – и повторяется снова* (5) (Московский комсомолец. 2014. 21 июля).

Модель 5AABbA

В душе слишком многих народов сейчас происходит именно такой «разговор». *И его громкость в последние четверть века возрастает как раз к тому дню, который мы пока еще считаем Днем Победы.* (1) *Победы над варварством, над тиранией, над жестокостью и бескультурьем.* (2) *Над агрессивным невежеством.* (3) *Над примитивной первобытностью, в конце концов.* (4) *Потому что фашизм в его «культурных» проявлениях, будь то сожжение книг или снос памятников, и есть скатывание в самую дремучую, кровавую первобытность* (5) (АиФ. 2014. 9 мая).

Модель 5AABVb

Плясали там яростно. *Задрав к небу зады и имея в руках какой-нибудь садово-шанцевый инструмент типа лопаты или тяпки.* (1) *Потому что «а как же картошечки к зиме».* (2) *Или «сами же потом будете пальчики облизывать».* (3) *Или «зато свое, не покупное, без нитратов».* (4) *Или «а как же еще иначе, вон как цены-то растут»* (5) (АиФ. 2014. 30 апр.).

Модель 5BVBAA

Репин, судя по его воспоминаниям, явно хотел передать мощную экспрессию. *Трепет.* (1) *Волнение.* (2) *Восторг.* (3) *Но действовал заведомо негодными, академическими методами.* (4) *Поскольку считал тех же импрессионистов жуликами, а их приемы – мазней* (5) (АиФ. 2014. 6 марта).

Модель 6AABVAA

«Je vis avec beaucoup de fantômes, disait Chéreau, toujours dans Libération. *Ceux des morts, c'est relativement facile, c'est à la portée de tout le monde.* (1) *Mais mes fantômes sont souvent ceux de gens vivants.* (2) *Des gens qui se sont éloignés, auxquels je pense toujours.* (3) *Des gens que j'ai aimés.»* (4) *Exactement ce qu'il parvient à projeter dans Rêve d'automne.* (5) *Jusqu'à cette image finale des hommes gisants et des femmes quittant le cimetière, ensemble mais seules* (6) (Libération. 2010. 6 oct.).

Модель 6AABAAB

Вот только «кровавая помойка» по сравнению с тем, что стало, теперь кажется чем-то вполне респектабельным. *А «то, что стало», рухнуло в такие кровавые и зловонные тартарары, что не во всяком кино увидишь.* (1) *Не во всяком.* (2) *Но Алексей Герман нам это кино показал.* (3) *И показал, чем кончаются забавы любителей джаза.* (4) *Тех, кто хотел как лучше.* (5) *Тех, кто «хотел странного»* (6) (АиФ. 2014. 6 марта).

Модель 6BBBBVAA

La foule est quadrillée de militaires: des troupes, des policiers, des tueurs, beaucoup de tueurs, connus en certaines circonstances ou reconnaissables aux écussons de leurs uniformes. *Des paysans qui ont*

garé leurs tracteurs derrière les bus. (1) Des retraités, des femmes qui pleurent très souvent à l'évocation de leur avenir. (2) Des gens qui, selon l'expression, «ne savent plus où ils habitent.» (3) Qui ne comprennent pas ce qui leur tombe sur la tête. (4) Qui l'expriment comme Ana, une lycéenne, originaire de Dobrinja, à deux kilomètres de là, réfugiée dans l'appartement d'une famille inconnue, qui répète entre chaque phrase: «On ne nous avait jamais dit ça.» (5) Sans pouvoir expliquer ce qui aurait changé, si on le lui avait dit (6) (Libération. 1995. 30 déc.).

Т а б л и ц а 11

**Модели парцеллем во французском и русском корпусах
и частота их встречаемости, %**

Модель	Французский корпус	Русский корпус
1A	86,54	79,97
2Aa	6,02	9,90
2Bb	4,05	4,07
3AAa	0,66	2,23
3BBb	0,88	0,96
3BBa	0,11	0,48
3ABb	0,33	0,48
4AAAAa	0	0,40
4AABb	0,11	0,08
4ABBb	0,11	0
4BBBb	0,55	0,08
4BBBa	0,11	0,24
4BBAb	0	0,08
5AAAAa	0	0,16
5AAABb	0,11	0

Модель	Французский корпус	Русский корпус
5AABBa	0	0,08
5AABBb	0	0,16
5BBBBb	0,11	0,16
5BBaBb	0	0,08
5BBBAa	0	0,08
5BBABa	0	0,08
6AAAAAa	0	0,08
6AABBAAa	0,11	0
6ABVABb	0	0,08
6BBBBBa	0,11	0
6BBVABb	0	0,08
7BBBBBBb	0,11	0

Результаты сопоставительного анализа данных, приведенных в табл. 11, позволяют сделать вывод о том, что наиболее продуктивной моделью является модель 1A (86,54 % во французском корпусе и 79,97 % – в русском).

Обнаруживаются также следующие **сходства**:

1) преобладание в обоих корпусах модели двухпарцеллятных структур, построенных по принципу синтаксической перспективы – модели 2Aa (6,02 % во французском корпусе и 9,90 % – в русском), при этом ее частотность в русском корпусе выше; модель 2Bb встречается реже (4,05 и 4,07 % соответственно), и, как мы видим, ее частотности в обоих корпусах совпадают;

2) в области полипарцеллятных структур фиксируем большое разнообразие и малую частотность (< 1 % каждой модели во французском и русском корпусах, за исключением модели 3AAa в русском корпусе – на ее долю приходится 2,23 %).

Статистический анализ позволяет выявить следующие **различия**:

1) русские парцеллемы, построенные по модели 2Аа, встречаются в корпусе в 1,6 раза чаще (6,02 % и 9,90 %), а построенные по модели 3ААа – в 3,4 раза чаще (0,66 и 2,23 % соответственно);

2) в целом полипарцеллятные модели по типу В (параллельное членение) встречаются во французском корпусе чаще, чем в русском;

3) частотности модели 1А различаются: 86,54 % во французском корпусе и 79,97 % – в русском;

4) в русском корпусе наблюдается большее разнообразие полипарцеллятных моделей, чем во французском, что говорит, как мы полагаем, о большей гибкости грамматической системы русского языка.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Парцеллема есть сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотических систем (парцеллографем), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Переплетение этих двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату – распознавать широкий диапазон контекстуально обусловленных смыслов.

Под парцеллемой мы понимаем, во-первых, эмическую единицу, идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов – конструкций с парцелляцией; во-вторых, проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе. В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент – парцеллографему, значение которой определяется как *наиболее важное, новое в текущем выражении*. Это стабильная часть семантики данного знака. В дискурсе парцеллографема приобретает конкретные дискурсивные смыслы

(переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией ее значения и дискурсивной интерпретацией. Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции – специальной графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конститuenty. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конститuentом – парцеллятом. Именно инкорпорирование парцеллографема в семиотический комплекс высказывания приводит к усложнению семантической структуры и формированию сложного парцеллятного знака, в котором вербальная знаковая система выступает в качестве отдельного уровня, коррелирующего с уровнем невербальной семиотической системы.

Вслед за когнитивными психологами мы полагаем, что парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он деавтоматизирует и стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Таким образом, парцелляция является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциальном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации.

Парцеллографема, намеренно включенная адресантом в структуру текста, позволяет увеличить семантическую емкость текстового компонента, а адресату – декодировать те интенции, которые остаются не переданными посредством естественного языка. Парцеллографемы обеспечивают создание отдельного информационного канала, служащего одновременно и каналом связи между адресантом и адресатом. Для адресанта это продуктивное средство организации в тексте концептуальной информации, распределения фокусов внимания. Для адресата – инструкция к корректному восприятию данного конкретного высказывания. Парцеллографемы семантически обогащают текст и повышают его познавательную ценность.

Корпусное исследование позволило провести сопоставительный анализ французских и русских парцеллем в двух измерениях: синтаксическом и семантическом. Для фиксации сходств и рас-

хождений мы построили принципиальную схему сопоставления, в которую включили следующие параметры, проиндексированные в корпусе:

- 1) тип парцеллятной сетки;
- 2) локализация парцеллята;
- 3) дистанция между основой и парцеллятом;
- 4) тип парцеллемы по количеству парцеллятов;
- 5) типы семантики парцеллятов;
- 6) модели парцеллятного членения.

Инвентарь парцеллографем включает ряд финальных синграфем – символов конца предложения: точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. Парцеллографемы вкупе с пост-парцеллятными знаками образуют специфическую парцеллятную сетку, определенным образом «программирующую» восприятие парцеллемы. Анализ корпуса позволил выделить два типа парцеллятной графики: единую и комбинированную. Единая парцеллятная сетка (ЕПС) характеризуется единообразной, бесконфликтной с позиции целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировкой парцеллемы. Наиболее распространенной является ЕПС с точками, частотность которой в корпусах примерно одинакова. То же касается и ЕПС с вопросительными знаками. Корпусный сопоставительный анализ позволил выделить два типа ЕПС, которые свойственны текстам на русском языке, но отсутствуют в текстах на французском: ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями. Группа парцеллем с комбинированной парцеллятной сеткой (КПС) объединяет две подгруппы: а) комбинацию точки с другими знаками и б) комбинацию знаков без точки. Разнообразные варианты этих комбинаций составляют примерно 1/10 часть корпусных массивов и характеризуются многообразием. К сходствам относим аранжировку парцеллем КПС точка + вопросительный знак и КПС с разными знаками. В остальных типах наблюдаются значительные расхождения. Специфику русского корпуса составляет КПС вопросительный знак + точка. Как было установлено, пунктуационное оформление парцеллем в точности следует общим тенденциям в использовании финальных синграфем в газетных текстах.

Применение парцеллограммы является результатом креативной деятельности создателя текста (адресанта), находящегося в поиске средств для решения коммуникативно-прагматических задач. Мы считаем, что парцеллограммы используются в качестве самостоятельного канала передачи информации, являются невербальным способом кодирования последней и своеобразной инструкцией к ее расшифровке. Парцеллярная «упаковка» меняет характер восприятия и обеспечивает высокую пропускную способность информационных каналов.

Анализ использования парцеллем во французских и русских текстах приводит к выводу о том, что плотность и частотность французских парцеллем ниже по сравнению с русскими в 1,5 раза.

Анализ конструктивного устройства парцеллем (синтаксическое измерение) дал основание для выделения трех типов парцеллятов по их локализации по отношению к основе. Наиболее распространенными в обоих корпусах являются ретроспективные парцелляты, размещающиеся постпозиционно. Проспективные парцелляты располагаются препозиционно по отношению к парцеллеме; проспективно-ретроспективные парцелляты возможны только в двухпарцеллярных структурах и представляют собой оригинальное пре- и постпозиционное «обрамление» основы. Выбор размещения фокусной информации в тот или иной тип парцеллята – индивидуально-авторская стратегия, регулируемая определенными синтаксическими ограничениями. В проспективный парцеллят могут быть вынесены только номинальные координативные синтагмы. Проспективные и проспективно-ретроспективные парцелляты более свойственны французскому корпусу; в русском корпусе их примеры единичны. Каждому из выделенных типов соответствует одноименная техника аттенциального фокусирования.

По параметру «удаленность от основы» были выделены две группы парцеллятов: примыкающие (контактные, псевдоконтактные и свободные) и дистантные парцелляты. Первые расположены в непосредственной близости от основы, вторые представляют собой проявление синтагматической дисконтинуальности – они отделены от основы другим предложением, как правило, комменти-

рующим, разъясняющим авторскую оценку или позицию. При сопоставительном анализе обнаружено практически полное сходство в распределении примыкающих и дистантных парцеллятов. В обоих корпусах фиксируется преобладание примыкающих парцеллятов и малая частотность дистантных парцеллятов, связанная, очевидно, со сложностью, подчеркнутой расчлененностью данного построения, осложнением отношений между его компонентами и расчлененностью восприятия.

Количественный параметр характеризует способность парцеллемы к регулированию направленности аттенциального фокуса на один парцеллят или к его двойному и многократному расщеплению. По данному параметру, таким образом, выделены однопарцеллятные, двухпарцеллятные конструкции и полипарцеллятные построения. Сопоставительный анализ корпусов приводит к выводу о наличии значительного количества сходств у французских и русских парцеллем по этому параметру: безусловное преобладание однопарцеллятных структур, более высокая частотность двухпарцеллятных по сравнению с полипарцеллятными. Различия заключаются в ощутимо меньшей частотности полипарцеллятных построений во французском корпусе при сравнении с русским.

Новые грани парцелляции открываются при анализе семантики парцеллятов (семантическое измерение). Были выделены две группы парцеллятов, реализующие разные семантико-синтаксические программы: асимметрические (17 групп), характеризующиеся введением новых когнитивных представлений, и симметрические (22 группы), специфика которых заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении / исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений о контексте дискурса, а также группу двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений, парцелляты которых реализуют программы обоих типов.

В асимметрических парцеллятах в обоих корпусах аттенциальный фокус выделяет чаще всего каузальный аспект конструируемой ситуации. Французские асимметричные парцеллемы высвечивают также темпоральную характеристику описываемой продуцентом речи ситуации, способы и характер совершения действий.

Несколько реже в фокус внимания выдвигаются компоненты со значением цели и характеристики объектов или субъектов ситуации. Русские парцелляты чаще других аспектов выводят в фокус внимания уступку, цель предпринимаемых действий, характеристики объектов или субъектов ситуации, реже – следствие, способы и характер совершения действий. Примерно одинаково в корпусах представлены пространственные и условные парцелляты. Специфическим является отсутствие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации, парцеллятов – дискурсивных слов во французском корпусе.

Среди симметрических парцеллятов в обоих корпусах преобладают координативные, чаще всего оформленные союзом *но*, вводящим информацию, контрастирующую с когнитивными представлениями о контексте дискурса. Парцелляция данного типа построений призвана нарушить относительное равновесие ее частей и сфокусировать внимание на их субъективно значимой неравноправности. При этом важную роль играет семантика союза, оформляющего парцеллят. Во французском корпусе преобладают симметрические парцелляты со значением объектов конструируемых ситуаций, процентная доля которых был невелика в группе асимметрических парцеллятов. В русском – предикативные парцелляты (части полипредикативных построений, сообщающих о нескольких ситуациях, характеризующихся одним субъектом, обозначенным в основе). К сходствам отнесем малую частотность (менее 5 %) каузальных, темпоральных, целевых, пространственных, компаративных и некоторых других типов парцеллятов, а также отсутствие следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах. Различия наблюдаются в области разнородных парцеллятов сложных парцеллем: в русском корпусе они встречаются значительно чаще. Специфическими чертами являются наличие рестриктивных парцеллятов, оформляемых союзом *sauf que*, во французском корпусе и наличие координационно-пояснительных парцеллятов в русском корпусе.

Сопоставительный анализ позволил выявить следующую закономерность: в обоих корпусах преобладают симметрические пар-

целляты, значительно реже используются асимметрические, еще более редки разнородные парцелляты в составе сложных парцеллем. Различия сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов (они чаще встречаются во французском корпусе) и разнородных парцеллем, преобладающих в русском корпусе.

Было установлено, что вопреки устоявшемуся мнению потенциал парцелляции ограничен. Парцеллятному членению не могут подвергаться:

- в области асимметрических парцеллятов – сложные именные сказуемые, прямообъектные парцелляты, во французском корпусе также предикативные парцелляты;

- в сфере симметрических конструкций – парцелляты со значением следствия, условия, уступки, прикомпаративно-объектные, координационно-пояснительные, подчинительно-сопоставительные.

Парцеллятная граница не проводится также в конструкциях с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью, после коррелятов *celui, ce, тот, такой*.

Анализ корпусов дал основание для выделения инвариантной модели парцеллемы, включающей основу и парцеллят (парцелляты в двухпарцеллятных и полипарцеллятных построениях). Разновидности данной модели опираются на три принципа парцеллирующего членения:

- линейный, реализующийся в парцеллемах любой структуры;
- параллельный, реализующийся в двух- и более сложных парцеллемах;

- комбинированный, свойственный лишь полипарцеллятным построениям.

При выделении моделей учитывались также ранее выявленные конструктивные особенности парцеллем. Наиболее частотной в обоих корпусах является модель 1А. В двухпарцеллятных построениях преобладает модель 2А, в основе которой – принцип синтаксической перспективы. Полипарцеллятные построения характеризуются большим разнообразием и малой частотностью. Двух- и полипарцеллятные построения по моделям линейного членения несколько чаще встречаются в русском корпусе, а полипарцеллят-

ные построения по модели типа В (параллельное членение) – во французском корпусе. Важным различием является также то, что в русском корпусе наблюдается большее разнообразие полипарцеллятных моделей, чем во французском.

Итак, сопоставительный анализ корпусных массивов позволяет сделать вывод о том, что в целом французские и русские парцеллемы проявляют больше конструктивных сходств, чем различий. Последние сконцентрированы в основном на периферии феномена парцелляции. Следует отметить ощутимую гибкость и большее разнообразие типов и моделей в русском корпусе. Выявленные в ходе анализа различия и специфические черты, на наш взгляд, обусловлены особенностями пунктуационной и грамматической систем исследуемых языков, а также национальными особенностями мировосприятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена сопоставительному когнитивно-семиотическому и когнитивно-дискурсивному исследованию парцелляции на материале французского и русского корпусов газетных текстов. Интегрированная методология, разработанная в рамках исследования, позволила решить ряд проблем, связанных с выявлением природы парцелляции, ее когнитивных, конструктивных и семантических свойств, проявляющихся в формате предложения и дискурса, установлением межъязыковых сходств, различий и национальной специфики.

Теоретическое осмысление парцелляции в контексте существующих подходов к ее изучению выявило, с одной стороны, многоаспектность и полифункциональность данного лингвистического феномена, с другой – дискуссионность в определении его сущности и границ, статуса отчленяемого сегмента и всего построения, разнородность предлагаемых в современной лингвистике классификаций. Установлен фрагментарный характер проведенных сопоставительных исследований, а также исследований, выполненных в русле когнитивно-дискурсивного направления; выявлено отсутствие работ, опирающихся на данные корпусов. Вышесказанное обусловило необходимость создания комплексной методологии, интегрирующей следующие подходы: когнитивно-дискурсивный, корпусный и сопоставительный.

Данный ракурс позволил разработать и обосновать когнитивно-семиотическую концепцию парцелляции, опирающуюся на исследования в сфере когнитивной и экспериментальной психологии. Полученные результаты подтверждают наше исходное положение о том, что парцелляция является одним из оптимальных средств распределения внимания в формате предложения и дискурса, средством аттенциального фокусирования. Парцелляция также рассматривается нами как специальная визуально-графическая операция,

расчленяющая единую структуру предложения на конститuentы: основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основной и третьим конститuentом – парцеллятом. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения аттенциального фокуса на парцеллят.

В работе устанавливается, что результат парцелляции – парцеллема – представляет собой сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии – фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). По своей природе парцеллема – сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации.

Парцелляция является результатом когнитивно-семиотической деятельности, свидетельствующей о том, как продуцент речи конструирует в сознании и, соответственно, в языке описываемую сцену, какие именно составляющие и свойства сцены являются для него салиентными и какой он хочет представить ее адресату. Для продуцента это осознанный и контролируемый отбор и размещение в аттенциальном фокусе какого-либо значимого свойства объекта / ситуации. Способность управления вниманием наряду с коммуникативной релевантностью и интенциональной обусловленностью признана нами имманентными характеризующими признаками всех парцеллем вне зависимости от их типов.

В результате обработки теоретического и эмпирического материала были разработаны классификации парцеллем в рамках семиотических измерений: синтактики, семантики и, в дискурсивном формате, прагматики. Для обработки массивов газетных текстов использовалась специальная компьютерная программа *Linguistica*, позволившая создать лингвистический двуязыковой корпус, индексировать его по выстроенным параметрическим (классифика-

ционным) деревьям и получить статистические отчеты и конкордансы. Программа прошла тестирование и была зарегистрирована в Роспатенте; свидетельство о ее государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014 представлено в Приложении.

Данный технологический инструмент позволил провести комплексный анализ обширного эмпирического материала (около 0,5 млн словоупотреблений) и получить статистически значимые результаты, давшие основания для выявления как сущностных качественных характеристик парцелляции, так и ее значимых сходств, различий и специфики в исследуемых языках. Концепция созданного при помощи программы сопоставительного объектно-ориентированного французско-русского корпуса опирается на четыре критерия: 1) критерий репрезентативности, 2) критерий сбалансированности, 3) критерий сопоставимости, заимствованный нами из зарубежной корпусной лингвистики и уточненный в контексте предпринятого исследования, и 4) на введенный нами критерий обзоримости текстов (это необходимое, на наш взгляд, требование к корпусу, на материале которого производится дискурсивный анализ). С целью объективной оценки репрезентативности корпуса разработана методика верификации достоверности полученных при индексировании корпуса результатов, валидность которой была проверена в ходе апробации. Также нами разработана специальная методика сопоставительно-параметрического анализа с применением программы *Linguistica*, предусматривающая шесть этапов: эвристический, технический, аналитический, коррекционный, интерпретационный и заключительный. Таким образом, мы можем утверждать, что исследованный массив, проиндексированный в корпусе, является достаточной базой для верификации предложенной нами концепции и формулировки достоверных, обоснованных выводов о современном состоянии изучаемого феномена.

Синтаксическое измерение парцеллемы позволило установить следующие особенности ее конструктивной организации.

По параметру *локализация парцеллянта по отношению к основе* в обоих языках преобладают ретроспективные парцеллянты (98,91 % во французском и 99,6 % в русском), размещаемые

постпозиционно по отношению к основной части. Редким типом являются перспективные парцелляты (0,77 и 0,32 % соответственно), направляющие мысль адресата на то, что будет сообщено далее, но не раскрывающие структуру ситуации и ее участников. К окказиональному типу относятся перспективно-ретроспективные парцелляты (0,33 и 0,08 %), воплощающие специфику первых двух типов. Два последних типа несколько более частотны во французском языке. Каждому типу соответствует одноименная техника аттенциального фокусирования.

Обнаружены сходства в классификации по параметру *степень удаленности от основы*: ведущим типом выступают примыкающие парцелляты, находящиеся в непосредственном контакте с основой (98,47 % во французском корпусе и 97,77 % в русском корпусе); дистантные парцелляты, удаленные от основы и представляющие собой яркое проявление синтагматической дисконтинуальности, относятся к редкому типу (1,53 и 2,23 % соответственно). Сегмент, отделяющий парцеллят от основы, выступает часто в функции парантезы, комментирующей, разъясняющей парцеллятное сообщение или дающей ему оценку.

Классификационная группа по параметру *количество парцеллятов* обнаруживает сходства в распределении частотности выделенных типов и представлена преимущественно однопарцеллятными структурами (86,54 % во французском корпусе и 79,97 % в русском корпусе), менее частотными двухпарцеллятными построениями (10,07 и 13,97 % соответственно) и более редкими полипарцеллятными построениями (3,39 и 6,06 %). Два последних типа репрезентируют такой вид парцеллятной «упаковки», для которой характерно расщепление фокуса внимания: парцеллема кодирует двукратное или многократное выделение значимых элементов ситуации или характеристик объекта / ситуации.

Внутрипарадигматическое противопоставление исследуемых объектов позволило выявить инвариатную модель парцеллемы – отвлеченный схематический образ, отражающий ее тождество с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов. Варианты модели

описываются в классификационной группе *модели парцеллем*, учитывающей тип парцеллирующего членения (линейный, параллельный, комбинированный) и выявленные выше характеристики синтаксического измерения. Установлено, что в области однопарцеллятных структур языки проявляют сходство: модель 1А является наиболее частотной (86,54 % во французском корпусе и 79,97 % в русском корпусе). В области двухпарцеллятных построений, конструирующихся по принципу синтаксической перспективы (линейной – тип А или параллельной – тип В), языки проявляют как сходство, заключающееся в преобладании парцеллем типа А над В (6,02 и 4,05 % соответственно во французском корпусе; 9,90 и 4,07 % – в русском), так и различия в частотности: французские парцеллемы типа А встречаются в 1,5 раза реже, чем русские. Среди полипарцеллятных построений наиболее представленными во французском корпусе являются трех- и четырехпарцеллятные типа В, остальные модели реализуются окказионально; для русского корпуса характерны модели как типа А, так и типа В, а также чаще распространены их разнообразные комбинации.

Ключевую роль в организации парцеллемы играет парцеллографема – особый элемент, который делает обычный синтаксический знак парцеллятным. Под *парцеллографемой* мы понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Парцеллографема является знаком, суть которого можно сформулировать как *наиболее важное, новое в текущем выражении*. Было установлено, что арсенал парцеллографем включает такие финальные синграфемы, как точка, вопросительный знак, восклицательный знак и многоточие. В конструировании парцеллемы участвуют как минимум два знака: левосторонний знак после основы – парцеллографема и правосторонний, постпарцеллятный знак. Парцеллографемы и постпарцеллятные знаки образуют *парцеллятную сетку*, накладывающуюся на вербальные знаки, влияющую на их иерархизацию и регулирующую их восприятие. Инвентаризация парцеллятных сеток позволила выделить две классификационные группы: единую парцеллятную сетку – ЕПС (90,92 % во французском корпусе и 87,55 % в русском корпусе) и комбинированную

парцеллятную сетку – КПС (9,08 % во французском корпусе и 12,45 % в русском корпусе), встречающиеся в обоих языках и проявляющиеся как сходства, различия, так и специфические черты, свойственные только одному языку.

В группе единых парцеллятных сеток наблюдается значимое сходство в частотности ЕПС с точками (98,44 % во французском корпусе и 96,54 % в русском корпусе) и вопросительными знаками (1,56 и 1,64 % соответственно). Группа комбинированных парцеллятных сеток демонстрирует преимущественно расхождения между языками по всем выделенным типам, за исключением КПС точка + вопросительный знак (13,25 % во французском корпусе и 12,18 % в русском корпусе) и КПС разные знаки (8,43 и 8,97 % соответственно). Яркой спецификой русского корпуса является возможность реализации ЕПС с восклицательными знаками (1,55 %), многоточиями (0,27 %), а также КПС вопросительный знак + точка (7,69 %).

Нами установлено, что наложение парцеллятной сетки следует общим тенденциям в использовании пунктуационных знаков в газетных текстах: случаи применения финальной синграфемы точка составляют 90,00 % во французском корпусе; в парцеллемах ЕПС с точками – 89,50 %. Та же тенденция прослеживается и в русском корпусе: частотность точки в газетных текстах составляет 86,00 %, а ЕПС с точками – 84,52 %. На остальные знаки в разных комбинациях приходится 10,50 %.

При анализе частотности использования парцеллем в газетных текстах выявлены существенные расхождения. Так, плотность использования парцеллем во французских текстах ниже, чем в русских (средний показатель частотности во французском тексте – 3,80 парцеллемы, в русском – 5,22). При пересчете на объем текстов, исчисляющихся словоупотреблениями, получены аналогичные результаты: во французском корпусе на 1 парцеллему приходится 255,3 словоупотребления, в русском – 133,4, то есть частотность русских парцеллем и по этому параметру значительно выше.

Индексирование параметров **семантического измерения** парцеллем дает следующие результаты.

В ходе анализа были выделены асимметрические парцелляты (17 групп), характеризующиеся введением новых когнитивных представлений, и симметрические парцелляты (22 группы), специфика которых заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении / исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений о контексте дискурса, а также группа разнородных, асимметрически-симметрических структур, наследующая свойства обеих групп.

В асимметрических парцеллятах в обоих корпусах аттенциальный фокус выделяет чаще всего каузальный аспект конструируемой ситуации (17,73 % во французском корпусе и 21,79 % в русском корпусе). Французские асимметрические парцеллемы высвечивают также темпоральную характеристику описываемой продуцентом речи ситуации (16,26 %), способы и характер совершения действий (14,29 %). Несколько реже в фокус внимания выдвигаются компоненты со значением цели (7,39 %) и характеристики объектов или субъектов ситуации (8,87 %). Русские парцелляты чаще других аспектов выводят в фокус уступку (15,08 %), цель предпринимаемых действий (10,06 %), характеристики объектов или субъектов ситуации (12,29 %), реже – способы и характер совершения действий (6,15 %). Примерно одинаково в корпусах представлены пространственные (3,45 % во французском корпусе и 3,35 % в русском корпусе) и условные (5,41 и 5,59 % соответственно) парцелляты. Специфическим является наличие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации, парцеллятов – дискурсивных слов в русском корпусе.

В группе симметрических парцеллятов в обоих корпусах преобладают координативные, чаще всего оформленные союзом *но* (25 %), вводящим информацию, контрастирующую с когнитивными представлениями о контексте дискурса. Во французском корпусе доминируют симметрические парцелляты со значением объектов конструируемых ситуаций (15,88 %), процентная доля которых была невелика в группе асимметрических парцеллятов. В русском корпусе преобладают предикативные парцелляты (17,59 %). Сходства проявляются в малой частотности (менее 5 %)

каузальных, темпоральных, целевых, пространственных, компаративных и некоторых других типов парцеллятов, а также в отсутствии следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах. Различия наблюдаются в области разнородных парцеллятов сложных парцеллем: в русском корпусе они встречаются значительно чаще: в 9,20 % случаев против 5,34 % во французском. Специфика французского корпуса заключается в наличии рестриктивных парцеллятов (0,74 %); специфика русского – в наличии координационно-пояснительных парцеллятов (0,10 %).

Полученные количественные данные позволили обнаружить следующую закономерность: в обоих корпусах преобладают симметрические парцелляты (73,74 % во французском корпусе и 78,93 % в русском корпусе), значительно реже используются асимметрические (22,21 и 14,29 % соответственно), еще менее частотны разнородные парцелляты в составе сложных парцеллем (4,05 и 6,78 %). Различия сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов (они более частотны во французском корпусе) и разнородных парцеллем, преобладающих в русском корпусе.

Оценивая полученные результаты, отметим, что русские парцеллемы проявляют несколько большее разнообразие и гибкость конструктивного устройства и семантики; французские – несколько большую сбалансированность в распределении частотности выделенных типов и моделей.

Нами установлено, что вопреки устоявшемуся мнению потенциал парцелляции ограничен. В области асимметрических парцеллятов парцеллятному членению в русском корпусе не могут подвергаться сложные именные сказуемые, прямообъектные парцелляты, во французском корпусе – предикативные парцелляты. Сфера симметрических конструкций исключает парцелляцию сегментов со значением следствия, условия, уступки, а также прикомпаративно-объектные, координационно-пояснительные и подчинительно-составительные парцелляты. Также исключается парцелляция конструкций с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью (после коррелятов *celui, ce, тот, такой*).

Считаем, что перспективным и важным в теоретическом и практическом плане является исследование феномена парцелляции в социолингвистическом и диахроническом аспектах, а также на материале иных языков и дискурсов. Предлагаемая нами методология может быть применена при исследовании других средств фокусирования синтаксического и дискурсивного формата. Методика верификации достоверности результатов может быть использована для оценки репрезентативности любого специализированного корпуса. Разработанная программа также обладает свойством универсальности и может уже на данном этапе использоваться для изучения любых лингвистических объектов в любых языках; в перспективе она может быть дополнена анализаторами разных языков, встроенным расчетом индекса достоверности, расширенным и усовершенствованным инструментарием ввода данных, полезными и удобными для исследователя инструментами и функциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Абрамова А. Е. Парцелляция как прием поэтики психологизма в повести Г. Бакланова «Пядь земли» // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2014. № 10. С. 114–118.

Авласевич М. А. О парцелляции в современном русском литературном языке // Вестник Белорус. ун-та. Серия 4. 1973. № 1. С. 15–23.

Азовцева А. А. Коммуникативно-стилистическая вариантность на уровне высказывания (обособление и парцелляция) // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. Т. 55. С. 3–7.

Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва : Высшая школа, 1990. 168 с.

Акжысанова А. Т. Структурные особенности парцеллированных предложений в современном казахском языке // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 3 (5). С. 8.

Александрова Е. М., Астафьева О. А. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический прием расчленения текста (на материале коротких анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (48). С. 13–17.

Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. Москва : Высшая школа, 1984. 211 с.

Александрова О. В., Тер-Минасова С. Г. Английский синтаксис (коллигация, коллокация, речь). Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 188 с.

Алексеев И. В. Парцелляция как грамматическая структура речи: на материале произведений английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2006. 26 с.

Алефиренко Н. Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГГУ. 2008. № 2 (1). С. 75–78.

Андреевская А. А. Явление «сепаратизации» в стилистическом синтаксисе современной французской художественной прозы // Филологические науки. 1969. № 3. С. 77–83.

Андреевская А. А. Синтаксис современного французского языка. Киев : Вища школа, 1973. 190 с.

Аратиева Л. У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1985. 177 с.

Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63–73.

Астапова Г. М. Парцеллированные структуры с повтором в современном английском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1975. 216 с.

Астафьева О. А. Стилистические функции парцеллированных конструкций в романе В. Д. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Моск. гос. обл. гуманитар. ин-та. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 2, № 2. С. 1–9.

Атаджанова О. О. Парцелляция текстов жанра массовой коммуникации : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1988. 151 с.

Баранов А. Н., Паришин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации : сб. науч.-аналит. обзоров. Москва : [б. и.], 1989. С. 41–115.

Барт Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика / [пер. с фр.] ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 1989. 616 с. URL: <http://ihavebook.org/books> (дата обращения: 05.02.2021).

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 318 с.

Белкина Е. М. Стилистическое использование присоединительных и парцеллированных конструкций в текстах публицистической и художественной литературы. Москва : Изд-во МГЛУ, 1993. 13 с.

Белоусов В. Ю. Интонация как основной аспект разграничения парцелляции и смежных с ней конструкций в кинодиалоге гангстерского фильма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-1. С. 274–276.

Белоусов К. И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста : дис. ... д-ра филолог. наук. Оренбург, 2005. 374 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974. 448 с. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/benvenist.htm> (дата обращения: 15.02.2021).

Беседина Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91), вып. 14. С. 31–37.

Блох М. Я. К проблеме присоединительных связей предложений // Ученые записки МГПИ им. Ленина. 1969. № 367. С. 49–56.

Блох М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Москва, 1977. 34 с.

Богоявленская Ю. В. Парцелляция как средство интеллектуального и эмоционального воздействия // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2014. № 1. С. 43–47.

Богоявленская Ю. В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунаро. науч. конф. Екатеринбург, 26–30 сент. 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 37–38.

Боевец И. А. Сложное синтаксическое целое в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1971. 23 с.

Бойков В. В., Жукова Н. А., Романова Л. А. Распределение длины слов в русских, английских и немецких текстах // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-006.htm (дата обращения: 11.12.2020).

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. Москва : Либроком, 2009. 144 с.

Болдырев Н. Н. Функционально-семиологический подход к анализу языковых единиц // Проблемы семантического описания единиц языка и речи : материалы докл. Междунаро. науч. конф. Ч. 1. Минск : МГЛУ, 1998. С. 7–9.

Болотская М. П. Экспрессивный синтаксис в изображении мира и человека в современной русской литературе // Пушкинские чтения – 2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст / под ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург, 2014. С. 366–373.

Борисова Е. В. Коммуникативно-прагматические особенности парцелированных конструкций в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2003. 22 с.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика : сб. ст. / под ред. А. М. Шахнаровича. Москва : Прогресс, 1984. С. 21–49.

Будниченко Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) : дис. ... д-ра филолог. наук. Санкт-Петербург, 2004. 283 с.

Бурдаева Т. В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филолог. наук. Самара, 2002. 211 с.

Бурло В. Д., Степанова А. Н. О некоторых нарушениях синтаксической нормы французского языка и роли // Функционирование и развитие языковых систем. Минск : Высшая школа, 1990. С. 4–8.

Быкасов С. В. Парцелляция как средство членения высказывания // Вестник Камчат. гос. тех. ун-та. 2009. № 9. С. 129–132.

Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Логос, 2003. 280 с.

Ванников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1965. 529 с.

Ванников Ю. В. Психолингвистический аспект явления парцелляции // Вопросы сопоставительного и общего языкознания. Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. 1968. Т. 29. С. 45–61.

Ванников Ю. В. Парцелляция, связанная с разрывом интенциональных связей структуры предложения // Вопросы сопоставительного и общего языкознания. Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. 1969. Т. 43, вып. 5. С. 3–27.

Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. Москва : Русский язык, 1979. 296 с.

Ваулина Т. Л. К вопросу о разграничении присоединения и парцелляции // Проблемы истории, филологии, культуры : науч. журнал / под ред. М. Г. Абрамзона. Вып. 22. Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2008. С. 458–464.

Веденина Л. Г. Французская пунктуация и ее роль в построении предложения : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1980. 47 с.

Вильчицкая Е. А. Коммуникативно-прагматические функции парцелляции и присоединения в современном французском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 1991. 153 с.

Виноградов А. А. Структура и функции присоединительных конструкций в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1984. 18 с.

Винтман Ж. А. Присоединительные конструкции, имеющие форму членов предложения в современном французском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1973. 259 с.

Власенко Г. М. К вопросу о разграничении неполных, односоставных, эллиптических и парцеллированных структур (на материале французского языка) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-5. С. 43–48.

Водясова Л. П. Парцеллят как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в прозе К. Г. Абрамова // Филология и литературоведение. 2014. № 9 (36). С. 23–29.

Волкова С. С. Парцелляция или эллипсис? // Исследования по романской и германской филологии. Киев : Вища школа, 1977. С. 36–40.

Вяльях К. Э. Возможности парцелляции при экспликации коммуникативной организации высказывания // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Международ. науч.-практ. конф. Тамбов, 2015. С. 46–48.

Гаврилова В. В. Присоединительные конструкции и их стилистическое использование в произведениях современной немецкой художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1961. 21 с.

Гаибова М. Т. Присоединительные конструкции и их стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1973. 176 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Москва : Высшая школа, 1981. 208 с.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 243–263.

Галив У. Б. Парцелляция как доминанта поэтического синтаксиса Лины Костенко (на основе исторических романов в стихах «Берестечко» и «Маруся Чурай») // Гуманітарна освіта у технічних вищих навчальних закладах. 2014. Т. 1, № 29. С. 47–56.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 138 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва : URSS, 2010. 224 с.

Гоготиивили Л. А. Непрямое говорение. Москва : Языки славянских культур, 2006. 720 с.

Голубева И. В., Губарь И. А. Конструкции экспрессивного синтаксиса в лирике Бориса Пастернака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3 (50). С. 63–66.

Горбунова Л. Г., Ляскина Т. Н. Участие «Я»-субъекта в формировании высказываний с присоединением / парцелляцией // Огарев-Online. 2015. № 6 (47). С. 9–15.

Горячев А. А. Моделирование речевого воздействия в речевой коммуникации : дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 2010. 296 с.

Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: на материале английского языка : дис. ... д-ра филолог. наук. Москва, 2000. 325 с.

Гурьева Н. Н. Парцелляция как средство синтаксической компрессии в публицистической речи // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2013а. С. 164–168.

Гурьева Н. Н. Парцелляция как средство трансформации узуальных синтаксических конструкций в публицистической речи // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сб. тр. международ. науч. конф. Тверь, 2–3 нояб. 2010 г. Тверь, 2010. С. 12–22.

Гурьева Н. Н. О структурно-семантической характеристике парцелляции второстепенных членов предложения в чувашском языке // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2012. № 3 (75). С. 45–48.

Гурьева Н. Н. Парцелляция как экспрессивно-стилистическое средство в языке современных СМИ // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2013б. № 3. С. 163–169.

Дедковская Д. М. Постпозитивные номинативные конструкции в функциональном аспекте // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 4-1. С. 125–128.

Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики : сб. ст. Москва : Едиториал : УРСС, 2000. 192 с.

Дмитриева М. И. Семанτικο-прагматические и стилиобразующие характеристики экспрессивных единиц языка (на материале авторских текстов) : дис. ... канд. филолог. наук. Нижний Новгород, 2000. 168 с.

Добродомов И. Г. Парцеллированные (присоединительные) конструкции как неполные предложения монологического типа // Проблемы семантики предложения : Выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986. С. 109–115.

Добрычева А. А. Парцеллированные конструкции в тексте // Филологический журнал. 2010. Вып. 17. С. 95–96.

Добрычева А. А. Парцелляция в прозе С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Владивосток, 2012. 21 с.

Добрычева А. А. Парцелляция осложняющих компонентов предложения в прозе Сергея Довлатова // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 19–23.

Дудик П. Р. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення. Київ : Наукова думка, 1975. 288 с.

Дулалаев Ю. С. К вопросу о лингвистических и экстралингвистических условиях парцелляции сложноподчиненных предложений // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань : [б. и.], 1971. С. 46–49.

Дяговец И. И. Некоторые аспекты парцелляции придаточных предложений с синкретичной семантикой: к постановке вопроса // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. 2009. Вип. 20. С. 521–527.

Евтушенко Т. Г. Пунктуационно-графические средства в современных русских научных текстах : дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 2012. 160 с.

Еливанова А. М. Парцелляция однородных членов предложения во французской прозе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 1. С. 189–193.

Еременко Т. С. Экспрессивные синтаксические конструкции в языке газеты (на примере парцелляции) // Тенденции формирования науки нового времени : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа : Омега Сайнс, 2014. С. 157–159.

Ефремов А. Ф. Язык Н. Г. Чернышевского // Ученые записки Саратов. гос. пед. ин-та. Кафедра рус. яз. 1951. Вып. 14. С. 74–81.

Ефремова Н. А., Степанова А. А. Специфика синтаксических конструкций в произведениях Н. Габышева (на материале книги «Сто рассказов») // Вестник Северо-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. 2014. № 3. С. 103–110.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. Москва : Наука, 1982. 156 с.

Зеленукин Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2007. 27 с.

Зельцер В. И. Текстовая актуализация частей сложноподчиненного предложения в современном русском языке / ЛГПИ им. Герцена. Ленинград, 1973. 188 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : УРСС : Едиториал, 2003. 366 с.

Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Москва : [б. и.], 1968. С. 277–299.

Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. Москва : Просвещение, 1969. С. 126–139.

Иеронова И. Ю. Семиотический статус пунктемы «скобки» в системе параграфемных средств французского языка // Проблемы семантики и прагматики : сб. науч. тр. Калининград : [б. и.], 1996. С. 33–38.

Ингве В. Гипотеза глубины // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. Вып. 4 / сост. В. А. Звегинцев. Москва : Прогресс, 1965. С. 126–138.

Иноземцева Н. В. Парцелляция как основная синтаксическая модель заголовков англоязычных статей по методической проблематике // Вестник ОГУ. 2011. № 11 (130). С. 114–118.

Ирисханова О. К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка. Вып. 7. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 78–93.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Ирисханова О. К. Коммуникативная стратегия эвфемизации как «игры фокуса» в языке // Вестник МГЛУ. 2011. № 617. С. 172–184.

Ирисханова О. К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайка «Daughter, last glimpses of» // Вестник МГЛУ. 2013. № 17. С. 18–37.

Калинина Л. Н. Явление парцелляции на уровне текста / ДГУ. Донецк, 1985. 45 с.

Канеман Д. Внимание и усилие / пер. с англ. И. С. Уточкина. Москва : Смысл, 2006. 288 с.

Карасик В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 43–50.

Каркошко О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция : дис. ... канд. филолог. наук. Майкоп, 2011. 186 с.

Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филолог. наук в форме научного доклада. Москва, 2003. 90 с.

Ким Г. В. Бессоюзные присоединительные конструкции в современном русском литературном языке (на материале драматических произведений советских писателей) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Алма-Ата, 1965. 18 с.

Киселева Н. П. Стилистическая характеристика парцеллированных конструкций (на материале пьес Островского) // Язык и слог Островского-драматурга / Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 1974. С. 45–55.

Кобзев П. В. Неполные предложения присоединительного типа в современном литературном языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1966. 24 с.

Когнитивная лингвистика. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Филолог. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1996. С. 53–55.

Колесников А. В. Подключенные конструкции в синтаксисе целого текста : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1971. 24 с.

Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 2 (97). С. 88–94.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 818 с.

Константинов Л. Н. Наблюдения над употреблением парцеллированных конструкций в языке романа С. Залыгина «Соленая падь» // Теорети-

ческие и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. Барнаул : [б. и.], 1974. С. 54–59.

Кормилицына М. А. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 54–65.

Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Москва : Прогресс, 1989. С. 63–82.

Кравченко А. В. Естественно-научные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 3–12.

Кронгауз М. А. Семантика. Москва : РГГУ, 2001. 299 с.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой / отв. ред. Б. А. Серебrenников. Москва : Наука, 1986. 159 с.

Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 53, № 2. С. 3–15.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке : коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. Москва : ИЯ РАН ; Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. С. 11–24.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. Москва : Институт языкознания ; Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. № 4. С. 8–16.

Кудряшова Ф. С. Экспрессивная пунктуация в художественном тексте // Вестник Башкир. ун-та. 2014. Т. 19, № 3. С. 909–914.

Кузнецов В. В. Парцеллированные предложения и предложения с расширительным повтором в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Калинин, 1986. 16 с.

Кузовова С. А. Синтаксические конструкции как средство выразительности в рекламе туризма // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. С. 83–87.

Кузьмина Т. Е. Парцелляция как средство достижения экспрессивности высказывания // Стилистика текста. Языковые средства экспрессивности текста / БГУ. Уфа, 1989. С. 23–29.

Латтева О. А. Русский разговорный синтаксис. Москва : Наука, 1976. 400 с.

Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. Москва : КомКнига, 2005. 368 с.

Лисиченко Р. П. Интонационные характеристики парцелляции в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1972. 35 с.

Лисиченко Р. П. Парцелляция и ее интонационные характеристики (экспериментально-фонетическое исследование) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. Москва : [б. и.], 1973. С. 190–193.

Литвиненко Е. В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: опыт диахронического исследования : дис. ... д-ра филолог. наук. Киев, 1984. 401 с.

Маггеррамов И. А. Расчлененные и сегментированные синтаксические конструкции в медиатекстах // Риторика в контексте образования и культуры : материалы XIX Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию РГУ им. С. А. Есенина / отв. ред. И. Ю. Нефедова. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. С. 311–315.

Макарова Ю. А. Функции парцелляции как средства экспрессивного синтаксиса (на материале романа Уве Тимма «На примере моего брата») // Эволюция современной науки : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. Уфа, 2015. С. 69–71.

Марич С. Н. Парцеллированные конструкции в современном украинском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Киев, 1988. 31 с.

Марышова М. А. Функционирование приема парцеллирования в английском языке // Вестник Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2011. № 16. С. 71–79.

Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва : Академия, 2001. 208 с.

Мельничук О. А. Повествование от первого лица, интерпретация текста: на материале современной франкоязычной литературы : дис. ... д-ра филолог. наук. Москва, 2002. 323 с.

Мельничук О. А., Андросова Ф. С., Еливанова А. М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. Якутск : Издат. дом СВФУ, 2013. 195 с.

Мечковская Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура. Москва : Академия, 2008. 432 с.

Миронова М. В. Двоеточие в газетных заголовках англоязычных и русскоязычных газет // Вестник педагогического опыта. 2005. № 25. С. 71–73.

Молош Н. К. Прагматическая детерминация имени в единицах малого синтаксиса (парцеллятах и присоединениях) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 1994. 15 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Москва : Радуга, 1983. С. 37–89.

Моторкова И. В. Языковая организация дневникового повествования // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 102–106.

Мясищев Н. Н. Лексический аспект парцелирования в системе художественной речи // Русский язык за рубежом. 1993. № 5/6. С. 67–72.

Нашихоева М. Р. Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов (на материале английского языка) : дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 2012. 248 с.

Нестерова Н. М. Сепарированные конструкции, омонимичные придаточным предложениям, в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1974. 20 с.

Нефедова Л. А. Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 24 (315). С. 31–34.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. Москва : Высшая школа, 1988. 168 с.

Никифорова О. П. Функционирование знаков препинания в произведениях удмуртской художественной литературы // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире : материалы IV Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева. Глазов : ФГБОУ ВПО «Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко», 2014. С. 129–131.

Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск : Вышэйшая школа, 1978. 151 с.

Онькова Л. А., Лоскутова Ю. А. Роль парцелляции в структурной организации текста // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2014. № 10. С. 92–95.

Орехова Н. Н. Функции парцелляции в рекламе // Вестник международного Ин-та управления. 2010. № 3/4. С. 127–130.

Петренко Т. Ф., Слепакова М. Б. Парцелляция в новеллах А. Сомон как проявление кинематографичности текста // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2007. № 3/4. С. 121–124.

Пинегина Я. Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 22 с.

Плотников Б. А. Семиотика текста. Параграфемика : учеб. пособие. Минск : Вышэйшая школа, 1992. 190 с.

Попова З. Д. Теоретический и практический аспекты сопоставительного изучения языков // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 3–8.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Культура речи. Владивосток : Изд-во Владивосток. ун-та, 2005. 165 с.

Рачковская Л. А. Функционирование парцеллированных структур в художественных текстах современного немецкого языка : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2002. 172 с.

Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. Москва : Наука, 1987. 262 с.

Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Барнаул, 2003. 42 с.

Рубенкова Т. С. Парцелляты и инпарцелляты в поэтической речи XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Белгород, 1999. 21 с.

Рыбакова Г. Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 1969. 20 с.

Рыжикова Л. Н. Явление парцелляции в современной французской художественной прозе : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Киев, 1978. 26 с.

Сабурова В. А. Парцелляция в публицистических произведениях И. Андроникова // Филологический журнал. 2012. № 1 (19). С. 25–29.

Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 13 (151), вып. 31. С. 106–121.

Самигуллина А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении : дис. ... д-ра филолог. наук. Уфа, 2008. 363 с.

Севрюгина Е. В. Присоединение-парцелляция // Наука и школа. 2012. № 5. С. 31–34.

Сербина Т. Г. Парцелляция как особое синтаксическое явление в языке современных газет : дис. ... канд. филолог. наук. Львов, 1988. 188 с.

Сержан Л. С. Смысловое членение парцеллированных сверхфразовых единств современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1973. 31 с.

Сибгатова Э. И. Парцеллированные конструкции как средство выражения экспрессии в романе В. Аксенова «Остров Крым» // Вестник ТГГПУ. 2010. № 22. С. 188–191.

Сидорова Е. Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста // Вестник ВолГУ. 2007. № 6. С. 40–46.

Симонова О. Е., Башилькова О. В. Специфика использования средств речевой выразительности в рекламе женских глянцевого журналов // Nauka-Rastudent.ru. 2014. № 12-2. С. 16.

Сквородников А. П. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение» (на материале русского литературного языка) // Вопросы языкознания. 1978а. № 1. С. 118–129.

Сквородников А. П. О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке // Филологические науки. 1978б. № 2. С. 58–67.

Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск : Томский университет, 1981. 255 с.

Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка : Опыт системного исследования : дис. ... д-ра филолог. наук. Красноярск, 1982. 362 с.

Скоробогатова Е. А. Парцелляция полипредикативного высказывания в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Харьков, 1990. 23 с.

Скребицова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций. Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 253 с.

Скрипка М. А. Интонационно-смысловой аспект явления парцелляции в художественных текстах и языке СМИ // Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы : материалы Всерос. науч. школы для молодежи. Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2010. С. 97–101.

Сладкевич Ж. Р. Метаграфема в публицистике в свете процессов контактоподдержания и смыслообразования // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 4. С. 60–68.

Соколова Л. И. Присоединительные конструкции в современном немецком языке как явление коммуникативного синтаксиса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1977. 20 с.

Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

Солсо Р. Л. Когнитивная психология : [пер. с англ.]. Москва : Трикола, 1996. 600 с.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика : монография. Москва : Наука, 1981. 361 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Москва : Наука, 1985. 335 с.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. Москва : Языки русской культуры, 1998. 784 с.

Степанова И. И. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные функции включений, парцеллятов и присоединений в современном английском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 1993. 213 с.

Стрельцов В. И. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1974. 24 с.

Ступакова Л. И. Явление парцелляции в языке современной французской прессы (на материале газеты Humanité) : дис... канд. филолог. наук. Киев, 1975. 185 с.

Ступичева Н. Ю. Парцеллированные конструкции в художественной прозе В. Токаревой // Поколение будущего : Взгляд молодых ученых : сб. ст. 3-й Международ. молодеж. науч. конф. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Университетская книга, 2014. Т. 1. С. 415–418.

Ступичева Н. Ю. Функциональные возможности парцелляции (на примере романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик») // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. по материалам Международ. науч.-практ. конф. Тамбов, 30 апр. 2015 г. Т. 14. Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2015. С. 149–151.

Ступкина М. О. Парцелляция и смежные синтаксические явления в болгарском языке // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 1-1. С. 61–64.

Ступкина М. О. Парцелляция в современном болгарском языке: на материале художественной прозы : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 2008. 21 с.

Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Москва : Белорусский фонд Сороса, 1996. 287 с.

Суровенкова Л. С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1982. 185 с.

Сусов И. П. Введение в языкознание. Москва : Восток-Запад, 2006а. 382 с.
URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/1_07.htm (дата обращения: 21.02.2021).

Сусов И. П. История языкознания. Москва : Восток-Запад, 2006б. 295 с.
URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/History_of_linguistics.htm (дата обращения: 23.01.2021).

Сыроваткин С. Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики : учеб. пособие. Калинин : Калинин. ун-т, 1978. 84 с.

Тискова О. В. Проблема влияния пунктуации на письменно-речевые коммуникативные процессы : дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2004. 160 с.

Турсунов Б. Парцелляция придаточного предложения в немецком и узбекском языках : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1975. 22 с.

Уфимцева А. А. Лексическое значение : Принципы семиологического описания лексики / под ред. Ю. С. Степанова. Москва : Наука, 2002. 240 с.

Филонова Н. К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке : дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1982. 189 с.

Филонова Н. К. Коммуникативная организация парцеллированных высказываний // Структурные и функциональные особенности предложения и текста / СГПИ. Свердловск, 1989. С. 31–38.

Фролова Н. А. О соотношении парцеллированных и непарцеллированных предложений на синтаксическом и коммуникативном уровнях // Структура и семантика единиц номинации / ЛГПИ. Ленинград, 1986. С. 114–122.

Фусян В. Парцеллированные конструкции в современном русском языке // Русский язык в школе. 1988. № 4. С. 82–88.

Хабочкина А. С. Структурно-семантическая характеристика парцеллированных конструкций с лексическими повторами во французском языке // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков : межвуз. сб. науч. тр. Москва : Моск. гос. обл. ун-т, 2015. С. 82–86.

Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций и словесных риторических фигур. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1994. 316 с.

Хаймурзина А. З. Прагматические аспекты парцеллированных конструкций в художественном тексте: на материале короткого рассказа : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2008. 27 с.

Ханутин М. А. Языковая природа и особенности функционирования парцелляции как стилистического приема (на материале английского языка) : дис. ... канд. филолог. наук. Ташкент, 1983. 151 с.

Цумарев А. Э. Парцелляция в современной газетной речи : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2003. 26 с.

Цыганова К. Л. Присоединение и парцелляция в современных славянских языках // II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова : материалы междунаро- д. науч. конф. Санкт-Петербург : Филолог. фак. СПбГУ, 2001. С. 34–38.

Цыганова К. Л. Критерии разграничения присоединительных конструкций – членов предложения и неполных предложений (на материале сербохорватского языка) // Исследования славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы : информ. материалы и тез. докл. междунаро- д. науч. конф. Санкт-Петербург, 21–22 окт. 2003 г. / под ред. В. П. Гудкова, А. Г. Машковой, С. С. Скорвида. Москва : [б. и.], 2003. С. 228–230.

Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. Москва : Радуга, 1983. С. 35–73.

Ченки А. История отдельных направлений в лингвистике: современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.

Чепурных В. И. О коммуникативно-прагматическом подходе к исследованию графических и стилистических средств в художественном тексте // Семантика и прагматика единиц языка в тексте. Ленинград : [б. и.], 1986. С. 147–153.

Шаталова О. В. Универсальность коммуникативно-прагматических возможностей синтаксических конструкций (на примере характеристики персонажа типа «обманщик») // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гумани- тарные науки. 2012. № 11 (91). С. 29–37.

Шафиро М. Е. Присоединение как явление речевого синтаксиса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Саратов, 1965. 23 с.

Шигаревская Н. А. Основы французской пунктуации. Москва : Просвещение, 1975. 110 с.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : дис. ... д-ра филолог. наук. Санкт-Петербург, 1999. 455 с.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка. Москва : Академия, 2006. 256 с.

Шубина Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 184–192.

Шушлебина О. В. Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса // Вестник Кыргызско-Рос. славян. ун-та. 2012. Т. 12, № 5. С. 39–41.

Щерба Л. В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. Т. 9. Москва : Совет. энциклопедия, 1935. С. 366.

Щербатых Ю. Общая психология. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 272 с.
URL: http://bookz.ru/authors/6erbatih-urii/ob6aa-ps_770/1-ob6aa-ps_770.html
(дата обращения: 12.02.2021).

Щебаршина И. В., Пазова Л. М. Парцеллирование простого пространственного предложения (на примере произведения С. Довлатова «Чемодан») // Вестник Майкоп. гос. технолог. ун-та. 2013. № 3. С. 69–76.

Яцуга Т. Е. Регулятивный потенциал стилистических фигур в поэтических текстах З. Гиппиус // Вестник Томс. гос. пед. ун-та. 2006. № 5. С. 118–123.

A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. London : Longman, 1985. 1792 p.

Allen R. Punctuation. Oxford : Oxford University Press, 2002. 452 p.

Anis J. Les linguistes français et la ponctuation // L'information grammaticale. 2004. Nr 102. P. 5–10.

Anis J., Chiss J.-L., Puech C. L'écriture: théories et descriptions. Bruxelles : De Boeck, 1988. 334 p.

Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. Vol. 2. Strasbourg : [s. n.], 1962. P. 443–451.

Armstrong D. F., Stokoe W. C., Wilcox Sh. E. Gesture and the nature of language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 260 p.

Arrivé M., Normand C. Saussure aujourd'hui // Colloque de Cerisy. 12–19 août 1995. Numéro spéciale de LINX, nr 9. Paris : Paris X, 1995. P. 231–254.

Authier-Revuz J. Les non-coïncidences du dire et leur représentation méta-énonciative: Etude linguistique et discursive de la modalisation autonymique: thèse de doctorat d'Etat. Paris : Université Paris VIII, 1992. 342 p.

Authier-Revuz J. Ces mots qui ne vont pas de soi. Boucles réflexives et non-coïncidences du dire. [S. l.] : Lambert-Lucas, 2012. 790 p.

Badiou-Monferran C. Coordonner: (qu') est-ce (qu') ajouter ? // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 97–112.

Ballard M. Relations discursives et traduction. Lille : Presses universitaires de Lille, 1995. 297 p.

Bar F. Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif // Le français moderne. 1958. Nr 4. P. 12–19.

Bertrand A., Garnier P.-H. Psychologie cognitive. [S. l.] : Studyrama, 2005. 199 p.

Blakesley D., Hoogeveen J. Writing: A Manual for the Digital Age. Cengage Learning, 2011. 640 p.

Bohan J., Sanford A. J. Semantic anomalies at the borderline of consciousness: An eye-tracking investigation // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2008. Nr 61. P. 232–239.

Boliger D. Degree Words. The Hague. Paris : Mouton, 1972. 212 p.

Bordas E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes // Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2005. Nr 81. P. 161–164.

Bosredon B., Tamba-Mecz I. Aux marges de la phrase écrite: analyse d'unités typographiques autonomes // L'Information Grammaticale. 2003. Nr 98. P. 28–38.

Catach N. La ponctuation // Langue française. Paris : Larousse, 1980. Nr 45. P. 16–27.

Catach N. Rôle historique de la ponctuation: la virgule et les propositions incidentes au XVIIIe siècle // Langages. 1987. Nr 88. P. 31–40.

Catach N. La ponctuation. Paris : Presses Universitaires de France, 1994. 128 p.

Catach N. La Ponctuation et les systèmes d'écriture: dedans ou dehors? // À qui appartient la ponctuation? / J.-M. Defays [et al.] (éds). Paris : Bruxelles : Duculot, 1998. P. 31–46.

Catach N. L'Orthographe. Paris : Presses Universitaires de France, 1992. 127 p.

Cicurel F. Le texte et ses ornements // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 53–64.

Cohen M. Encore des regards sur la langue française. Paris : Editions Sociales, 1966a. 311 p.

Cohen M. Nouveaux regards sur la langue française. Paris : Editions Sociales, 1966b. 198 p.

Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. Paris : Editions Sociales, 1973. 513 p.

Combettes B. L'organisation du texte. Metz : Publications de l'Université de Metz, 1992. 180 p.

Combettes B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point // Cahiers de Praxématique. 2007a. Nr 48. P. 111–134.

Combettes B. Les ajouts après le point: aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles [et al.] (éds). Ophrys, 2007b. P. 119–131.

Combettes B. Hyperbate et structure informationnelle: le cas des ajouts après le point // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011a. P. 195–205.

Combettes B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? // L'Information grammaticale. 2011*b*. Nr 130. P. 24–29.

Combettes B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29–30 oct. 2012. Lyon : Université de Lyon, 2012*a*. P. 145–157.

Combettes B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discursivité: le cas des «fragments après le point» // Perspective fonctionnelle de la phrase: L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 oct. 2012. Nancy : Université de Nancy, 2012*b*. P. 76–79.

Combettes B. Aspects diachroniques des fragments après le point: cas d'ellipse ou ajouts ? // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. Berne : Peter Lang, 2013. P. 223–237.

Combettes B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif: énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs // Discours. 2010*a*. Nr 6. URL: <http://journals.openedition.org/discours/7703> (дата обращения: 19.08.2021).

Combettes B., Kuyumcuyan A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation: colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24–26 mars 2010. Caen : Université de Caen, 2010*b*. P. 28–30.

Crystal D., Davy D. Investigating English Style. London : Longman, 1969. 247 p.

Dahlet V. Ponctuation et énonciation. Guyane : Ibis rouge éditions, 2003. 128 p.

Dauzat A. Le génie de la langue française. Paris : Payot, 1943. 435 p.

David J. Pour une sémiologie de l'écrit, entre oralité et scripturalité // Le français aujourd'hui. 2010. Nr 3 (170). P. 31–49. URL: www.cairn.info/revue-le-francais-aujourd-hui-2010-3-page-31.htm (дата обращения: 10.05.2014).

Delofeu H.-J. Peut-on établir un système de ponctuation des transcriptions de textes oraux linguistiquement fondé? Les propositions du groupe Rhapsodie // Langue française. Nr 172. Paris : Armand Colin, 2011. P. 54–67.

Delorme B., Lefeuve F. De la prédication seconde à la prédication autonome // La phrase averbale: Délimitations et caractéristiques. Verbum. 2004. Vol. 26. P. 281–297.

Derrida J. Freud et la scène de l'écriture // L'écriture et la différence. Paris : Seuil, 1967. P. 293–340.

Dictionary of the English Language. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011. 2084 p.

Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 1. London : SAGE, 1997. P. 63–111.

Dubois J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? // *La pensée*. 1961. Nr 96. P. 61–75.

Emmott C. Reading for pleasure: A cognitive poetic analysis of «twists in the tale» and other plot reversals in narrative texts // *Cognitive Poetics in Practice* / J. Gavins, G. Steen (eds.). London : Routledge, 2003. P. 145–159.

Emmott C. Reference: Stylistic aspects // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Keith Brown (ed.). 2nd ed. Vol. 10. Oxford : Elsevier, 2006. P. 441–450.

Emmott C., Sanford A. J. Noticing and not Noticing. What's in a Text: Attention, Depth of Processing and Text Interpretation // *What's in a Text?* / A. Głaz [et al.] (eds). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 6–19.

Emmott C., Sanford A. J., Morrow L. I. Sentence fragmentation: Stylistic aspects // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Keith Brown (ed.). 2nd ed. Vol. 11. Oxford : Elsevier, 2006. P. 241–251.

Fauconnier G. Domains and connections // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1, nr 1. P. 151–174.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambriges, MA : MIT Press, 1994. 240 p.

Favriaud M. Le Traité moderne de ponctuation de Jacques Damourette: une théorie inachevée du sujet vocal dans le texte // *De la grammaire à l'inconscient – dans les traces de Damourette et Pichon* / M. Arrivé [et al.] (éds). Limoges : Lambert-Lucas, 2010. P. 37–44.

Fayol M. Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite. Paris : Presses universitaires de France, 1997. 236 p.

Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction. London ; New York : Routledge, 1993. 431 p.

Fonagy I. Structure sémantique des signes de ponctuation // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 1980. Nr 75. P. 95–129.

Lodge H. C., Frett C. G. New Ways in English. New York : [s. n.], 1968. 234 p.

Gadet F. Saussure, une science de la langue. Paris : Presses universitaires de France, 1987. 190 p.

Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // *Travaux de linguistique*. 2010a. Nr 60. P. 91–107.

Gautier A. La pause et l'effet: Hyperbate et segmentation graphique // *L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase* / A.-M. Paillet, C. Stolz (dir.). Paris : PUPS, 2010b. P. 103–116.

Gautier A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase: thèse de Doctorat. Paris : Université Paris-Sorbonne, 2006. 438 p.

Geeraerts D. Cognitive grammar and the history of lexical semantics // Topics in Cognitive Linguistics / B. Rudzka-Ostyn (ed.). Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. 769 p.

Georgin R. La prose d'aujourd'hui. Paris : Editions André Bonne, 1956. 456 p.

Goldberg A. Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1995. 265 p.

Greenbaum S. The Oxford English Grammar. Oxford : Oxford UP, 1996. 672 p.

Grunig B. N. Conflits et instabilité dans les processus de production et d'interprétation d'ajouts // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 79–93.

Halverson J. Punctuation puzzles & mazes. New York : Scholastic Professional Books, 2001. 64 p.

Havu E. Les énoncés averbaux comme hyperbates // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. P. 179–192.

Havu E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. Berne : Peter Lang, 2013. P. 65–80.

Hirotsu M., Frazier L., Rayner K. Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye movements // Journal of Memory and Language. 2006. Nr 54. P. 425–443.

Huddleston R., Pullum G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 1860 p.

Jaffré J.-P. À quoi sert la ponctuation ? // Le français aujourd'hui. 2014. Nr 4 (187). P. 129–135.

Jorna R. J. Wissensrepräsentation in Künstlichen Intelligenzen. Zeichentheorie und Kognitionsforschung // Zeitschrift für Semiotik. 1990. Bd. 12, ...h. 1/2. S. 9–23.

Just M. A., Carpenter P. A. A theory of reading: From eye fixations to comprehension // Psychological Review. 1980. Nr 4 (87). P. 329–354.

King G. Good Punctuation. Glasgow : HarperCollins, 2004. 184 p.

Korzen H., Nölke H. La linéarité dans la langue: du phonème au texte // Langue française. 1996. Nr 111. P. 3–13.

Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz [et al.] (éds.). Berne : Peter Lang, 2009. P. 30–50.

Kuyumcuyan A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. Berne : Peter Lang, 2013. P. 143–154.

LaBerge D. Attentional Processing: The brain's art of mildfulness. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1995. 262 p.

Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 516 p.

Langacker R. W. Reference-Point Constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Nr 4. P. 1–38.

Langacker R. W. A Dynamic Usage-Based Model // Usage-Based Models of Language / ed. by S. Kemmer, M. Barlow. Stanford : CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 2000. P. 1–64.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. 395 p.

Leech G., Short M. H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London ; New York : Longman, 2007. 425 p.

Lefeuve F. La phrase averbale en français. Paris : L'Harmattan, 1999. 352 p.

Lemaire P. Abrégé de psychologie cognitive. Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2006. 137 p.

Lukeman N. The Art of Punctuation. Oxford : University Press, 2006. 269 p.

Marnette S. La ponctuation du discours rapporté dans quelques manuscrits de romans en prose médiévaux // Verbum. 2008. Nr 1 (28). P. 29–46.

Matlin M. W. La cognition: Une introduction à la psychologie cognitive. Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2001. 790 p.

Meschonnic H. La ponctuation, graphie du temps et de la voix // La Licorne. 2000. Nr 52. P. 289–293.

Müller R. She lisped and he said firmly: Strategies of Directing Attention in Narrated Speech Acts // Aesthetic Attention Theories, Models, Perspectives. 22–23 November 2013. Mainz : University of Mainz, 2013. P. 65–66.

Neveu F. Détacher est-ce condenser? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français // L'Information Grammaticale. 2001. Nr 130. P. 18–23.

Neveu F. L'apposition: concepts, niveaux, domaines // Langue française. 2000. Nr 1 (125). P. 3–17.

Noailly M. Apposition, coordination, reformulation dans les suites de deux GN juxtaposés // Langue française. 2000. Nr 125. P. 46–59.

Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique ? // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131–145.

Orlandi E. Un point c'est tout. Interdisours, incomplétude, textualisation // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 65–78.

Perrot J. Ponctuation et fonctions linguistiques // Langue française. 1980. Nr 1 (45). P. 67–76.

Perspective in statements of quantity, with implications for consumer psychology / A. J. Sanford, N. Fay, A. J. Stewart, L. M. Moxey // Psychological Science. 2002. Nr 2 (13). P. 130–134.

Pétillon S. Parenthèse et tiret double: pour une polyphonie mouvante // L'information grammaticale. 2004. Nr 102. P. 46–50.

Pétillon-Boucheron S. Les détours de la langue. Etude sur la parenthèse et le tiret double. Louvain-Paris : Editions Peeters, 2003. 367 p.

Référovskaja E. A., Vassiliéva A. K. Essai de grammaire française. Cours théorique. Ленинград : Просвещение, 1973. 430 с.

Reichle E. D., Warren T., McConnell K. Using E-Z Reader to model the effects of higher-level language processing on eye movements during reading // Psychonomic Bulletin & Review. 2009. № 1 (16). P. 1–20.

Rey-Debove J. Le métalangage. Paris : Editions Le Robert, 1978. 289 p.

Reynolds J. Mastering Essential English Skills. [S. l.] : Laidlaw Brothers, 1977. 256 p. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eWs0cqWUAbkJ:www.learning2grow.org/2011/02/17/types-of-sentence-fragments/&hl=ru&gl=fr&strip=1&vwsr=0> (дата обращения: 02.01.2021).

Ricardou J. Les retours de l'écrit dans l'incompensé de la parole et de la langue // Saussure aujourd'hui. Colloque de Cerisy, numéro spéciale de LINX. Paris : Paris X, 1995. P. 395–421.

Roberts P. English Sentences. New York : Bantam Books, 1962. 429 p.

Sanford A. J. Context, attention and depth of processing during interpretation // Mind and Language. 2002. Nr 17. P. 188–206.

Sanford A. J., Sturt P. Depth of processing in language comprehension: Not noticing the evidence // Trends in Cognitive Sciences. 2002. Nr 6. P. 382–386.

Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse / A. J. S. Sanford, A. J. Sanford, J. Molle, C. Emmott // Discourse Processes. 2006. Nr 2 (42). P. 109–130.

Seguin J.-P. Enchaînement et usage du point // Evolution et variation en français préclassique. Etudes de syntaxe / B. Combettes (dir.). Paris : Honoré Champion, 2003. P. 69–137.

Shuster E. A fresh look at Sentence Fragments // English Journal. 2006. Vol. 95, nr 5. P. 78–83.

Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: Theory, research, and application / H. Pick, L. Acredolo (eds.). New York : Plenum Press, 1983. P. 225–282.

Taylor J. R. Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd. ed. Oxford : Oxford University Press, 1995. 331 p.

Timsit-Berthier M., Gerono A. Manuel d'interprétation des potentiels évoqués endogènes. Editions Mardaga, 1997. 58 p.

Tomlin R., Russell S. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study // Word order in discourse / ed. P. Downing, M. Noonan. Amsterdam : Benjamins, 1995. P. 517–554.

Touratier Ch. Coordination et syntaxe // L'information grammaticale. 1990. Nr 46. P. 13–16.

Tournier C. Essai de définition de la ponctuation et classement des signes // La Ponctuation: recherches historiques et actuelles. Paris : CNRS et Groupement de recherches sur les textes modernes, 1977. P. 223–243.

Tournier C. Histoire des idées sur la ponctuation, des débuts de l'imprimerie à nos jours // Langue française. 1980. Nr 45. P. 28–40.

Treisman A. L'attention, les traits et la perception des objets // Introduction aux sciences cognitives / D. Andler (ed.). Paris : Editions Gallimard, 1992. P. 153–191.

Treisman A. Representing visual objects // Attention and Performance XIV / D. Meyer, S. Kornblum (eds). [S. l.] : MTT Press, 1993. P. 163–175.

Tuchais S. La phrase nominale dans la presse contemporain française / Mémoire de maîtrise. Paris : Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. 210 p.

Védénina L. G. La triple fonction de la ponctuation dans la phrase: syntaxique, communicative et sémantique // Langue française. 1980. Nr 45. P. 60–66.

Védénina L. G. Pertinence linguistique de la présentation typographique. Paris : Peeters/Selaf, 1988. 170 p.

Weinrich H. Sprache in Texten. Stuttgart : Klett, 1971. 248 p.

Приложение

Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ Linquistia

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации программы для ЭВМ
№ 2014660349
Linguistica

Правообладатель: *Боговялевская Юлия Валерьевна (RU)*

Автор: *Александров Степан Александрович (RU)*

Заявка № **2014616606**
Дата поступления **07 июля 2014 г.**
Дата государственной регистрации
в Реестре программ для ЭВМ **06 октября 2014 г.**

Директор Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Л.Л. Кирый

Научное издание

Богоявленская Юлия Валерьевна

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В РУССКОМ
И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ:
ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Ответственный за выпуск *Н. А. Юдина*

Редактор *Е. И. Маркина*

Корректор *Е. И. Маркина*

Компьютерная верстка *Г. Б. Головина*

Электронное сетевое издание.

Размещено в электронном архиве УрФУ по адресу: elar.urfu.ru

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 60×84/16.

Уч.-изд. л. 11,13. Объем данных 1,6 Мб.

Гарнитура Times.

Издательство Уральского университета

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

